Дмитрий
Ильич
УЛЬЯНОВ

ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

воспоминания
переписка
статьи

Дмитрий
Ильич
УЛЬЯНОВ

ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

воспоминания
переписка
статьи

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

3К26.3
У51

Ульянов Д. И.
У51 Очерки разных лет. Воспоминания. Переписка. Статьи. М., Политиздат, 1974.

207 с. с ил.

В этой книге представлены воспоминания брата и соратника В. И. Ленина — Дмитрия Ильича Ульянова о Владимире Ильиче и членах семьи Ульяновых, переписка, а также статьи и стенограммы разных лет. Все материалы излагаются в доступной форме, просто, с душевной теплотой. Многие из них публикуются впервые.

Книга рассчитана на массового читателя.

$У\frac{10202-036}{079(02)-74}$ Б3—53—1—73 3К26.3

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Книга «Очерки разных лет» выпускается к 100-летию со дня рождения Дмитрия Ильича Ульянова (1874—1943) — брата и соратника В. И. Ленина, старейшего члена нашей партии, одного из организаторов советского здравоохранения.

Профессиональный революционер, врач по образованию, Д. И. Ульянов прошел славный путь борьбы за свободу и счастье всех трудящихся. Еще в 90-е годы, будучи студентом Московского университета, он принимает участие в «Рабочем союзе» — первом марксистском кружке в Москве. В 1900 году Дмитрий Ильич входит в организацию «Искры» и ведет партийную работу в разных городах России. Он — активный участник исторического II съезда РСДРП, на котором завершился процесс создания партии большевиков, великой ленинской партии. За революционную деятельность его неоднократно арестовывали царские опричники.

В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции Дмитрий Ильич вел пропагандистскую работу среди рабочих Крыма и моряков Черноморского флота. Будучи одним из руководителей большевистского подполья, он принимал непосредственное участие в установлении Советской власти в Крыму, фактически возглавил здесь Временное рабоче-крестьянское правительство. И, конечно же, его деятельность была направлена прежде всего на возрождение здравниц для трудящихся.

Более подробно о жизни и революционной борьбе Д. И. Ульянова читатель узнает из биографического очерка, которым открывается настоящая книга.

В ней собраны воспоминания, очерки, статьи, письма и стенограммы. Написанные в разное время, они подкупают своей искренностью, непринужденностью. Как

живой свидетель, Дмитрий Ильич тепло и просто рассказывает о своих братьях Владимире Ильиче и Александре Ильиче, об отце Илье Николаевиче, рисует запоминающиеся картинки быта семьи Ульяновых, принадлежавшей к лучшей части передовой русской интеллигенции.

Особый интерес вызовут у читателя воспоминания о В. И. Ленине. В них показана пора детства и юности Владимира Ильича, рассказывается, как он учился, работал, мужал и закалялся. Приводятся яркие эпизоды из жизни молодого Ленина, характеризующие его скромность и честность, чуткое отношение к товарищам и принципиальность в достижении цели, настойчивость и непримиримость в борьбе с порожденными капитализмом несправедливостью и произволом.

Читатель познакомится с самарским периодом жизни и деятельности Ленина, узнает, как двадцатитрехлетний Владимир Ильич, полный решимости к самоотверженной революционной борьбе, едет в Петербург, а затем, отбыв сибирскую ссылку, возвращается с планом издания за границей общерусской политической газеты — будущей «Искры».

Дмитрий Ильич рассказывает о встрече с братом за границей, о II съезде РСДРП, на котором он был делегатом от тульской партийной организации.

С увлечением читаются страницы книги, повествующие о жизни Ленина в Горках. Дмитрий Ильич впервые приехал сюда в 1919 году. Здесь он вместе с Владимиром Ильичем совершал прогулки по парку, купался в реке Пахра, играл в городки.

В книге приводится обширная переписка Д. И. Ульянова с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, с матерью Марией Александровной, сестрами Анной Ильиничной и Марией Ильиничной, а также с близкими друзьями и знакомыми. Помещаются и другие материалы, в частности статья, написанная Дмитрием Ильичем в первые месяцы Советской власти в Крыму, она отражает состояние и задачи советского здравоохранения в тот период. Многие из этих материалов публикуются впервые.

Книга подготовлена *О. Д. Ульяновой*

ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Дмитрий Ильич Ульянов — младший брат Владимира Ильича Ленина — родился 4(16) августа 1874 года в г. Симбирске (ныне Ульяновск). Отец его — Илья Николаевич Ульянов — всю свою жизнь посвятил делу народного образования, которое он горячо любил и которому беззаветно служил. Он работал инспектором, а потом директором народных училищ Симбирской губернии. Мать Дмитрия Ильича — Мария Александровна Ульянова — была глубоко образованной женщиной, исполненной прекрасных человеческих качеств.

В 1883 году Дмитрий Ильич поступил в Симбирскую гимназию, однако проучился в ней всего четыре года. В 1887 году после казни старшего брата Александра вся семья переехала из Симбирска в Казань. Здесь Владимир Ильич стал учиться в университете, но в декабре того же года был исключен за участие в студенческой сходке и выслан в деревню Кокушкино. Пришлось сюда перебраться и Марии Александровне вместе с детьми Ольгой, Дмитрием и Марией. «Я учился в это время в четвертом классе Казанской гимназии, зимой был болен, и мать взяла меня с собой в Кокушкино»,— писал Дмитрий Ильич.

Весной 1889 года Мария Александровна переехала из Казани в Самару. Семья жила сначала близ деревни Алакаевки, куда в июне прибыл и Дмитрий Ильич, ученик 6-го класса Самарской гимназии.

Сразу же после казни Александра Ильича за семьей Ульяновых был установлен негласный полицейский надзор. Его не избежали и младшие дети — Дмитрий и Мария. Из архивных документов известно, что в Казани и в Самаре директору гимназии секретно поручалось «иметь за поведением Ульянова особое наблюдение и тщательно следить за его отношением к товарищам».

Кроме того, Самарскому губернатору предписывалось следить за всей семьей Ульяновых, а насчет гимназиста Дмитрия Ульянова было сказано, что «благонадежный классный наставник» должен как можно чаще посещать его квартиру.

Весной 1893 года Дмитрий Ильич окончил Самарскую гимназию и подал заявление на медицинский факультет Московского университета. Его приняли, и в конце лета семья Ульяновых уехала из Самары: Владимир Ильич в Петербург, а Мария Александровна с Анной, Марией и Дмитрием — в Москву. В Москве они поселились недалеко от Тверского бульвара в Большом Палашевском переулке. Осенью у Дмитрия Ильича начались занятия в университете. В мае следующего года он сдал экзамены и перешел на второй курс медицинского факультета. «Экзамены были по общеобразовательным предметам: физика, неорганическая химия, ботаника, зоология. Больше других предметов мне нравилась химия...»

В университете Дмитрий Ильич подружился с Андреем Гавриловичем Русановым, впоследствии известным профессором-хирургом Воронежского университета. «...У нас гостил некоторое время,— вспоминал А. Г. Русанов,— мой товарищ по курсу и большой приятель Дмитрий Ильич Ульянов. С семьей Ульяновых, жившей тогда в Москве, мы познакомились зимой 1893 года через М. Т. Елизарова, сослуживца П. А. Буланже. Семья эта с самого начала заинтересовала меня своими революционными и марксистскими убеждениями. Я помню, какие горячие споры возникали у нас при совместном чтении на квартире Буланже запрещенных произведений Льва Николаевича. Но вместе с тем, при всей разнице взглядов, я находил во всем укладе жизни этой семьи много сходного с тем, что мне внушали дома. Скромность жизни, стремление ограничить эксплуатацию чужого труда для личной надобности, простота в одежде и привычках. Мотивом служило здесь требование к самим себе — жить так, чтобы служить интересам рабочего класса» [1].

Дмитрий Ильич знакомится также с революционно настроенными студентами, принимает участие в неле-

---

[1] *А. Г. Русанов*. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж, Областное книжное издательство, 1937, стр. 61.

гальных студенческих кружках. В автобиографии он писал: «Политическое настроение (о взглядах говорить не приходится) было у меня бессознательно революционное с определенным уклоном к террору. Но девяностые годы были, как известно, переломным моментом от народничества к марксизму, и меня захлестнула общая волна увлечения марксизмом и благоговения перед засаленной курткой рабочего. В 1894—1895 годах я прочел 1-й том «Капитала», «Эрфуртскую программу» Каутского, книжки Струве, Бельтова (Плеханова)...»

Примерно в это же время Дмитрий Ильич познакомился с Андреем Нилычем Елагиным, членом партии с 1898 года. Он часто бывал у него в деревне Дрожжино недалеко от станции Бутово, где тот вместе с женой снимал квартиру. «...Около двух недель мне пришлось также быть в этой деревне: я бывал у них по вечерам, мы вели беседы и начали вместе читать первый том Маркса...» — вспоминал Дмитрий Ильич. В квартире Андрея Нилыча собирались обычно В. Б. Елагин, Л. Курнатовская, П. А. Павлов, В. К. Вольский и Дмитрий Ильич. Андрей Нилыч с семьей жил очень бедно. Было время, когда он столярничал и этим зарабатывал средства к жизни. Дмитрий Ильич говорил, что «всегда Андрей Нилыч и его жена производили на меня впечатление искренних, глубоко убежденных революционеров-марксистов».

Дмитрий Ильич принимал участие не только в студенческих кружках, но и в кружках рабочих, в частности на заводе «Гужон» (ныне завод «Серп и молот»). Связи с рабочими Дмитрий Ильич установил по заданию московского «Рабочего союза», в который вступил в 1897 году. Одно время провалы и аресты сильно ослабили «Рабочий союз», однако впоследствии он вновь воссоздается усилиями И. Ф. Дубровинского, Д. И. Ульянова и других. Вот что писал в своих воспоминаниях о Дмитрии Ильиче старейший член партии Федор Николаевич Петров:

«Помню, как мы впервые встретились. Весной 1897 года я нелегально приехал из Киева в Москву... Мне предстояло побывать на собрании заводского рабочего кружка... Несколько раз выступал Дмитрий Ильич. В его словах звучала такая удивительная сила убеждения, такая твердая и всем понятная логика, что слушатели затаивали дыхание, когда он говорил... Дмитрий Ильич,

несмотря на запреты полиции и строжайший надзор администрации, вел нелегальную работу в кружке на заводе «Гужон».

После собрания мы познакомились, разговорились. Конечно, как и полагалось двум марксистам в то трудное время, тема нашего разговора больше всего касалась подпольной работы, подготовки стачек, демонстраций, печатания и распространения листовок» [1].

7 ноября 1897 года Д. И. Ульянов был арестован по делу московского «Рабочего союза» и помещен в Таганскую тюрьму в одиночную камеру, на которой было написано: «Государственный секретный преступник». Почти одновременно с ним были арестованы и многие другие члены кружка, например: Н. Н. Розанов, А. Н. и В. Б. Елагины, П. А. Павлов, В. К. Вольский.

На допросах Дмитрий Ильич проявил большую выдержку, отрицал свою причастность к революционной деятельности. «На предложенные мне вопросы отвечаю: ни в каких организациях и кружках я участия не принимал. Студента-медика П. А. Павлова и студента-математика В. К. Вольского я совершенно не знаю...» [2] — заявил он на допросе 26 ноября 1897 года.

В. И. Ленин всегда интересовался судьбою своего младшего брата, а узнав о его аресте, он в письмах к матери и сестрам выражает беспокойство о нем. Так, в одном из писем (в июле 1898 года) Владимир Ильич спрашивает у матери: «Когда же наконец выпустят Митю? Вот не ожидал, что из-за пустяков раздуют такую ахинею? И куда он поедет, когда выпустят?» [3]

В августе 1898 года Дмитрий Ильич был освобожден из тюрьмы, и Владимир Ильич прислал матери радостное письмо: «Вчера получил я, дорогая мамочка, телеграмму от 21-го о Митином освобождении и письма твое и Анютино. Очень был рад всем известиям, особенно первому. Митя освобожден, следовательно, по окончании следствия: теперь интересно узнать, что́ именно приуготовляет для него обвинительная власть» [4]. Обвинительная власть выслала Дмитрия Ильича в Тулу. Вскоре Марии Александровне удалось добиться разре-

[1] Журнал «Огонек», 1964, № 34, стр. 25.
[2] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 15, оп. 1, л. 20, 21.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 94.
[4] Там же, стр. 99.

шения на его жительство в Подольске. В предписании, однако, указывалось, что Д. И. Ульянов «подчинен гласному надзору полиции на один год в г. Подольске, после чего ему было воспрещено жительство в столицах и С.-Петербургской губернии вплоть до особого распоряжения, причем он был подчинен негласному надзору полиции» [1].

Но и будучи поднадзорным, Дмитрий Ильич вместе с сестрой Анной Ильиничной принимает участие в нелегальном издании книг В. И. Ленина, который в то время находился в сибирской ссылке.

В Московском университете Д. И. Ульянову запретили учиться. Мария Александровна и сам Дмитрий Ильич много раз обращались с просьбой, чтобы ему все же позволили закончить образование. После долгих усилий власти разрешили, наконец, завершить Д. И. Ульянову образование в г. Юрьеве (ныне г. Тарту). В Юрьевском университете, одном из старейших университетов России, тогда учились многие революционно настроенные студенты. Поэтому при поступлении в университет с Дмитрия Ильича взяли подписку о том, что он обязуется не вступать ни в какое тайное общество.

3 октября 1900 года Д. И. Ульянов был принят в число студентов медицинского факультета. В тот же день Дмитрий Ильич пишет матери: «...Меня уже приняли в университет, так что я теперь форменный студент, хотя бумага из Петербурга еще не получена...» [2]

В. И. Ленин не переставал интересоваться братом. В каждом письме к родным он спрашивал, как идут у него занятия. Переписка тех лет между ними, к сожалению, не сохранилась.

В декабре 1901 года Д. И. Ульянов успешно окончил Юрьевский университет и сразу же уехал из Юрьева.

Еще ранее, в начале 1900 года, по возвращении В. И. Ленина из Сибири, Дмитрий Ильич вошел в организацию «Искры». Как пишет он в автобиографии, в то время у Владимира Ильича «уже был готов план о переезде за границу и создании революционной социал-демократической газеты «Искра»; он устанавливал связи с организациями и отдельными корреспондентами. Мы условились насчет шифра, адресов для коррес-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 14, л. 3.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 33, л. 8.

понденции и денег, и с этого времени по 1903-й год я держал с ним и Надеждой Константиновной постоянную связь, которая несколько ослабла в 1901 году, когда я поехал в Юрьев оканчивать университет.

Зимой 1902 года я встретился в Самаре с членами организации «Искра» тт. Кржижановским, Ленгником и другими; мне было предложено поехать в Одессу, где Комитет считался рабочедельческим и предстояло переводить его в «искринскую веру». Однако я попал очень неудачно, так как приехал через несколько дней после полного провала организации и с трудом стал завязывать связи с одиночками».

Трудность была и другая — устроиться на работу. Ведь никто не хотел брать врача, находившегося под постоянным негласным надзором полиции. В мае 1902 года Дмитрий Ильич все же поступил в лечебницу на Хаджибейском лимане под Одессой.

В это время он ведет большую переписку с Н. К. Крупской по вопросам распространения «Искры», принимает активное участие в организации перевозки из-за границы политической литературы. Искровская литература из-за границы доставлялась морским путем через Болгарию. Одесским революционерам в этом деле оказывал большую помощь Димитр Благоев, основатель Болгарской рабочей социал-демократической партии.

Дмитрий Ильич продолжал конспиративную революционную деятельность. Но полиция постоянно следила за ним, и в августе 1902 года его арестовали. В предъявленном ему обвинении говорилось, что Д. И. Ульянов арестован за принадлежность к кружку «Социал-демократов» и за распространение прокламаций, призывавших крестьян присоединиться к революционному движению рабочих. Через три недели он был освобожден за недостаточностью улик.

Владимир Ильич, узнав о том, что Дмитрий Ильич уже на свободе, с радостью пишет матери: «Митино освобождение, о котором я прошлый раз писал, что в нем уверен,— оказалось, произошло даже скорее, чем я ожидал. Особенно я рад за Анюту, что ей не пришлось долго мыкаться по разным «присутственным» местам... Имеет ли Митя заработок и не думает ли навестить вас?» [1]

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 224—225.

Некоторое время Дмитрий Ильич еще оставался в Одессе, но продолжать революционную работу становилось все сложнее из-за полицейской слежки. В декабре 1902 года он переезжает в Самару, а весной следующего года — в Тулу. Здесь он познакомился с Платоном Васильевичем Луначарским (братом А. В. Луначарского), Сергеем Ивановичем Степановым и другими большевиками. В Тульском комитете Дмитрий Ильич вел интенсивную работу по подготовке II съезда партии и был вместе со Степановым избран делегатом на этот съезд, который состоялся за границей.

Дмитрий Ильич не мог, конечно, выехать за границу легальным путем. В автобиографии он пишет: «В июне я перешел границу нелегально, так как ехать по паспорту было недопустимо по конспиративным соображениям. До съезда я прожил с неделю в Женеве у брата, а затем жил в Брюсселе и Лондоне, где происходили заседания съезда. На съезде я примкнул к большевистской фракции, в которой и оставался в последующие годы».

В партийном билете Д. И. Ульянова и в различных анкетах, которые приходилось ему заполнять, он писал, что является членом партии с 1903 года. Но фактически он стал членом партии гораздо раньше — с 1896 года.

Дмитрий Ильич (под псевдонимом Герца) принимал активное участие в работе съезда, в обсуждении программы и устава партии. В числе «твердых» искровцев он энергично защищал интересы партии против складывавшегося на съезде объединения разношерстных оппортунистических элементов [1].

После окончания работы съезда Дмитрий Ильич перешел границу вместе с Сергеем Ивановичем Гусевым и, как он сам пишет, «направился в Киев, где жили в то время выбранные в ЦК товарищи Кржижановский и Ленгник и куда должен был прибыть третий член ЦК т. Борис» [2]. Выполняя партийное поручение, он ездил в Саратов, Самару, Нижний Новгород, где выступал с докладами о II съезде. Одновременно Дмитрий Ильич занимался сбором денег для партии, получал, в частности, большие суммы от Максима Горького и от других

---

[1] См. История КПСС. М., Политиздат, 1972, стр. 58.

[2] Псевдоним В. А. Носкова (1878—1913) — одного из организаторов «Северного рабочего союза».— *О. У.*

лиц (тоже через Горького) и пересылал эти деньги в большевистский центр на имя Н. К. Крупской[1].

«По возвращении в Киев,— вспоминает Дмитрий Ильич,— мне пришлось в течение нескольких месяцев работать с утра и до ночи при первом ЦК большевиков. В Киев отовсюду чуть не ежедневно приезжала публика за литературой, деньгами, паспортами, для информации и т. д. Для приема и переговоров с приезжающими у меня было не менее десятка конспиративных и явочных квартир. Ясно, что провал, и скорый, был неизбежен, и в начале января 1904 года я был арестован вместе с большинством товарищей. На этот раз мне грозил суд и ссылка на поселение, но «весна» 1904 года и события 1905-го определили иначе, чем думала прокуратура и жандармерия,— я просидел всего одиннадцать месяцев, а суд не состоялся». Вместе с Дмитрием Ильичем была арестована его первая жена А. И. Нещеретова, а также Мария Ильинична и Анна Ильинична.

В Киеве их мать, Мария Александровна, осталась совершенно одна. Надо сказать, что она относилась к революционной деятельности детей всегда с большим сочувствием и никогда не упрекала их, хотя ей приходилось постоянно тревожиться за их судьбу. «Иногда благодаря ей,— писала Мария Ильинична,— нам удавалось выпутаться из неприятных историй. Особенно характерен в этом отношении случай, который имел место во время нашего киевского ареста. У Дмитрия Ильича, которого арестовали на улице, было при себе 500 рублей[2]. Деньги эти, конечно, были партийные, и жандармы за таковые и сочли их, правильно полагая, что человек, не имевший в Киеве никакого постоянного заработка, не мог располагать такой крупной по тому времени суммой. Если бы брат не сумел опровергнуть это их предположение, деньги были бы конфискованы; да, помимо того, это ухудшило бы его положение, так как явилось бы лишним доказательством его партийной работы. На Дмитрия Ильича, как мы указывали, жандармы смотрели вначале очень серьезно. Его посадили в крепость, и свиданий с ним у матери не было. Между тем у Дмитрия Ильича создался план, как выпутаться

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 24, оп. 4н, д. 1419, л. 1—3.

[2] В конце декабря 1903 года Дмитрий Ильич собрал для партии более 500 рублей, но переслать их за границу В. И. Ленину не успел.— *О. У.*

из истории с деньгами, и он написал матери обычное письмо через жандармов, но в нем, конспиративно, путем отрыва букв, сообщил шифром свою просьбу сговориться с мужем Анны Ильиничны, что эти деньги (500 рублей и притом одной бумажкой) он получил от М. Т. Елизарова заимообразно, «на обзаведение». Мария Александровна разобрала это сообщение, хотя раньше ей никогда не приходилось иметь дело с шифром, и она только слышала о нем от нас,— передала Марку Тимофеевичу просьбу брата, и тот, спрошенный жандармами по указанию Дмитрия Ильича, показал именно так, как было условлено. Подозревать о том, что Дмитрий Ильич имел какие-либо нелегальные сношения с волей, жандармы не имели оснований, так как условия заключения в крепости были очень строгие, и обвинение в хранении партийных сумм, таким образом, отпало» [1].

После освобождения из заключения Дмитрий Ильич уехал в Симбирск. В его автобиографии читаем: «Весной 1905 года я поступил в Симбирское земство санитарным врачом. Жил в самом Симбирске, где вошел вместе с З. П. Соловьевым [2] в местный комитет партии. Осенью приходилось много выступать на митингах, а также заниматься в кружках учащейся молодежи. Все члены организации, за исключением одного, были большевики...» В том же 1905 году он написал и опубликовал во врачебно-санитарном журнале статью «О холерной эпидемии 1892 года в Симбирском уезде».

С конца 1906 года по 1911 год Дмитрий Ильич служил земским врачом в Московской губернии (село Липитино, Серпуховский уезд). Активно занимаясь врачебной практикой, он в то же время «находился в постоянной связи с центром большевистской организации». Однако строгий надзор полиции не давал покоя Дмитрию Ильичу. Ведь за каждым его шагом следили, о нем писали секретные донесения. Так, серпуховский пристав докладывал московскому губернатору, что «врач Серпуховского уездного земства Дмитрий Ильич Ульянов поведения и нравственных качеств хороших, но в политическом отношении неблагонадежен...» [3]. В мае

---

[1] *М. И. Ульянова.* Мать Владимира Ильича — Мария Александровна Ульянова. Журнал «Вопросы истории КПСС», 1964, № 4, стр. 49.

[2] См. о нем стр. 191—195 наст. издания.

[3] Государственный архив Московской области, 1046.

1909 года у Дмитрия Ильича при обыске обнаружили политические книги и брошюры, а также два листка корректуры, озаглавленной «Жизнь Александра Ильича Ульянова». И сразу же начальник московского жандармского управления передал московскому губернатору о том, что «врач Ульянов производит впечатление человека безусловно политически неблагонадежного и крайне конспиративного» [1].

В апреле 1911 года Дмитрий Ильич переезжает в Крым, где работает санитарным врачом в Феодосийском земстве. Правда, ему не сразу удалось получить место врача: таврического губернатора ведь тоже пугала «неблагонадежность» Ульянова. А между тем Ульянов уже устанавливает связи с местными большевиками и включается в подпольную революционную работу.

Вскоре после того, как Дмитрий Ильич начал работать в Феодосии, он в письме Марии Александровне сообщает о Крыме следующее: «...Крым, чтобы он стал действительно тем, что о нем воображают северяне, должен быть залит водой. Воду эту необходимо достать из моря путем опреснителей, хоть из облаков, путем искусственной конденсации во что бы то ни стало. И начать в широких размерах лесонасаждение, тогда это будет Крым, а не Сахара...» [2]

В Крыму Дмитрий Ильич много работал. Он выступал с докладами на заседаниях Таврического земства об улучшении быта, культуры рабочих, об улучшении жизни детей. Некоторые его доклады были опубликованы в сборниках «Врачебно-санитарной хроники Таврической губернии» за 1911—1914 годы. Он участвует в съездах бактериологов и эпидемиологов в Москве, в Крыму. И в то же время ведет большую подпольную работу.

Дмитрий Ильич всегда интересовался естественными науками — химией, физикой, астрономией. Его привлекала и новая еще тогда наука — аэронавтика. В сентябре 1912 года он пишет Марии Ильиничне, находившейся в саратовской тюрьме: «Что ты читаешь, интересуешься ли естественнонаучными вопросами? Я выписал себе в этом году «Природу» и очень доволен, хотя много статей трудных. Особенно интересует меня теория

---

[1] Государственный архив Московской области, 1046.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 42.

электронов и радиоактивность; там есть также статья по теории авиации — тоже интересная очень вещь; я, знаешь, до сих пор мечтаю начать учиться. В Москве был на воздухоплавательной выставке и на съезде» [1].

В 1914 году, когда началась первая мировая война, Дмитрий Ильич сразу же был мобилизован и направлен военным врачом в Севастополь. 6 августа он получил удостоверение, в котором говорилось, что «Д. И. Ульянов состоит старшим ординатором Севастопольского крепостного временного госпиталя № 2».

Здесь, в Севастополе, Дмитрий Ильич познакомился с Александрой Федоровной Карповой. В конце 1916 года она стала его женой.

Тайная полиция и в Крыму продолжала вести за Дмитрием Ильичем негласный надзор. Во время войны этот надзор усилился, особенно после того, как полиции удалось захватить его письма к Марии Ильиничне в Вологду и к Смидовичам в Москву. Хотя эти письма носили личный характер, полицейское управление крепости Севастополь направило 8 ноября 1914 года донесение в Петроградский департамент полиции: «В данное время Ульянов ведет переписку с партийными лицами, стоящими во главе революционных организаций» [2].

Весной 1916 года перед приездом в Севастополь царя Николая II в городе были произведены аресты солдат и матросов, находившихся на подозрении у полиции. Дмитрий Ильич также был арестован, но ему удалось избежать тюремного заключения; три дня он находился под домашним арестом.

Немало огорчений доставила ему болезнь матери. Анна Ильинична, которая жила вместе с ней, вызвала брата телеграммой. Добившись небольшого отпуска, Дмитрий Ильич приехал к матери в Лыкошино (под Петроградом), где она в то время жила на даче. Он нашел, что Мария Александровна сильно постарела за последние два-три года. «...Я особенно это заметил,— писал он позднее Анне Ильиничне,— когда гостил у вас на даче в августе 1915 года» [3].

Мария Александровна очень тосковала по детям, звала их к себе. В декабре 1915 года она писала Дмитрию

[1] «Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917». М., Политиздат, 1969, стр. 286.

[2] ЦГАОР СССР, ДП. 00. 1915, д. 5, ч. 74, л. 39.

[3] «Переписка семьи Ульяновых», стр. 426.

Ильичу: «...Похлопочи об отпуске, чтобы повидаться с нами, хотя на несколько дней. Кроме радости свидания, ты будешь полезен нам как доктор, к которому я отношусь с особым доверием, так как ты излечивал меня уже не раз»[1]. И весной 1916 года Дмитрий Ильич приехал ненадолго к матери; это было их последнее свидание. Летом здоровье Марии Александровны ухудшилось, и 5 июля Анна Ильинична послала Дмитрию Ильичу в Севастополь срочную телеграмму: «Мама больна, без сознания. Приезжай. Елизарова»[2].

Однако Дмитрий Ильич вовремя не получил эту телеграмму, она была задержана военной цензурой. Ему ее вручили лишь 25 июля — через две недели после смерти Марии Александровны.

Наступил 1917 год. В стране произошла Февральская революция. Летом по предложению профессора Н. Н. Бурденко, бывшего тогда главным военно-санитарным инспектором Румынского фронта, Д. И. Ульянов переезжает на работу в Одессу. Однако здесь он проработал недолго. Революционные события развивались бурно, и ему надлежало быть в Севастополе, где находился центр большевистской организации Крыма. Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции Дмитрий Ильич прибыл в Севастополь. Он проводил здесь пропагандистскую работу среди рабочих Крыма и моряков Черноморского флота.

В ноябре 1917 года Д. И. Ульянов избирается членом Таврического областного комитета партии, а в январе 1918 года он вошел в редколлегию большевистской газеты «Таврическая правда». «Все свои статьи,— говорил позднее Дмитрий Ильич,— подписывал или инициалами Д. И. или вовсе не подписывал». В одном из номеров «Таврической правды» была напечатана его статья «Задачи Советской власти в деле охраны народного здоровья»[3]. Кроме Дмитрия Ильича в редакции газеты работали Ю. П. Гавен, В. А. Кобылянский, С. П. Новосельский и другие.

В марте 1918 года в Крыму была создана Советская Республика Тавриды. Дмитрий Ильич назначается Наркомом здравоохранения. Совнарком возглавил тогда А. Слуцкий. (В апреле 1918 года его, а также членов

[1] «Неделя», 1970, № 12, стр. 3.

[2] Там же.

[3] См. стр. 196—202 наст. издания.

Советского правительства Крыма С. Новосельского, Т. Г. Баглнкова и других контрреволюционеры зверски расстреляли. Дмитрию Ильичу, благодаря чистой случайности, удалось избежать расправы.)

Но в апреле 1918 года немецкие, а потом англо-французские войска захватили Крым. Начались массовые аресты и расстрелы рабочих и моряков. Большевики вынуждены были уйти в подполье. Дмитрий Ильич уехал в Евпаторию. «Одесский партийный комитет установил связь с крымскими подпольными коммунистическими организациями. Эта связь поддерживалась через Евпаторию, где работал врачом брат В. И. Ленина — Д. И. Ульянов, который создал в Евпатории подпольный центр»[1]. Он был также связан с партизанским отрядом «Красные каски», находившимся в Мамайских каменоломнях, близ Евпатории. Командовал отрядом рабочий Иван Петриченко.

В начале 1919 года развернулось наступление Красной Армии на Южном фронте. В Евпатории был создан ревком, которым руководил Д. И. Ульянов[2]. Весной войска, возглавляемые П. Е. Дыбенко, подошли к побережью Черного моря. В Крыму вспыхивали рабочие забастовки, организуемые большевиками. Это в значительной мере облегчало продвижение частей Красной Армии. 10 апреля были освобождены Симферополь и Евпатория. Выступая на другой день на пленуме ВЦСПС с докладом, В. И. Ленин счел необходимым сказать о взятии данных городов. Он подчеркнул, что «этот район, игравший главную решающую роль во всей войне,— этот район теперь очищен»[3]. 28 апреля Красная Армия вступила в Севастополь.

В автобиографии Дмитрий Ильич пишет: «...В апреле 1919 года из Москвы с поручением от ЦК РКП(б) приехал в Севастополь тов. Ю. П. Гавен, бывший в первую Советскую власть в Крыму (1917—1918 гг.) председателем Севастопольского ревкома и наркомвоенмором. С товарищем Гавеном я был знаком с 1917 года по совместной работе в севастопольской «Таврической правде».

---

[1] «История гражданской войны в СССР», т. 3. М., Госполитиздат, 1958, стр. 586.

[2] См. там же.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 277—278.

В конце апреля, после окончательного занятия нами Крыма, из Москвы приехали товарищи К. Е. Ворошилов, М. К. Муранов и другие. Был поставлен вопрос об образовании Крымского правительства, возглавить которое было поручено мне. Помня руководящую роль товарища Гавена в Крымском Советском правительстве, я настойчиво возражал против моей кандидатуры, предлагая кандидатуру Юрия Петровича (Гавена). Однако Гавен и приехавшие москвичи, ввиду болезни Гавена, поручили мне стать зампредом Совнаркома Крыма...»

Итак, 5 мая 1919 года в Симферополе было сформировано Рабоче-Крестьянское правительство Крыма. Заместителем председателя Совнаркома и наркомом здравоохранения избрали Д. И. Ульянова, наркомом внутренних дел — Ю. П. Гавена, наркомом по военным и морским делам — П. Е. Дыбенко, наркомом просвещения — И. А. Назукина, наркомом народного хозяйства — Я. Ф. Городецкого.

В опубликованной 7 мая Декларации об образовании Крымской Советской республики говорилось, что она — братская всем советским республикам и что, «отвергая всякий национальный гнет, являющийся только маской классового господства, Временное Рабоче-Крестьянское правительство объявляет полное и безоговорочное равенство всех национальностей Крыма» [1]. Этот пункт был особенно важен, поскольку население Крыма было многонациональным.

Как только Крым был освобожден от войск оккупантов, Советское правительство Крыма приступило к восстановлению народного хозяйства республики, налаживанию мирной жизни. Дмитрий Ильич, будучи членом обкома и заместителем председателя Совнаркома, принимал в этом самое непосредственное участие. «...Спать удавалось не больше 3—4 часов в сутки, но я совершенно ожил в этой обстановке и чувствовал себя превосходно» [2],— писал Дмитрий Ильич.

Большую заботу о крымской здравнице проявил В. И. Ленин. 15 апреля 1919 года он отправил телеграмму на имя председателя Совнаркома Украины, в которой говорилось: «Ввиду новой постановки курортного дела в Республике и в интересах предоставления

---

[1] Газета «Известия Крымского ревкома», 7 мая 1919 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 15, оп. 1, д. 40, л. 3.

курортов для лечения и отдыха инвалидам войны и труда, изнуренным красноармейцам и истощенным рабочим севера необходимо принять срочные меры к охране южных курортов, отвоеванных Красной Армией» [1].

В мае, выступая с докладом на собрании симферопольского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Д. И. Ульянов заявил, что основной задачей Совета является укрепление Советской власти, налаживание хозяйственной жизни в республике и культурно-воспитательная работа среди населения Крыма.

Дмитрию Ильичу приходилось часто выступать перед рабочими, солдатами, моряками. Говорил он энергично, просто и доходчиво. Поэт Илья Сельвинский, присутствовавший однажды на митинге в Евпатории, писал о выступлении Дмитрия Ильича: «...С большой страстью, зажигательно говорил он о величии революции, о мировом значении коммунизма... Так вот они какие, большевики...» [2]

За два с половиной месяца существования Советской власти в Крыму были национализированы все крупные предприятия, дворцы и виллы капиталистов и царских сановников. Жизнь постепенно налаживалась. Предстояла уборка урожая, и Дмитрий Ильич хлопотал о присылке в Крым сельскохозяйственных орудий.

Однако летом 1919 года началось новое наступление Антанты на Советскую Россию. Войска генерала Деникина продвигались на юг. В конце июня Красная Армия была вынуждена оставить Крым. Д. И. Ульянов вместе с Н. И. Подвойским уехал из Крыма. Их путь лежал через Перекоп на Алешки, Херсон, Николаев, Одессу и в Киев.

8 июля 1919 года Дмитрий Ильич приехал в Москву. Более десяти лет он не виделся с Владимиром Ильичем, несколько лет не видел Анну Ильиничну и Марию Ильиничну. Позднее, вспоминая о том времени, Дмитрий Ильич писал: «Когда я приехал в Москву, поехал к Владимиру Ильичу в Кремль, прошел к нему в кабинет. Он работал... Владимир Ильич сказал, что я буду жить у него в Кремле в комнате Надежды Константиновны, которая в это время была в агитпоездке на Волге. Он сказал — это было дня за три до субботы: «В субботу

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 381—382.
[2] Журнал «Октябрь», 1965, № 7, стр. 14.

поедем на дачу, покажу очень хорошие места». И в субботу мы приехали в Горки»[1].

В Москве Дмитрий Ильич пробыл совсем недолго, опять уехал на фронт. Крым был занят белыми. Дмитрий Ильич, а также Ю. П. Гавен и М. К. Ветошкин находились в Мелитополе и в Александровске (ныне Запорожье) вместе со штабом 13-й армии, командармом которой был А. И. Геккер. Крымский ревком установил связь с большевиками-подпольщиками Крыма, посылал туда людей для помощи. Д. И. Ульянов организует борьбу с начавшейся тогда эпидемией сыпного тифа, налаживает санитарное дело.

Впоследствии Дмитрий Ильич рассказывал, что его очень огорчало то, что революционный комитет Крыма существует, а Крыма фактически нет. Он не раз торопил командарма А. И. Геккера и командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе с освобождением Крыма. Ко всеобщей радости, весной 1920 года основные силы армии Деникина были разгромлены, а в ноябре того же года — и войска Врангеля в Крыму.

Выступая 22 декабря 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин сказал: «Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем»[2].

После освобождения Крыма от белогвардейских полчищ главной задачей стало восстановление и создание курортов. Как член ревкома и член обкома партии, Д. И. Ульянов направил свои усилия на возрождение здравниц Крыма для трудящихся. В ноябре 1920 года он был назначен Главуполномоченным Наркомздрава по курортам Крыма.

21 декабря 1920 года Совет Народных Комиссаров принял Декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся», который сразу же был передан по прямому проводу в Крымревком Д. И. Ульянову. В Декрете говорилось: «Благодаря освобождению Крыма Красной Армией от господства Врангеля и белогвардейцев открылась возможность использовать целебные свойства Крымского побережья для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех

[1] *Д. И. Ульянов.* Воспоминания о Владимире Ильиче. М., Политиздат, 1971, стр. 79.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 130.

трудящихся всех советских республик, а также для рабочих других стран, направляемых международным советом профсоюзов.

Санатории и курорты Крыма, бывшие раньше привилегией крупной буржуазии, прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян...» [1]

С освобождением Крыма деятельность Дмитрия Ильича стала необычайно разнообразной. Кроме его основной работы в качестве Главуполномоченного Наркомздрава, ему приходилось заниматься многими вопросами по Крымскому ревкому. Бывший в те годы в Крыму чекист Ф. Т. Фомин рассказывает о том, как Дмитрий Ильич содействовал Чрезвычайной Комиссии Крыма в организации помощи беспризорным детям. В состав этой «комиссии вошел начальник Главного Курортного Управления Крыма Дмитрий Ильич Ульянов... к которому мы обратились с просьбой принять шефство над беспризорными детьми Крыма. Дмитрий Ильич оказывал помощь всем, чем только мог. Его деятельность в Крыму была очень плодотворна. Изо дня в день он занимался делами, связанными с трудоустройством, воспитанием, образованием, отдыхом, лечением бывших беспризорников. Специально для них в Ялте был отведен один из лучших санаториев. В Севастополе, Симферополе и других городах для беспризорных детей были выделены особые курортно-лечебные помещения. Устраивались трудколонии, детские сады. За короткое время около 500 беспризорников были обеспечены всем необходимым для нормальной жизни и учебы...» [2]

С конца 1921 года Д. И. Ульянов работал в Наркомздраве и в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова в Москве. В 1922—1923 годы, когда состояние здоровья Владимира Ильича ухудшилось, Дмитрий Ильич постоянно находился около него и как врач принимал участие в медицинских консультациях.

Уже после смерти В. И. Ленина Дмитрий Ильич начал писать о нем воспоминания. В разное время им были

---

[1] «Известия ВЦИК», 22 декабря 1920 г.

[2] *Ф. Т. Фомин*, Записки старого чекиста. М., Политиздат, 1964, стр. 228—229.

написаны: «Как работал Ленин в молодые годы», «Возвращение из ссылки», «Последние дни Ильича», «Любовь к музыке», «Шахматы» и другие. В 1928 году Дмитрий Ильич, как делегат II съезда РСДРП от тульской партийной организации, выступил с докладом на торжественном заседании партийного актива г. Тулы. В этот период и в последующие годы он был тесно связан с Институтом марксизма-ленинизма, принимал активное участие в организации Музея В. И. Ленина в Москве, создании музеев в Ульяновске, Казани, Куйбышеве и других городах, где жил, учился и работал Владимир Ильич.

Д. И. Ульянов избирался делегатом XVI и XVII съездов нашей партии.

В 30-е годы Дмитрий Ильич работал в научном секторе комиссии содействия ученым, участвовал в обсуждении проекта памятника Ленину в Ульяновске. Но здоровье его постепенно ухудшалось. По решению правительства он направляется на лечение за границу. Лечение, однако, не дало заметного улучшения, и это прежде всего было связано с постигшим его горем и личными переживаниями. В 1935 году умерла его старшая сестра — Анна Ильинична, а в 1937 году внезапно скончалась вторая сестра — Мария Ильинична.

Хотя здоровье Дмитрия Ильича и ухудшалось, он попрежнему оставался жизнерадостным и бодрым. Часто встречался с видными деятелями международного коммунистического движения — Георгием Димитровым и Василем Коларовым, со старейшими членами нашей партии — Г. М. Кржижановским и Ф. Н. Петровым, с деятелями науки и культуры.

Работая над воспоминаниями о В. И. Ленине и других членах семьи Ульяновых, Дмитрий Ильич в то же время писал рецензии на книги, в частности на роман Мариэтты Шагинян «Билет по истории», на рукопись Н. И. Веретенникова «Володя Ульянов», на сборник «Рассказы рабочих о Ленине», на кинофильм «Ленин в Октябре». В этой связи представляет интерес письмо профессора А. Г. Русанова от 25 марта 1938 года:

«Дмитрий Ильич! Сегодня в центральной печати я прочел Вашу статью «Роман о семье Ульяновых», и это перенесло меня далеко назад ко времени нашего студенчества, к тем воспоминаниям о Вас и Вашей прекрасной семье, которые всегда живы во мне. И мне захотелось

написать Вам несколько слов. Да, все это прошло безвозвратно...

Помните, как вместе тащили сундук мой на станцию Люблино и какие по этому поводу высказала соображения местная жандармерия?

Помните, как Вы в черных очках приезжали в Москву из Подольска, Алмазовых, игру в городки, Вашу квартиру в переулке близ Садовой, строгое прекрасное лицо Марии Александровны, портрет Маркса, которого Вы при обыске назвали своим дедушкой?! Ильича, который казался мне каким-то высшим существом, Марка Тимофеевича (Елизарова), сестер Ваших и нашу молодую жизнь?!

Все это прошло... Поэтому эта случайная возможность прочесть Вашу статью, возможность услышать Ваши слова хотя бы в печатных строках и привела меня в такое сентиментальное состояние, над которым Вы, бывало, так смеялись...

Около года тому назад через одного из наших обкомовцев я, по его предложению, переслал Вам свою книжку «Воспоминания о Л. Н. Толстом». Я не знаю, передали ли Вам ее, как мне бы хотелось. Если Вы не получили — напишите, я пришлю Вам. Там есть кое-что и о Вас, и о Вашей семье...»[1]

В день начала войны, 22 июня 1941 года, Дмитрий Ильич был в Горках, под Москвой. Вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну потрясло его. Он стал чувствовать себя значительно хуже, хотя твердо верил в победу над врагом.

В июле Центральный Комитет партии предложил Д. И. Ульянову выехать из Москвы в один из приволжских городов. Дмитрий Ильич отбыл со своей семьей — женой и дочерью — в Ульяновск. В первые же дни он посетил здесь Дом-музей В. И. Ленина. С большим волнением осматривал этот дом, в котором прошли его детские годы, где он жил вместе с отцом и матерью, братьями и сестрами. В книге музея Дмитрий Ильич оставил тогда короткую запись: «Как будто вскрыто старое, давнишнее. Пахнуло давно забытым. Но в то же время бесконечно близким, родным.

Во всем видится, слышится, чувствуется мать, отец и он, Володя, сначала маленький резвый мальчик,

---

[1] Публикуется впервые.

неизменно жизнерадостный, веселый, абсолютно справедливый и безупречный во всем, затем более взрослый юноша, непреклонно настойчивый.

Бесконечно милые и дорогие образы, и слезы подступают к старым глазам, но на душе так хорошо и уютно, что не хочется уходить из обстановки этого домика.

2 сентября 1941 года. *Дмитрий Ульянов».*

В Ульяновске, как и в Москве, Дмитрий Ильич постоянно интересовался событиями на фронтах, ежедневно внимательно прочитывал сводки Совинформбюро. Он часто встречался с бойцами и офицерами в Ульяновском военном госпитале.

Летом 1942 года Дмитрий Ильич переехал в Куйбышев. Здесь также бывал в Доме-музее В. И. Ленина, ездил в Алакаевку, где их семья жила в 90-х годах прошлого столетия.

В начале 1943 года, после разгрома фашистских войск под Сталинградом, Д. И. Ульянов писал Верховному Главнокомандующему: «Желаю от всего сердца дальнейших успехов до полной ликвидации гитлеризма».

Дмитрий Ильич сильно тосковал по Москве, очень рвался домой, в Горки. В апреле 1943 года он вместе с семьей возвратился в Москву. Но прожил здесь недолго. 16 июля 1943 года он скончался в Горках Ленинских.

В некрологе Центрального Комитета партии и Советского правительства с глубоким прискорбием сообщалось о кончине Дмитрия Ильича Ульянова — старейшего революционера, члена партии большевиков и государственного деятеля, отдавшего свою жизнь делу партии Ленина, делу служения народу.

ВОСПОМИНАНИЯ

ОБ ИЛЬЕ НИКОЛАЕВИЧЕ

Наш отец, Илья Николаевич Ульянов, в бытность свою в Симбирске директором народных училищ, выписывал из Москвы или из Петербурга различные наглядные учебные пособия.

Так, например, он выписал астрономический прибор, состоящий из лампы, которая играла роль солнца и освещала землю и луну — маленький глобус (земля) и серебристый шарик (луна). Глобус приводился во вращательное движение вокруг собственной оси и по эклиптике вокруг солнца при помощи особого часового механизма. В определенных фазах луны прибор демонстрировал солнечное или лунное затмение, полное или частное, в зависимости от того, в тень или полутень входила земля.

Прежде чем демонстрировать прибор в школах, он показывал его своим детям у себя на квартире. Он выписывал также из Москвы или из Петербурга политехнические выставки, например хлопчатобумажное производство, производство из льна, шелковичные коконы, веревочное производство из пеньки и т. д. и т. п.

5 декабря 1940 г.

Печатается по рукописи Д. И Ульянова.

УЛЬЯНОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

Старший брат Владимира Ильича Ленина родился 31 марта 1866 года в Нижнем Новгороде, где отец его был учителем математики. Вырос в обстановке культурной трудовой семьи.

Серьезный, сдержанный и молчаливый, он очень рано стал обнаруживать твердость характера и настойчивость. На редкость правдивый и прямой — слово и дело у него никогда не расходилось,— он не выносил лжи и трусости. Всякую несправедливость переживал тяжело.

Восьми лет поступил в приготовительный класс Симбирской гимназии, где учился отлично благодаря редкому трудолюбию. Был прекрасным товарищем по отзывам сверстников. В семье пользовался всеобщей любовью и авторитетом, даже в глазах старших.

На гимназической скамье Ульянов проявил склонность к естественным наукам, особенно к химии, которую изучал в старших классах по Менделееву, обзаведясь небольшой домашней лабораторией.

В 1883 году окончил Симбирскую гимназию с золотой медалью и в том же году поступил в Петербургский университет на естественный факультет. Работал там очень интенсивно и углубленно. На третьем курсе написал[1] сочинение: «Об органах сегментарных и половых пресноводных Annulata», за которое был награжден Советом Университета золотой медалью (17.II.1886).

Ульянов имел все данные стать ученым, если бы условия царского режима не оторвали его от науки. «Какой наглый деспотизм! — возмущался он,— лучших людей в тюрьме держать...»

---

[1] На основании самостоятельных изысканий с микроскопом летом 1885 года.— *Прим. Д. И. Ульянова.*

Параллельно с занятиями в университете Ульянов участвовал в общественной жизни студентов: землячество, кружки самообразования, нелегальные вечеринки, студенческие протесты, демонстрации и проч.

В первые годы студенческой жизни Ульянов не принадлежал к какой-либо из политических партий, но был уже убежденным социалистом. Он изучал Маркса, вел рабочие кружки[1], организовывал новые и вовлекал своих товарищей в дело пропаганды, считая это основной задачей в своей общественной работе. Однако непреодолимой преградой для такой деятельности стояло самодержавие, и это приводило Ульянова к мысли о терроре.

Аресты и высылки, последовавшие за Добролюбовской демонстрацией (XI.1886), в которой Ульянов принимал деятельное участие, привели его с группой единомышленников (Андреюшкин, Генералов, Осипанов, Шевырев) к решению убить царя. Метательные снаряды были изготовлены самостоятельно, главным образом Ульяновым, на даче в Парголово. Акт готовился на 1-е марта, когда царь выезжал в Казанский собор. Но организация была прослежена, метальщики арестованы на Невском, остальные на квартирах.

Группой, при ближайшем участии Ульянова, была составлена программа террористической фракции партии «Народная воля». Эта программа, в основе своей еще народническая — оценка крестьянства, самостоятельная роль интеллигенции, как передового отряда в политической борьбе и т. д., — в значительной степени приближается уже к марксизму: «страна приходит к социализму неизбежно, естественным ходом своего экономического развития»; роль рабочего класса как основного ядра социалистической партии, организации которого должны быть посвящены главные силы партии и пр.

По делу было привлечено 15 человек. Суд Особого присутствия Сената с участием сословных представителей состоялся 15 апреля 1887 года. Ульянов отказался от защиты, чтобы иметь возможность выступить с принципиальной речью. На суде Ульянов держался геройски и, где можно, выгораживал товарищей. Даже прокурор указал, что Ульянов принимает на себя и то, чего он не делал.

---

[1] На Галерной гавани.— *Прим. Д. И. Ульянова.*

В своей речи Ульянов говорил:

«Я убедился, что единственно правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом. Но... жизнь показывала самым наглядным образом, что при существующих условиях таким путем идти невозможно... Невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная... даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна... Для интеллигентного человека право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, которые ниже его по развитию, есть не только неотъемлемое право, но даже потребность и обязанность...» [1]

Ульянов и четверо его товарищей были приговорены к смертной казни через повешение... Все пятеро были повешены в Шлиссельбургской крепости 8 мая 1887 года.

Публикуется впервые.

ИЗ МИНУВШЕГО

У меня с детства сохранился в памяти следующий случай. Это было в Симбирске (Ульяновске) летом 1885 года, за полгода примерно до смерти отца. Все семейные куда-то уехали, остались дома только отец, Александр Ильич и я. Мне было тогда 11 лет.

Отец с братом гуляли по средней аллее сада. Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны, и они настолько ушли в свой разговор, что совершенно не обращали внимания на мои попытки перейти к чему-нибудь общему и веселому. Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно. Я вгляделся в их лица и понял, что обсуждается что-то очень важное и я не должен им мешать. Этот момент мне резко врезался в память.

О чем они говорили? Тогда я ровно ничего не понял, меня поразил только самый характер необычного и слишком длительного разговора. Значительно позже, уже после трагической гибели старшего брата в поли-

---

[1] «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.-Л., Госиздат, 1927, стр. 340.

цейском застенке, мне вспомнился этот разговор и смутно увязался с событиями и почему-то с телеграммой Александра Ильича в январе 1886 года — «Телеграфируйте подробнее о смерти папы».

В настоящее время я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы, и несомненно он был не единичный и не случайный. Иначе и не могло быть в те годы, когда только что завершилась героическая борьба народовольцев с самодержавием. Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичем были — судя по всем данным — самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения. Другой вопрос, насколько оформился у него к тому времени взгляд на террор.

Мои предположения вполне подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Питер: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас».

Опубликовано в книге: М. И. Ульянова. Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов. ОГИЗ. М.—Л., 1931, стр. 60—61.

* * *

Это было лето 1885 года, последнее лето в жизни отца (Ильи Николаевича Ульянова). Александр Ильич, студент 3-го курса, приехал из Петербурга и проводил его как всегда в кругу своей семьи в Симбирске.

Александр Ильич, которому было 19 лет, проводил все время за книгой, за серьезной работой. Я не помню у него в то время ни одной книги по беллетристике. Бегая по саду 11-ти — 12-ти-летним мальчишкой, я недоуменно вдруг встречал его в заросшем уголке сада, сидящим на покосившейся лавочке за толстой книгой. Я интересовался узнать, чем он так увлекается, что читает. В его отсутствие я тайком заглядывал в эти толстые книги, но ничего не мог в них понять. Один раз, как хорошо помню, книга называлась «Органическая химия» проф. Меншуткина, другая — политическая экономия.

Я подсаживался к нему на скамеечку и заводил речь, как хорошо было бы поехать на лодке. Иногда этот

маневр удавался и брат отвечал: «Ну, иди поиграй, а после обеда поедем». Но катание на лодке не было обычным. Александр Ильич брал с собой стеклянные баночки, мы забирались в густые заросли камыша и там собирали из-под больших листьев водяных лилий пиявок, в устье одного ручейка — маленьких красных круглых кольчатых червячков и т. п., которых сажали в стеклянные баночки с водой. Мне было бы, конечно, гораздо интересней закинуть удочку и половить рыбу, но Саша на это не соглашался. Он этих червяков и пиявок разглядывал дома в лупу, а затем резал и смотрел в микроскоп (привез из Петербурга). На основании этих самостоятельных исследований летом 1885 и 1886 гг. он написал, будучи студентом 3-го курса, серьезную большую работу о кольчатых червях, за которую был награжден большой золотой медалью.

Публикуется впервые.

* * *

Слева от колодца, в левом углу двора находился маленький (в две комнатки) флигель и около него также небольшая кухня под особой крышей. Этот флигель с кухней родители обычно сдавали постояльцам. Но помню, что одно лето флигель не сдавался и в нем — собственно, в маленькой кухоньке при нем — Саша устроил свою примитивную химическую лабораторию, где у него имелись колбы, реторты и пробирки. Какие работы производил он там — не известно. Но от лаборатории тогда страшно воняло серным и азотным ангидридами. Очевидно, Саша производил там свои первые химические опыты...

Вспоминаю, между прочим, такой эпизод из этого периода жизни. Мне была подарена лупа в роговой оправе. Как-то Саше понадобилась лупа в его работе — в приготовлении препаратов для микроскопа. Я дал ему эту свою лупу. Как-то раз, уже незадолго до отъезда Саши в Питер, я зашел к нему в комнату и нашел на его рабочем столе около микроскопа свою лупу с треснутой линзой. Лупа никуда не годилась. Во мне зашевелилось чувство обиды. «Вот,— думаю,— так всегда с маленькими поступают: взял новенькую лупу, сломал ее и ему наплевать». Но сказать это Саше я не мог. Между тем несомненно, что, если бы это сделала сестренка

Маня или кто-нибудь из моих товарищей, я поднял бы скандал.

Прошло несколько дней. Саша собирается в дорогу, уложил вещи и микроскоп; я вижу, что у него очень много дел. Мама собирается ехать провожать его на пристань. Вдруг Саша подходит ко мне, дает новенькую лупу и говорит как ни в чем не бывало: «Да, вот бы не забыть отдать тебе лупу, которую я брал у тебя». Купил новую!..— пронеслось у меня в голове, такую мелочь помнит!

Публикуется впервые.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА[1]

Мои детские воспоминания, если не считать самых ранних, отрывочных и очень смутных, связаны с жизнью нашей семьи в доме на Московской улице, который купили родители в 1878 году.

Фасадом дом выходил на Московскую улицу, тогда пыльную и грязную, с деревянными тротуарами. Если идти от центра города на запад, к реке Свияге, дом стоял с левой стороны улицы.

Дом был деревянный, одноэтажный, с антресолями. Внизу находилось пять больших комнат (с востока на запад): зала, кабинет отца, так называемая проходная, мамина комната и столовая, кроме того, две прихожие (с востока и с запада). Внизу же помещалась кухня, через холодные сени.

Наверху в антресолях были четыре маленькие комнаты, выходившие окнами во двор,— две к западу (Ани и детская) и две к востоку (Саши и Володи). Обе эти половины антресолей имели две внутренние лестницы, связывавшие верх с низом через две прихожие. Летом же обе половины антресолей соединялись между собой также балконом между Аниной и Сашиной комнатами.

Около дома (на юг) был большой двор, покрытый мелкой зеленой травой; продолжением двора был сад, выходивший непосредственно на соседнюю Покровскую улицу через калитку в заборе. Калитка всегда запиралась на замок. Сад отгораживал от двора невысокий заборчик с калиткой. Около этой садовой калитки на дворе был колодец, из которого вода для поливки сада качалась ручным насосом. Вода в этом колодце была

[1] Эти и все последующие воспоминания данного раздела печатаются по книге: *Д. И. Ульянов*. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., Политиздат, 1971.

очень жесткая и годилась, кроме поливки сада, только для мытья полов. Питьевая вода доставлялась с реки Свияги водовозом. Слева от колодца стоял небольшой флигель в три окошечка, выходившие в сад. Около флигеля — небольшая кухонька под особой крышей. Флигель обычно сдавался внаймы; только одно лето, во время ремонта дома, флигель занимали мы, а кухоньку при нем Саша использовал под химическую лабораторию.

Через весь сад, от садовой калитки до Покровской улицы, шла так называемая большая аллея, делившая сад на две половины. Она вся была обсажена серебристыми тополями, только в конце аллеи росла одна осинка с вечно трепещущими листьями. Аня ее почему-то очень любила, и мы прозвали ее «Анина осинка». Кроме этой большой аллеи вокруг всего сада вдоль заборов с соседними участками были четыре узенькие аллейки с прочно установившимися у нас в детстве названиями: «Черный бор» — с густою сиренью и развесистыми вязами, «Желтый бор» — с густой акацией, «Красный бор» — с большим деревом колючего боярышника и даже «Грязный бор» — ввиду обилия там благодаря неопрятному соседству всякого мусора — бумажек, пустых бутылок и пр. В центре сада был цветник — детище мамы, с единственной в саду беседкой. В этой беседке иногда устраивались общие вечерние чаепития.

Кроме серебристых тополей и единственной осинки в саду росли несколько ветвистых вязов, на которые мы все охотно лазили во время своих игр, много кустов сирени, но больше всего обыкновенной желтой акации, которой был обсажен по краям весь сад.

Из фруктовых деревьев были преимущественно яблони. Больше всего аниса (приволжский сорт яблок), затем белый налив, апорт и несколько деревьев с очень вкусными яблоками под названием «черное дерево». Помню, что яблоки с этого «черного дерева» мама всегда берегла, главным образом для папы. Росла еще одна яблоня в конце сада, под названием «дичок», у детей переделанное на «дьячок». Дерево обычно было густо усыпано маленькими, но очень вкусными плодами. Бывало, кто раньше утром встанет, первым бежит собирать урожай, т. е. упавшие на землю яблоки, и потом делится с другими. С деревьев рвать не полагалось до определенного срока. И я не помню с нашей стороны ни

одного нарушения в этом смысле. Кроме яблонь были две-три груши и несколько вишневых деревьев, густой малинник, кусты крыжовника и смородины. Для сбора ягод мамой устанавливались правила для детей. Было также несколько грядок клубники, с которыми мать подолгу возилась, пересаживая кустики, удобряя землю и поливая. В поливке сада, а иногда и в уборке его принимали участие все дети. Это была, так сказать, общественная нагрузка, от которой никто никогда не отказывался, наоборот, скорее было соревнование.

Около колодца во дворе стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветнике. От нас требовалось, особенно в жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговременно наполнены водой, чтобы можно было поливать цветы рано утром, что часто делала мать сама. По вечерам же брались за работу все вместе. Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту назначения. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит вовсю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, покуда не натрешь мозолей на руках, лишь бы побольше наполнить бочку водой, не отстать от других.

Дружная, спорая бывала работа!

Когда решали пить чай в беседке, то также дружно брались все за работу: Саша, бывало, тащит в сад самовар; другие несут что кому под силу; дети по нескольку раз бегают в дом и обратно в сад, в беседку. Обычно было принято прислугу не беспокоить, а все делать самим. Обычно в нашей семье вечерний чай соединялся с холодным ужином, так что возни с этими чаепитиями в беседке было немало. По окончании чаепития на всех также хватало работы — девочки помогали матери мыть посуду, мы уносили из беседки все обратно домой.

* * *

Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свингу купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некоего Рузского. Помню, что фамилия владельца общественной купальни была Кох, и вот, бывало, отец, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауера, кри-

чит ему в виде приветствия: «Немец идет к немцу, а русский — к Рузскому».

Володя взялся научить меня плавать в три урока. «Только делай так, как я буду учить»,— и показал мне, что делать руками и ногами под водой. Затем посадил меня на глубокое место и сказал: «Плыви, как я учил». Мне залилась вода и в нос, и в рот, но после второго урока я уже поплыл самостоятельно, а затем стал плавать с ним и Сашей на ту сторону реки Свияги.

* * *

Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне было пять — семь лет. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой, за большим столом, сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же, около нее, с книгами и тетрадями сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слыхал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае, отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок, в общем, был строгий.

КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

У Ленина мы учимся по его литературным трудам, по его сочинениям, изучая различные вопросы ленинизма. У Ленина мы учимся на всей истории нашей партии — с ее основания до 1924 года. Мы должны также учиться у Ленина тому, как надо работать.

В работе у Ленина всегда бросались в глаза редкая настойчивость и упорство. Работал он не от случая к случаю, а систематически, изо дня в день. Поэтому результат его работы всегда отличается поразительной ясностью и четкостью мысли. Он работал всегда с особенной тщательностью, придавая громадное значение качеству работы. Этого обычно он требовал и от других; не раз приходилось слышать от него: «Сделано неплохо, но может быть сделано еще лучше!»

Будучи учеником гимназии, он прекрасно учился, имея по всем предметам только одну отметку: отлично. Переходил из класса в класс с первыми наградами и окончил гимназию в 17 лет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как делало большинство его товарищей-гимназистов. Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу — смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, Владимир Ильич никогда в гимназии не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения; я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа заполнялась все новыми и новыми строчками.

Преподавателем словесности у Владимира Ильича и первым оценщиком его сочинений был тогдашний директор симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец известного эсера[1]. Тот восхищался сочинениями Владимира Ильича и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравится в сочинениях Владимира Ильича продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения Владимира Ильича, но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д. они все растерялись.

В своих ученических сочинениях уже тогда Владимир Ильич придерживался хорошего правила древних: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

Исключенный из университета за участие в студенческих беспорядках, Ленин обычно летом жил в деревне. В большом запущенном саду, около садовой

---

[1] Имеется в виду А. Ф. Керенский — глава буржуазного Временного правительства в 1917 году.— *О. У.*

скамьи, он устроил себе рабочий стол. Туда ежедневно после завтрака он уходил с книгами и тетрадями и усаживался за серьезную работу часов на пять, пока не позовут обедать. Эти занятия были настолько систематичными, что я с трудом могу вспомнить единичные случаи, когда Владимир Ильич изменял этому обычаю. Если принять во внимание его возраст — в те годы ему было около 20 лет,— то приходится поражаться выдержке и настойчивости этого человека.

Когда Ленин был арестован в Петербурге в декабре 1895 года, он взялся в тюрьме за серьезную литературную работу. Пользуясь книгами и статистическими сборниками, которые посылались ему с воли, он с обычным для него упорством, изо дня в день сидел за изучением и подбором материалов, составлением цифровых таблиц и т. п. И, таким образом, за 14 месяцев своего сидения в одиночке закончил вчерне свою большую работу «Развитие капитализма в России».

Когда в начале 1897 года он услыхал на свидании, что его дело закончено и скоро предстоит освобождение и высылка в Сибирь, он воскликнул: «Рано! Я не успел еще собрать все нужные мне материалы!»

О КОКУШКИНЕ[1]

В 1887 году, в декабре, числа 6-го или 7-го, Владимир Ильич в сопровождении околоточного надзирателя был привезен из Казани в Кокушкино[2].

Числа 15 декабря в Кокушкино приехала моя мать, Мария Александровна, с Ольгой Ильиничной и няней Варварой Григорьевной[3]. Я учился в это время в четвертом классе Казанской гимназии, зимой был болен, и мать взяла меня с собой в Кокушкино.

Мы с Володей жили в одной комнате, где стояли две койки с обыкновенными жесткими матрацами. Моя кровать была железная, у Владимира Ильича — простая, деревянная. Койки стояли близко к печке. На койках было по одной подушке, и покрывались они сероватыми байковыми одеялами с каймой. Пол простой, из широких толстых досок, некрашеный; на полу лежали половики деревенской работы.

В комнате у окна стояли простой рабочий стол Владимира Ильича и несколько стульев. В углу комнаты — верстак; на стене была прибита деревянная рейка, за которую были заложены стамески, долото, коловорот, буравчик и пр. На полке над верстаком лежали фуганок, рубанки.

На столе у Владимира Ильича лежали книги, журналы.

Из газет Владимир Ильич читал «Русские ведомости», из журналов — «Русское богатство», уделяя

---

[1] Запись беседы с Дмитрием Ильичем.— *О. У.*

[2] По свидетельству М. И. Ульяновой, надзиратель сопровождал семью Ульяновых до городской заставы.— *О. У.*

[3] Имеется в виду В. Г. Сарбатова (1820—1890).— *О. У.*

особенное внимание статьям Н. Михайловского [1]. Из библиотеки Пономарева (мужа Ардашевой [2]) Владимир Ильич пользовался книгами и журналами за прошлые годы, например «Современником», где печатались статьи Добролюбова, Чернышевского и др.

В комнате, где жила Анна Ильинична, стояла кровать и Ольги Ильиничны, которая зимой (1887/88 год) жила в Кокушкине недолго, около полутора месяцев. Обстановка в комнате была простая, на окнах висели на веревочке белые занавески.

В комнате Марии Александровны находилась кроватка Марии Ильиничны; в этой комнате была русская печь с плиткой, здесь пекли лепешки и готовили пищу.

В большой комнате дома стояли биллиард и фортепьяно, на котором играли Ольга Ильинична и Мария Александровна, они обе очень любили музыку.

На террасе дома стоял стол, покрытый клеенкой, на террасе были цветы. У дома был большой сад, в саду росли кусты сирени, березы и липы. Беседки в саду не было. Напротив дома стояла трапеция и к ней — наклонная лестница для гимнастических упражнений, которыми любил заниматься Владимир Ильич.

Читать Владимир Ильич в теплую погоду чаще уходил на берег реки Ушни, где и располагался под кустиками в тени.

На реке Ушне была очень неважная купальня, вернее, место, где раздевались перед купанием. Купальня представляла огороженный досками плот, который держался на воде на пустых бочках. Там же была старая лодка, сделанная из досок.

26 декабря 1939 г., Горки

---

[1] *Н. К. Михайловский* (1842—1904) — русский публицист, литературный критик и теоретик народничества 70-х годов XIX века.— *О. У.*

[2] *Л. А. Ардашева* (1832—1895) — сестра Марии Александровны Ульяновой.— *О. У.*

ИЗ САМАРСКОГО ПЕРИОДА
(1889—1893 годы)

В АЛАКАЕВКЕ

В начале лета 1889 года наша семья и Владимир Ильич переехали из Казани в Самару и поселились на хуторе близ деревни Алакаевки, где мать купила небольшой участок земли. Мы жили в небольшом деревянном доме, к которому примыкал густой, запущенный сад, отделенный от поля рвом. В северо-западном углу сада был «Володин уголок» — деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10—15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов утра он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва. В течение пяти лет, с 1889 по 1893 год, это был настоящий *рабочий кабинет* Ильича. Занятия были настолько систематичны, что я с трудом могу вспомнить то утро, когда он не работал там. Шагах в пятнадцати от столика он устроил себе гимнастику, как он называл — рэк. Это нечто вроде трапеции, только без веревок, круглая, неподвижно укрепленная на двух столбах палка. Владимир Ильич любил в те годы упражняться па рэке; он его устраивал из кленовой, хорошо оструганной палки и укреплял на высоте около сажени, так, чтобы, поднявшись на носки, едва касаться палки концами пальцев. Небольшой прыжок... Хватает палку руками, подтягивается на мускулах, забрасывает ноги вперед и ложится на палку животом. Затем усаживается и приступает к различным упражнениям. Один номер — влезать на рэк не животом, а спиной — долго ему не давался. Нужно было видеть, с какой настойчивостью он много раз, но безуспешно пытался проделать его! Наконец однажды с торжеством и лукавой улыбкой он

говорит мне: «Пойдем на рэк, вчера вечером и сегодня утром я наконец сбалансировал. Гляди!» И трудный номер удается вполне: Владимир Ильич, тяжело дыша, с довольным лицом сидит на рэке. Номер состоял в том, чтобы, подтянувшись и повиснув на коленках, продвигаться вперед сначала бедрами, а потом спиной, не теряя равновесия, и затем сесть. Мне эта штука так и не далась, хотя, впрочем, я и редко упражнялся на его рэке.

Алакаевка расположена верстах в пятидесяти на восток от Самары. Общий характер местности — степной, но под самой Алакаевкой тогда были леса: крестьянский — под названием «Муравельный» и бывший Удельного ведомства — «Гремячий». Из города в деревню мы часть пути ехали по железной дороге до станции Смышляевка Самаро-Златоустовской железной дороги, другую часть, верст тридцать,— на лошади, на своей Буланке. Довольно часто выезжал на станцию я. Когда приходилось возить Володю, надо было держать ухо востро: он отмечал время по часам и в сухую погоду требовал ехать быстро. Для этого надо было настраивать ленивую Буланку при помощи кнута и все время следить за ней. Править лошадью сам Володя не любил, и вообще у него никогда не замечалось особого пристрастия к лошадям. Вся дорога шла степью и полями, и только под Алакаевкой начинался лес. И какой же чудный воздух был там, особенно после пыльной Самары!

Реки близко от Алакаевки не было, но вблизи дома находился большой пруд, сильно заросший, особенно по берегам, водяными растениями. Сюда мы ходили раза по два в день купаться, для чего у нас была приспособлена на чистом месте дощатая раздевалка. Володя хорошо умел плавать и артистически лежать неподвижно на воде, подложив руки под голову. Я ходил на пруд ловить карасей и стрелять уток. Ильич не любил рыбной ловли, а охоту признавал только тогда, когда она соединялась с хорошей прогулкой. Поэтому на охоту в алакаевский период мы ходили с ним в соседние леса, главным образом за тетеревами.

Однако Володя чаще предпринимал прогулки без ружья, ходил один, или с кем-нибудь из нас, или компанией с сестрами, с матерью, с Марком Елизаровым, когда последний живал в Алакаевке.

По вечерам обычно Владимир Ильич и все мы устраивались на терраске вокруг большой лампы, около которой в изобилии кружились ночные бабочки и жуки. Кто читал, кто играл в шахматы. Здесь я видел у Володи Рикардо на английском языке, которого он читал при помощи словаря. Затем Гизо в русском переводе — «История цивилизации во Франции», многотомный труд, который он брал, кажется, в Самарской городской библиотеке.

В Самаре в эти годы жил В. В. Водовозов — сын известной писательницы Е. Н. Водовозовой, автора книги «Жизнь европейских народов». Перед Самарой Водовозов был в административной ссылке в Шенкурске, Архангельской губернии. В первое время нашей жизни в Самаре он частенько заходил к нам, но потом почти перестал бывать. Владимир Ильич недолюбливал его. У этого Водовозова была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой, и казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией. К нему приходилось заходить не из-за него самого, а из-за его книг. Мне передавали, что, когда старший брат, Александр Ильич, был арестован по обвинению в покушении на жизнь царя, первыми словами Водовозова были: «Ах как жаль, он взял у меня такую-то ценную книгу, она, пожалуй, теперь пропадет...»

Как-то в начале 90-х годов был уволен со службы некий губернатор Косич (кажется, саратовский); про него говорили, что он был большой либерал и благоволил к политическим ссыльным. Об этом, в частности, рассказывал Водовозов, и от него и его группы исходило предложение поднести адрес названному Косичу от политических и вообще левых элементов. Это предложение вызвало споры в Самаре. Когда же Ильич узнал о нем, он категорически и очень резко высказался против. Так, кажется, и не был поднесен адрес.

Из товарищей брата по самарскому периоду хорошо помню Скляренко Алексея Павловича, Лалаянца Исаака

Христофоровича, которого Марк Тимофеевич Елизаров прозвал «Колумбом» — он так и остался под этой кличкой в последующие годы революционной работы,— Ионова Вадима Андреевича, рано умершего. Помню также Марию Петровну Голубеву, часто бывавшую у нас и принимавшую живое участие в спорах на политические темы.

У Скляренко гимназисты и семинаристы старших классов получали полулегальную литературу: Писарева, Чернышевского и т. п. Он для нас, юнцов, был окружен какой-то особой таинственностью. Внешностью он также импонировал нам — высокий, сильный, неразлучная суковатая палка и темное пенсне.

Владимир Ильич в эти годы много работал по статистике крестьянского хозяйства. Статистические данные (распределение крестьянских хозяйств на группы по количеству рабочего скота, размеру посева, аренды земли и пр.) говорили о росте экономического неравенства в крестьянской среде, о расслоении крестьянства на состоятельную, экономически крепкую группу и бедноту, на сельскую буржуазию и пролетарскую или полупролетарскую массу крестьян. Эти выводы разбивали народническую утопию об однородности крестьянства, они доказывали с очевидностью факт развития капитализма в России. Эти выводы подтверждали правильность марксистской линии в политике русских революционеров.

Товарищи Ильича — Скляренко, Лалаянц и Ионов — также занимались тогда разработкой статистических материалов по тем же вопросам, что и Владимир Ильич. У меня сохранилась списанная мною в 1893 году небольшая рукопись Скляренко, являющаяся интересным образцом работы группы Владимира Ильича [1].

Помнится, в том же 1893 году я познакомился со статьей Федосеева «Причины падения крепостного права в России», которая в рукописном виде ходила по рукам самарских марксистов. Кто именно дал мне ее, не помню, но переписать ее я, к сожалению, не мог, так как она была довольно объемиста и дали мне ее на очень короткий срок. В этой очень интересной статье Федосеев доказывал, что реформа 1861 года вызвана,

[1] Таблицы А. П. Скляренко были составлены по плану В. И. Ленина. (См. книгу Д. И. и М. И. Ульяновых «О Ленине». Партиздат, 1934, стр. 108—111).— *О. У.*

конечно, менее всего либеральным настроением верхов и не столько политическими соображениями, что, мол, лучше «освободить» крестьян сверху, чем ждать, когда начнется освобождение снизу, а причинами чисто экономическими. За «освобождение» стояли помещики наиболее крупных и культурных хозяйств, которым выгоднее был переход на вольнонаемные отношения. Крепостнические отношения стали стеснять дальнейшее развитие более интенсивного, рационального сельского хозяйства. В то время, сорок лет тому назад, когда еще крепко держались, особенно в либеральном обществе и частью в народе, нелепые предрассудки о свободолюбии царя и его ближайших помощников, для молодого марксиста, каким был Федосеев, очень важно было опровергнуть эти вредные для трудящихся масс предрассудки, эту неправду об «освобождении» крестьян и доказать, что реформа была проведена в интересах господствующего класса, и если не всего в целом, то, во всяком случае, наиболее богатой, экономически сильной его части. Пользуясь многотомным трудом Скребицкого «Крестьянское дело в царствование Александра II», Федосеев доказывал, что наиболее крупные помещики, в частности прибалтийские, с хозяйством более высокого типа (по интенсификации и рационализации), сплошь были за «освобождение», т. е. за новую, более выгодную для них капиталистическую форму порабощения. Помещики отсталых, мелких, задолжавших хозяйств были против реформы.

В настоящее время это ясно каждому грамотному марксисту, тогда, сорок лет назад, это требовалось доказывать. Недаром Владимир Ильич так ценил работы Федосеева и, как известно, искал знакомства с ним [1].

* * *

...Владимира Ильича в Самаре часто можно было видеть за разработкой статистических материалов. Он доставал земские статистические сборники, где сосредоточивались сырые цифровые данные о крестьянских

---

[1] Для встречи с Н. Е. Федосеевым (1869—1898) В. И. Ленин в августе 1893 года приезжал во Владимир, но встреча не состоялась, так как Федосеев в это время находился в тюрьме.— *О. У.*

хозяйствах, производил выборки, часами щелкал на счетах и подсчитывал в процентах. Подойдешь, бывало, к его письменному столу и в таблицах видишь бесконечные графы: «безлошадные, однолошадные, двухлошадные, многолошадные», столько-то хозяйств, затем то же в процентах. Далее опять крестьянские хозяйства по другим экономическим признакам, снова цифры, проценты и т. д. В результате видишь, примерно 10 процентов богатых крестьян, 20 процентов бедноты и т. п.

Как-то по Самаре разнесся слух, что Вадим Андреевич Ионов [1] арестован, отвезен в Питер по распоряжению департамента полиции и посажен в Петропавловскую крепость. Недели через две-три Ионов, однако, как ни в чем не бывало вернулся в Самару. В чем было дело, никто ничего не знал, так как Ионов упорно отмалчивался. Значительно позже мне рассказал Владимир Ильич, что у Ионова самарские жандармы нашли при обыске какую-то его рукопись и по распоряжению департамента полиции отправили его в сопровождении двух полицейских агентов в Питер. Ионову в пути удалось заметить, что рукопись находится в чемоданчике полицейских спутников. На последнем перегоне из Москвы в Питер Ионов ночью притворился спящим. Один из агентов спал, другой дежурил и не ложился; в коридоре топилась железная печурка (в те времена на железных дорогах не было еще центрального отопления). Дежурный агент «клевал носом», а под утро захрапел сидя. Через несколько минут Ионов крепко заснул, а злополучная рукопись догорала в печке.

В Самаре мы жили зиму 1889/90 года в доме Каткова на Заводской улице под горой у самого берега Волги. Красный каменный дом, снимали весь второй этаж.

С мая 1890 года до отъезда из Самары в августе 1893 года жили на углу Сокольничьей и Почтовой улиц в доме Рытикова, деревянный двухэтажный дом. Верхний этаж снимали мы, комната Владимира Ильича выходила на Почтовую (север), третье окно от угла. Здесь Владимир Ильич болел тифом сравнительно в легкой форме, очевидно так называемым теперь паратифом, помнится, осенью 1890 года.

---

[1] *В. А. Ионов* — в конце 80-х годов народоволец, позднее — социал-демократ; был знаком с В. И. Лениным по Самаре.— *О. У.*

Из знакомых брата помню *Скляренко* Алексея Павловича, *Ионова* Вадима Андреевича, *Лалаянца* Исаака Христофоровича, *Голубеву* Марию Петровну (теперь *Яснева*). Семенова плохо помню, он, кажется, редко бывал у нас...

Об Ионове много говорили в связи с его арестом и отправкой в Питер.

СЛУЧАЙ С КУПЦОМ АРЕФЬЕВЫМ

В начале 90-х годов мы жили всей семьей в Самаре вместе с матерью. Владимир Ильич был помощником присяжного поверенного. Мы с Марией Ильиничной учились в гимназии. С нами жили также Анна Ильинична и ее муж Марк Тимофеевич Елизаров, занимавший какое-то небольшое место, помнится, в казенной палате.

Летом 1892 года Владимир Ильич вместе с Елизаровым был в Сызрани. Оттуда они собрались проехать на несколько дней в деревню Бестужевку, где брат Марка Елизарова [1] крестьянствовал. Для этого надо было проехать на левый берег Волги.

В то время в Сызрани переправу через Волгу монопольно арендовал богатый купец Арефьев. У него был небольшой пароходик с баржей, на которых перевозились и люди, и лошади, и повозки. Купец запрещал лодочникам заниматься переправой, ревниво оберегая свои монопольные права. Поэтому каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его лодку по распоряжению Арефьева нагонял пароходик и отвозил всех обратно.

Владимиру Ильичу не хотелось ждать перевоза, и он уговорил Марка Елизарова ехать на лодке. Лодочники не соглашались везти, боясь купца и заявляя, что все равно он воротит их обратно. Однако Владимиру Ильичу удалось-таки уговорить одного из них поехать, причем он энергично доказывал, что если Арефьев вернет лодку, то будет предан суду за самоуправство.

Сели в лодку и двинулись на перевал. Арефьев, увидев с пристани, где он сидел за самоваром на балконе, крикнул Марку, с которым был знаком как земляк:

[1] Имеется в виду П. Т. Елизаров (1854—1920).— *О. У.*

— Бросьте, Марк Тимофеевич, эту затею. Ведь вы знаете, что я за переправу аренду плачу и не позволяю лодочникам перевозить на ту сторону. Идите лучше со мной чай пить и знакомого вашего ведите. Все равно поедете на пароходе, велю вас воротить.

Владимир Ильич стал настаивать, теперь еще более решительно, продолжать путь и не слушать самодура. Лодочник уныло говорил:

— Все равно воротит, зря едем, сейчас пароход нагонит, баграми нас к борту, и вас ссадят на пароход.

— Да поймите вы,— сказал Владимир Ильич,— что он не имеет права этого делать. Если он лодку задержит и силой заставит нас вернуться, будет сидеть в тюрьме за самоуправство.

— Сколько раз он так проделывал, и никогда суда не бывало. Да и кто станет с ним судиться: очень большую силу забрал в Сызрани, и судьи-то у него, должно быть, все свои. Он, слышь, откупил Волгу у города, аренду платит, а нам вот что хочешь, то и делай.

Лодка по настоянию Владимира Ильича продолжала свой путь на левый берег, хотя было совершенно ясно, что Арефьев приведет свою угрозу в исполнение. Едва лодка достигла середины реки, послышался свисток пароходика, который, отцепив баржу, быстро погнался за лодкой.

— Ну вот вам и переехали,— произнес лодочник.— Сейчас обратно поедете. И никакой суд ничего сделать не может, он всегда правый будет.

Пароход, догнав лодку, остановил машину. Два-три матроса, привычно работая баграми, подтянули лодку к борту и предложили пассажирам перебраться на пароход.

Владимир Ильич стал разъяснять служащим, что они не имеют права задерживать их и будут преданы суду за самоуправство, за что грозит тюрьма.

— Никакого значения,— доказывал он,— не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку, это его дело, а не наше, и это ни в коем случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей.

На это капитан возразил:

— Ничего мы не знаем: нам приказал хозяин парохода, и мы обязаны слушаться и исполнять его распоря-

жения. Пожалуйста, пересаживайтесь, мы не дадим вам ехать дальше.

Пришлось подчиниться. Но Владимир Ильич сейчас же записал имена и фамилии всех служащих, принимавших участие в задержке лодки, а также лодочника и других свидетелей.

На сызранском берегу пришлось ждать некоторое время перевоза, и опять слышно было, как Арефьев в победном тоне продолжал свои рассуждения о том, что он платит аренду, что лодочники не имеют права перевозить на тот берег, а потому он задерживает лодки и возвращает людей обратно.

Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, что купец действует беззаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы.

Нужно было Владимиру Ильичу столкнуться всего на несколько часов с этим стоячим обывательским болотом, чтобы основательно встряхнуть его, наказать главного виновника и научить лодочников, как надо бороться за свои права.

По возвращении через несколько дней в Самару Владимир Ильич подал жалобу на Арефьева, обвиняя его в самоуправстве. Суть дела была ясна до очевидности, ни один юрист не мог рассматривать его действия иначе как самоуправство, а за самоуправство по тогдашним законам полагалась тюрьма без замены штрафом.

Однако добиться этого Владимиру Ильичу стоило еще немало хлопот. Дело разбиралось у земского начальника где-то под Сызранью, верст за 100 от Самары, куда должен был поехать Владимир Ильич в качестве обвинителя. Несмотря на совершенную ясность дела, земский начальник под каким-то предлогом отложил разбор дела. Второй раз, уже холодной осенью, дело было вновь назначено к слушанию. Владимир Ильич опять поехал туда, но и на этот раз при помощи разных формальных крючкотворств земский отложил дело.

Очевидно, Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело. Ему и его защитникам казалось, что бросит же наконец этот беспокойный человек ездить за сотню верст без всякой для

себя выгоды, без всякой пользы, с их точки зрения. Не знали они, что этот человек не меряется обычной меркой, доступной их пониманию, что, чем больше препятствий встречает он на своем пути, тем тверже и непреклоннее становится его решение.

На третий разбор дела Владимир Ильич получил повестку уже зимой, в конце 1892 года. Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояли бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать.

Действительно, в третий раз земскому начальнику не удалось отложить решение дела: он и защитник Арефьева встретили во Владимире Ильиче серьезного противника, хорошо подготовившегося к предстоявшему бою, и земский начальник волей-неволей вынужден был согласно закону вынести приговор: месяц тюрьмы.

Года два спустя после описанной истории я, проезжая в поезде близко от Сызрани, случайно встретил в вагоне одного из сызранских знакомых Марка Елизарова. В разговоре он расспрашивал про него и его семью и чрезвычайно интересовался Владимиром Ильичем.

— А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговора было. До сих пор не может забыть.

ШАХМАТЫ

Играть в шахматы Владимир Ильич начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом, Александром Ильичем, затем впоследствии с нами, меньшими,— сестрой Олей и со мной. Для меня он был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно.

У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать, взялся за фигуру — ею и ходи. У любителей это правило очень часто нарушается, ходы берутся назад, положения переигрываются. Этот скверный обычай страшно портит и игру, и игрока. Вместо того чтобы, не касаясь фигур, продумывать тщательно различные комбинации, что и дает интерес игре, приучает точно рассчитывать за несколько ходов вперед, люди тыкают фигуры, не подумав, торопятся, придают игре нервность, азарт.

Помню как анекдот следующий случай на шахматном вечере в Самаре. Играли на нескольких досках, некоторые наблюдали за игрой. За одной из досок сидели двое толстяков, брали ходы назад, спорили, горячились, шумели. Один нечаянно подставил под бой свою королеву, другой в мгновение ока схватил ее и сжал в кулаке. Поднялся невообразимый шум и крик, оба вскочили из-за стола, и потерпевший старался отнять свою фигуру. При общем хохоте Владимир Ильич крикнул: «Спрячьте ее в карман!»

Он обыкновенно играл серьезно и не любил так называемых «легких» партий. Играя со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или

другую фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться». Он даже предпочитал быть несколько слабее того, кому давал вперед. Когда без туры я стал выигрывать у него чаще и просил перейти на коня, он поставил условие: «Выиграй подряд три партии, тогда перейдем».

Обычно наблюдается обратное — больше нравится выигрывать, хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим дашь ему легкий выигрыш, он говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл».

Пятнадцати лет Владимир Ильич стал обыгрывать отца. Помню, как Илья Николаевич (зимой 1885/86 года), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть» (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске. У нас он не бывал).

Летом 1886 года Владимир Ильич много сражался в шахматы со старшим братом, Александром. Они объявили между собой матч. Каковы были условия матча и результаты его, я, к сожалению, не помню. Борьба была ожесточенная, оба молча сидели, часами не отрываясь от шахматной доски. Для меня тогда их игра была совершенно непонятна, слишком трудна, к тому же у них за игрой не было ни споров, ни азарта, что могло бы привлечь малейшее внимание, ни даже каких-нибудь разговоров.

О силе их игры в то время можно судить отчасти по следующему факту. Тем же летом Александр Ильич, живя в Кокушкине, Казанской губернии, с успехом играл, «не глядя на доску», с игроком, которому тогдашняя первая категория в Казани давала ладью вперед. Интересно, что одновременно с этой шахматной партией «не глядя» Александр Ильич играл на бильярде в пять шаров и вел счет своим очкам.

Во время своего состязания братья играли только по вечерам. Несмотря на то что это было в каникулярное время, когда оба они были свободны, я не помню ни одного случая, чтобы они играли в шахматы до обеда. Утренние часы посвящались серьезным занятиям. По-моему, этот факт чрезвычайно показателен и характерен для них обоих, особенно если вспомнить, что старшему было 20 лет, а Владимиру Ильичу — всего 16.

В это лето, первое после смерти отца, мы занимали одну половину нашего дома (по Московской улице), ту, которая к Свияге, другая же, к центру города, сдавалась квартирантам. Там внизу, в маленькой комнатке, обращенной во двор, и происходило обычно шахматное состязание между старшими братьями.

Вспоминаю, между прочим, такой случай: они сосредоточенно сидели в этой комнате за шахматной доской, освещенной лампой, окно было открыто, но засетчено проволочной сеткой. Мы, ребята, играли во дворе и в освещенное окно видели неподвижные и молчаливые фигуры шахматистов. Одна девочка лет двенадцати подбежала к окну и крикнула: «Сидят, как каторжники за решеткой»... Братья быстро обернулись к окну и серьезно посмотрели вслед убегавшей проказнице. Настоящей железной решетки они еще не знали, но, должно быть, она уже чувствовалась ими как что-то неминуемое и совершенно неизбежное в те времена.

Зимой 1888/89 года Владимир Ильич много играл в шахматы и ходил в клуб с одним из двоюродных братьев [1]. Тогда мы жили в Казани на Первой горе, в доме Орлова. Однажды в то время Владимир Ильич попробовал свои силы, «не глядя на доску». Он позвал меня к себе в комнату и сказал, что, не давая ничего вперед, будет играть со мной, не глядя на шахматы. Никогда не видевши такой игры и полагая, что это чрезвычайно трудная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными «шпильками», авось не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и прах. Вообще же Владимир Ильич не любил играть «не глядя», и в дальнейшем я уже не помню таких партий. Следует, между прочим, сказать, что этот способ игры, несмотря на свою

[1] Речь идет об А. А. Ардашеве.— *О. У.*

эффектность, чрезвычайно вреден, качество игры безусловно понижается, и в то же время требуется большое напряжение мозга.

В ту же зиму Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке между Владимиром Ильичем и сильным самарским шахматистом А. Н. Хардиным[1]. Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками. После одного своего хода Владимир Ильич, ожидая ответного письма, несколько раз расставлял шахматы и говорил: «Интересно, что же он теперь сделает, как выпутается из этого положения, я, по крайней мере, не нахожу удовлетворительного ответа»... Пришел наконец ответ, которого долго ждали... Немедленно были расставлены шахматы. Мне, уже заинтересовавшемуся их игрой, ход Хардина казался нелепым. Владимир Ильич вначале тоже недоумевал, но потом очень скоро продумал положение и сказал: «Нда, это игрок — чертовская сила!» Нужно сказать, что Хардин был действительно очень крупной шахматной величиной. В 80-х годах он побил лучших московских игроков, а затем с большим успехом состязался с Чигориным[2]. Хотя Хардин и не выступал на больших турнирах, Чигорин считал его одним из лучших шахматистов в России (см., например, перевод Дюфрена, примечание Чигорина). Владимир Ильич партию по переписке проиграл, затем, после переезда из Казани в Самару (весной 1889 года), лично познакомился с Хардиным, и тот давал ему первое время коня вперед. Через год-два Владимир Ильич стал побеждать, и они перешли на пешку и ход, но при таком соотношении Владимир Ильич чаще проигрывал.

Андрей Николаевич Хардин был присяжным поверенным и страстно любил шахматы. Он выписывал массу иностранной шахматной литературы и мог часами просиживать один за доской. По его словам, он выучился хорошо играть благодаря тому, что, попав куда-то в глушь и имея много досуга, целыми днями просиживал за шахматной литературой и теорией этой игры. В тече-

[1] *А. Н. Хардин* (1842—1910) — юрист, известный русский шахматист. В. И. Ленин работал у Хардина в Самаре помощником присяжного поверенного.— *О. У.*

[2] *М. И. Чигорин* (1850—1908) — выдающийся шахматист, основоположник передовой русской шахматной школы.— *О. У.*

ние приблизительно года или немного больше он ни с кем не играл, а после этого сидения, встретившись с Чигориным, показал себя первоклассным игроком.

Зиму 1889/90 года мы жили всей семьей в Самаре на Заводской улице в доме Каткова, у самой Волги; в это время Владимир Ильич, больше чем когда-нибудь, увлекался шахматами. Он играл главным образом с Хардиным, но также и с другими самарскими шахматистами. Был организован турнир с участием восьми — десяти человек. Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы. В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй — Владимир Ильич и еще один игрок, остальные — в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, а один из участников принес призеру эти деньги. Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то.

Владимир Ильич любил бывать у Хардина — первое время больше из-за шахмат, а потом, когда он сдал экзамены по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверенного, их связывали также общие дела судебного характера.

Лучшего партнера в шахматы, чем Хардин, нечего было и желать, и Владимир Ильич, конечно, мог бы скоро сравняться с ним и пойти дальше, если бы он серьезно взялся за шахматную литературу, если бы, например, летние месяцы, которые он в эти годы проводил в деревне Алакаевке, он посвятил шахматам и теории этой игры. При своей систематичности, настойчивости и по своим умственным силам он бы в несколько лет сделался крупнейшей шахматной величиной, это несомненно. Но Владимир Ильич всегда относился к шахматам только как к развлечению, к игре. Вспоминаю, как я, находясь в гимназии под гнетом идиотской латыни и греческого языка, сказал ему как-то за игрой, что лучше бы вместо этих древностей в гимназии ввели шахматы для упражнения мозга. «Ну, этим ты поправишься, как говорится, из кулька в рогожку; не надо забывать, что шахматы все-таки только *игра, а не дело*». К шахматной литературе, как известно очень обширной, Владимир Ильич почти не прикасался, если не считать концов партий, которые он хорошо знал, и некоторых общеупотре-

бительных в то время дебютов. Во всяком случае, он никогда не пробовал изучать теорию шахмат систематически, что совершенно необходимо для каждого крупного игрока.

Здесь сказывается его общность в оценке шахмат с Карлом Марксом и Вильгельмом Либкнехтом, которые тоже увлекались этой игрой в свое время. В воспоминаниях о Марксе В. Либкнехт, отец известного Карла Либкнехта, писал: «Вообще, шахматная игра отошла у нас на задний план, так как мы снова приступили к правильным занятиям. Сам я, пользовавшийся в нашем маленьком кругу славой шахматного игрока, убедился в верности лессинговского приговора о шахматной игре: «Для игры — слишком много серьезности, для серьезности — слишком много игры». Я был приглашен на состязание известными игроками; в их обществе, обществе специалистов, я скоро узнал, что открытые мною ходы, которыми я гордился, уже сотни лет до меня были известны; я очутился в положении того крестьянина с Пиренеев, который во времена Людовика-Филиппа вновь изобрел изобретенные уже 4 века тому назад башенные часы. Я узнал, что существует большая шахматная литература, и что я, если хочу преуспевать в шахматной игре, должен изучить эту литературу и совершенно отдаться шахматам. Но сделать шахматы задачей жизни — на это я не мог решиться...»

Выше было подчеркнуто, что во время состязания Владимира Ильича с Александром Ильичем они в утренние часы в шахматы не играли — в это время оба сидели за книгами и тетрадями. Шахматам посвящались послеобеденные и отчасти вечерние часы. Так и впоследствии, когда Владимир Ильич жил в Алакаевке, утро было занято более серьезной работой. В старом запущенном саду среди густой листвы у него были стол и скамейка, там раскладывались с раннего утра книги, рядом была утоптанная дорожка шагов в 10—15, по которой он шагал, обдумывая прочитанное. Ни о каких шахматах, ни о каком развлечении здесь не могло быть речи. Здесь нужно было работать, учиться, готовить себя не для шахмат, а для другой, более серьезной борьбы. За все пять лет, которые мы провели в Алакаевке, я с трудом могу вспомнить три-четыре дня, когда Владимир Ильич нарушил свой порядок и изменил своему столику в саду с книгами и утоптанной дорожке.

Начиная с 1893 года Владимир Ильич все реже и реже играет в шахматы. Про его игру в сибирской ссылке с Кржижановским, Старковым, Лепешинским можно прочесть в статье П. Н. Лепешинского [1].

Последний раз я играл с Владимиром Ильичем в 1903 году в Женеве. Дома у него не оказалось даже шахмат, мы нашли какую-то кофейню, где и уселись за игру. Владимир Ильич спросил меня, что я буду пить; я высказался за мюнхенское пиво. Он подозвал кельнершу и заказал кружку пива и стакан черного кофе. «Пива что-то не хочется»,— сказал он с хитрым огоньком в глазах... Играли четыре с лишним часа одну партию, притом так сосредоточенно, что окружающие начали под конец посмеиваться над нами.

После революции Владимир Ильич почти совершенно не играл в шахматы, говоря, что это слишком утомительно; он предпочитал в свободное время городки, прогулки, охоту.

---

[1] См. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., Политиздат, 1969, стр. 72—73.— *О. У.*

О ВЫБОРЕ ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ФАКУЛЬТЕТА

Надежда Константиновна вспоминает рассказ Владимира Ильича о своих гимназических годах: «Когда мы кончали гимназию, один из товарищей предложил мне пойти на прогулку, с тем чтобы поговорить о нашем будущем. Но когда этот товарищ стал говорить о выборе факультета и дальнейшей нашей работе, я понял, что речь идет только о карьере и совершенно не касается революционной деятельности. Я тогда махнул рукой на этого товарища».

Из этого факта определенно вытекает, что Владимир Ильич хотел говорить тогда с товарищем не о карьере, а по поводу революционной деятельности, что он тогда, *еще до университета,* интересовался вопросом о выборе путей революционного движения.

На это указывает совершенно определенно такой момент, как выбор Ильичем факультета. Сверстников его очень удивил тот факт, что Владимир Ильич остановился на юридическом факультете. Они считали тогда, что на юридический факультет идут, главным образом, карьеристы. Они не поняли тогда, что юридический факультет может быть интересным и людям, ставящим перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучения его права; изучение всего в целом современного общества, борьбу с которым они поставили целью своей жизни.

Как известно, и Карл Маркс избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир Ильич, поступая в университет, остановились оба на одном факультете.

ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ

Мальчиком Владимир Ильич учился играть на рояле. У него, по словам матери, был великолепный слух, и музыка давалась ему легко. В возрасте восьми-девяти лет он бойко играл многие детские пьесы, а также с матерью и со старшими в четыре руки.

Однако, поступив в гимназию, он в первых же классах совершенно бросил рояль. Почему? Во всяком случае, не гимназические занятия и вечернее приготовление уроков были этому причиной. У Владимира Ильича были прекрасные способности, и учение в гимназии давалось ему чрезвычайно легко. В младших классах он почти не готовил уроков по вечерам, так как все необходимое усваивал в классе при объяснениях учителя, при этом получал по всем предметам пятерки. Мать рассказывала впоследствии, что Илья Николаевич, отец наш, говорил ей даже о своем опасении, как бы Володя не изленился благодаря своим исключительным способностям.

Вернее всего, что причиной того, почему Владимир Ильич бросил рояль девяти или десяти лет, были рутинные взгляды того времени, что на рояле должны учиться играть девочки, а для мальчиков это занятие неподходящее. Трудно допустить, конечно, чтобы отец смотрел таким образом, но возможно и вероятно, что он все же и не поощрял Владимира Ильича к музыке, а тот как-нибудь стороной, может быть от товарищей по гимназии и т. п., уловил и воспринял этот взгляд. Кроме того, старший брат Александр Ильич не играл на рояле, и это также могло оказать влияние на Владимира Ильича.

Вспоминаю случай, имевший место в том же Симбирске, где учился Владимир Ильич, годами десятью позже.

Знакомый мальчик, сын педагога, увлекся роялем. Отец мальчика не только не поощрял сына в этом занятии, но прямо запретил ему играть на рояле. Это, однако, не остановило юного музыканта, и он тайно от отца, при поддержке матери скоро обогнал в музыке свою старшую сестру и стал прекрасным пианистом.

Как бы то ни было, Владимир Ильич бросил рояль, и только мать очень жалела об этом и не раз говорила, как он хорошо играл для своего возраста.

В 1883/84 году мне подарили гармонику. Ни я, ни старшая сестра, Ольга Ильинична, не умели приступиться к этому инструменту, и только Владимир Ильич быстро освоился с ним и подобрал несколько мотивов, в том числе довольно удачно «Вот мчится тройка удалая вдоль по дорожке столбовой». Вообще же гармоника не заинтересовала его.

Зимой 1888/89 года в Казани я был с Владимиром Ильичем в опере. Ставили «Дочь кардинала» [1]. Места наши были где-то высоко на галерее. Мне очень ярко врезался в память этот вечер. Помню, как мы пешком возвращались из театра, как ужинали дома молоком с хлебом, не хотелось спать. Владимир Ильич все время находился под впечатлением услышанной музыки, напевал «Рахиль, ты мне дана...», еще что-то и главным образом другую арию Елеазара: «Христиан я ненавижу, их решился презирать, но теперь я прибыль вижу — можно денежки достать!» Это место ему особенно понравилось, и дома за ужином он тихо, так как другие спали, все время повторял его.

В этот вечер Владимир Ильич был в чрезвычайно приподнятом настроении, что объяснялось, по-видимому, тем обстоятельством, что он из глухой деревушки, где находился под гласным надзором полиции (Кокушкино, Лаишевского уезда, Казанской губернии), попал в оперу.

Все, кто близко знал Владимира Ильича, помнят, как менялось у него настроение: то веселый, смеющийся заразительно, как ребенок, увлекающий собеседника быстрым бегом своей мысли, хохочущий без конца, до слез, то мрачно сдержанный, строгий, ушедший в себя, сосредоточенный, властный, бросающий короткие, резкие

---

[1] «Дочь кардинала» — опера французского композитора Ж.-Ф. Галеви.— *О. У.*

фразы, углубленный в разрешение какой-то трудной, важной задачи.

В 1888—1890 годах Владимир Ильич часто пел под рояль с Ольгой Ильиничной, которая хорошо играла, имела голос и умела петь. О ней мало известно, между тем в годы детства и юношества это был самый близкий, лучший товарищ Владимира Ильича. Она была моложе брата на полтора года, но не отставала от него по развитию. Восемнадцати лет она владела немецким, французским, английским и шведским языками. Шведский она изучила с той целью, чтобы ехать учиться в Финляндию в высшее учебное заведение (преподавание велось на шведском языке). Она читала массу книг, серьезные — конспектировала, приступила к изучению первого тома «Капитала» Маркса, любила математику, которую знала для своего возраста прекрасно. Она отличалась редким трудолюбием и отрывалась от книг только для музыки, которую очень любила, но и музыкой она занималась серьезно (в Казани училась в музыкальной школе роялю и теории музыки). Про Ольгу Ильиничну можно сказать, что она не работала только тогда, когда спала. В мае 1891 года она умерла от брюшного тифа.

Владимир Ильич поражался ее трудолюбию и способностям.

Они пели дуэтом «Нелюдимо наше море». И помню последний куплет:

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело братья! Бурей полный,
Прям и кренок парус мой!

Любил Володя «Свадьбу», кажется Даргомыжского:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!
Венчала нас полночь средь мрачного бора!

Затем он пел «Чудесные глазки». Слова Гейне: «Du hast Diamanten und Perlen...»:

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Все, что люди привыкли искать,
И еще есть прелестные глазки,
Милый друг, чего больше желать...

Дальше:

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне скорби печать,
От них я совсем погибаю,
Милый друг, чего ж больше искать.

«Погибаю» — надо было брать очень высокую ноту, и Владимир Ильич говорил, вытянув ее: «Уже погиб, погиб совсем». В его репертуаре была еще песня: «Так и рвется душа из груди молодой, просит воли она, просит жизни другой». Далее в песне оказывалось, что «воля и другая жизнь» — это сидеть вместе с милым дружком и т. д. и т. п. Владимир Ильич смеялся: «Вон, оказывается, куда душа-то рвется!» Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Пелось ведь не для этого, не только для слов. Пелось потому, что душа его действительно рвалась к другой жизни. Пела. Но не изнывала, не грустила. У Владимира Ильича я почти не помню в пении минора. Наоборот, у него всегда звучали отвага, удаль, высокий подъем, призыв!

Он пел в это время также арию Валентина из «Фауста» [1]: «Бог всесильный, бог любви...» Пел то, что положено по нотам, произнося те слова, которые нельзя выкинуть из песни, но одно место из этой арии у него выходило лучше, красивее — конечно, не благодаря его голосу, а потому, что он невольно вкладывал в это частицу своего боевого духа:

Там, в кровавой борьбе, в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...

И постоянно, когда я слушал, и теперь, много лет спустя, слушаю арию Валентина в опере, на концерте и т. д., мне всякий раз вспоминается далекое время, как Владимир Ильич пел это место.

Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услыхал «Интернационал». Тот «Интернационал», который теперь знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе около деревни Алакаевки, Самарской губернии. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку «Марсельезой». Я подбежал к роялю и просил ее повторить. Вдруг неожиданно, так как это было утром, когда Владимир Ильич не отрывался обычно от книг, он подошел к нам

[1] Ария Валентина из оперы Ш. Гуно «Фауст».— *О. У.*

и сказал, что надо спеть «Интернационал» [1]. Они вместе стали подбирать на рояле новую для меня песню, а затем тихо петь по-французски: «Debout, les damnés de la terre! Debout, les forçats de le faim...» На мою просьбу перевести Владимир Ильич спел: «Вставайте, каторжники мира...» — и затем:

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Некоторое время они путались с припевом, но потом наладились.

Мария Ильинична говорила мне, что в это время, в начале 90-х годов, Владимир Ильич выражал сожаление, что он не научился играть на рояле или на скрипке.

Гимназистами в старших классах в Самаре мы пели хором обычные, ходовые в то время песни, вроде «Коперника», «Быстры, как волны», «Из страны далекой» и т. д. Владимир Ильич добавил нам куплет к «Копернику»: «Монах стучится в двери рая, апостол Петр ему

---

[1] В одном из вариантов воспоминаний Дмитрия Ильича написано: «Летом 1889 года я в первый раз услыхал «Интернационал». Было это в такой обстановке... Алакаевка... Оля... «Марсельеза»... Подходит Володя, они начинают что-то подбирать и петь по-французски: «Debout, les damnés de la terre...» Владимир Ильич поет по-русски: «Вставайте, каторжники мира...» И потом: «C'est la lutte finale...»

В 1967 году в архиве Дмитрия Ильича я обнаружила нотный альбом, принадлежавший Ольге Ильиничне Ульяновой. Альбом относится к концу 80-х годов прошлого столетия. Ноты и тексты песен, романсов и арий из опер записаны в этот альбом Ольгой Ильиничной. Здесь много произведений, которые любил Владимир Ильич Ленин, например «Нелюдимо наше море», музыка Вильбоа на слова поэта Н. М. Языкова, ария Неизвестного из оперы Верстовского «Аскольдова могила», ария Валентина из оперы «Фауст» Шарля Гуно и многие другие.

Но самое интересное в альбоме — ноты «Интернационала» и его текст на французском языке, написанные также рукой Ольги Ильиничны (впервые опубликованы в журнале «Музыкальная жизнь», № 10, 1968) В этих нотах мелодия и фортепианное сопровождение во многом повторяют авторскую запись Пьера Дегейтера, факсимиле которой было впервые опубликовано в 1952 году Франтишеком Гелем (*František Gel.* Internacionála a Marseillaisa. Praha, 1952). Найденные ноты вновь подтверждают факт знакомства В. И. Ленина с гимном «Интернационал» в конце 80 — начале 90-х годов прошлого века.— *О. У.*

в ответ: Куда ты, харя проклятáя, здесь для тебя ведь места нет». Кто-то из товарищей научил нас новой песне:

Молодой кузнец гуляет
Вдоль по кузнице своей,
Себе молот выбирает
И зовет своих друзей.
Стук, стук, стук!
Стук, стук!
В десять рук, в десять рук!
Приударпм, братцы, вдруг!

Владимир Ильич неожиданно захлопал из своей комнаты, где сидел за работой, и просил повторить. Мы, весьма польщенные его похвалой, повторили и спели также другой куплет из той же песни: «Богач золотом гордится и не терпит бедняка, а бедняк день-ночь трудится из-за насущного куска». Мотив песни веселый, бравурный. После я несколько раз слышал, как Владимир Ильич насвистывал его.

Он насвистывал особенно, сквозь зубы, при едва открытом рте. Вероятно, многие помнят это насвистывание, чрезвычайно характерное у него. Насвистывал он только тогда, когда был в веселом или хорошем настроении. При игре в шахматы, когда его дела шли хорошо или он выдумывал хорошую, красивую комбинацию, он задорно, смеющимися глазами смотрел на партнера и, улыбаясь, продолжал насвистывать.

В начале 1900 года Владимир Ильич, вернувшись из сибирской ссылки, привез оттуда, между прочим, новые революционные песни. Любимой его в то время была «Вековые устои»:

Вековые устои качнулись,
Пошатнулся старинный уклад
С тех пор, как от сна мы проснулись
И сбросили старый наряд.

Припев:

Встань, поднимайся, рабочий народ!
Встань на врага, люд голодный.
Раздайся, раздайся, клич мести народной,
Вперед, вперед, народ!

И сила и мощь капитала
По стране разлилися родной,
К фабрикантам дворянство пристало,
Им служит сам царь головой.

Припев.

Но, теснимый кругом капиталом,
Стал умнее рабочий народ,
Вся та клика в смятенье немалом
Скоро песни не те запоет...

Припев.

Бесполезные смолкнут проклятья,
Смолкнет плач наших жен и детей,
Все рабочпе встанут, как братья,
За свободу отчизны своей!

Припев.

И поднимется красное знамя,
Не помогут тюрьма и штыки.
Разгорится мятежное пламя,
Побегут перед нами полки.

Припев.

Другую песню Владимир Ильич называл «Туруханской», так как слова ее принадлежат, очевидно, туруханским ссыльным, мотив ее старый, кажется, украинский.

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В шуме ветра ухо различает
Хохот торжествующий врага.
Смело, други, смело,
И над долей злой
Песней насмеемся
Удалой!
Там в России люди очень пылки,
Там к лицу геройский им наряд,
Но лишения, годы долгой ссылки
Скоро позолоту соскоблят.
И глядишь, плетется
Доблестный герой
В виде мокрой курицы
Домой.
Утомляют нас годы лишений,
Стоит ли до старости дожить,
Чтоб у юных, дерзких поколений
Чудом ископаемых прослыть...
Без расчета тратьте
Сил своих запас.
Все равно Сибирь
Схоронит нас.
Пусть же, другп, сей науки трудной
С полным мы успехом курс пройдем,
А творцов системы этой чудной
Словом благодарным помянем.
В день победы нашей
Отблагодарим —
Гильотиной знатной
Их почтим...

Владимир Ильич пел в это время также польские революционные песни: «Красное знамя» («Червоны штандар»), «Варшавянку» и менее известную «Время настало в темной России, дружно, рабочий, выступи в бой!..». Он говорил в то время, что у нас нет еще своих рабочих, революционных песен, так как рабочее движение еще слишком молодо, нет еще массовых политических выступлений, как в Польше и на Западе. Но такие песни должны быть, и, пока они не сложатся в ходе борьбы, нужно распространять переводные польские и пр.

В последние годы, перед своей болезнью, Владимир Ильич как-то не интересовался уже музыкой. Я почти не помню, чтобы он ездил в оперу или на концерт. Казалось бы, что именно в это время, при его крайне напряженной работе, музыка могла бы дать известный отдых, несколько отвлечь его внимание, приостановить, хоть совсем ненадолго, нечеловеческую работу мозга и его артерий.

Но именно здесь его целеустремленность достигла крайних пределов, внимание целиком было сосредоточено на одном деле, отвлечь или ослабить его было нельзя.

Как-то он собрался в Колонный зал, где предстоял вечер с концертным отделением при участии Шаляпина. Владимир Ильич не собирался выступать, а поехал с единственной целью — встряхнуться. Однако, несмотря на то что программу изменили и Шаляпина пустили первым, Владимир Ильич не дождался конца его пения и уехал домой...

Во время болезни Владимира Ильича его часто возили в кресле по парку. Иногда, как мне передавали близкие товарищи, он тихо насвистывал что-нибудь. Между прочим, слышали у него напев «Долины Дагестана» [1]:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилася моя.

Отрывки впервые были опубликованы в газете «Правда», 1941, № 21, 21 января.

---

[1] Романс М. А. Балакирева на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон».— *О. У.*

СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ В МОСКВЕ
(1893—1898 годы) [1]

Весной 1893 года я окончил гимназию. Летом мы жили, как и в прежние годы, на хуторе Алакаевка, но, так как я подал заявление в Московский университет, нам предстояло ехать в Москву.

Решили так: мама, я, сестры — Анна Ильинична и младшая Маня (Мария Ильинична) — поедем в Москву, а Владимир Ильич поедет в Петербург. Выехали мы все вместе на пароходе и вместе ехали до Нижнего Новгорода. Владимир Ильич решил, что в Нижнем сделает остановку, потому что хотел там повидать, как он говорил, кое-кого из марксистов.

Помню только фамилию Розанова. Какой это Розанов — не знаю, только это не хирург Розанов и не тот Розанов, который был в «Южном рабочем», это был какой-то Розанов [2] нижегородский.

Во время поездки на пароходе ничего интересного не было, разве только можно отметить, что мы несколько раз играли с Владимиром Ильичем на палубе в шахматы.

Затем он остался в Нижнем, а мы проехали из Нижнего на поезде в Москву.

В Москве первая наша квартира была в Большом Палашевском переулке — близко от Сытина переулка, район Большой и Малой Бронной, около Тверского бульвара. Помню, что дом церковный. Тогда номера̀ домов в Москве в ходу не были, и я помню, что Владимир Ильич еще смеялся, говорил: «Что же Москва еще номеров не ввела — дом купца такого-то или дом купчихи такой-то». Адрес ему такой еще попался: «Петровский

---

[1] Стенограмма беседы с Дмитрием Ильичем.— *О. У.*

[2] Имеется в виду А. С. Розанов.— *О. У.*

парк, около Соломенной сторожки». Он возмущался: «Черт знает что за адрес, не по-европейски».

В этой нашей первой квартире Владимир Ильич не был.

Затем мы переехали на Покровку, в квартиру Фролова. Сняли целую квартиру и там жили, причем как раз на этой квартире впервые появилось у мамы пианино — это историческое пианино, которое затем всюду переезжало вместе с мамой — вместе с ней было сначала в Москве, затем в Вологде, затем в Саратове и Самаре.

С этой квартиры на Покровке мы переехали в Вознесенский тупик. Находится он на Ново-Басманной улице, сразу же налево за железнодорожным мостом. В эту квартиру мы переехали весной 1894 года. Помню, что тогда Марк Елизаров купил себе первый велосипед, весил этот велосипед 53 фунта. Он интересен тем, что именно на нем научился ездить Владимир Ильич.

Я тогда был студентом первого курса, Марк служил на железной дороге счетоводом, и мы вместе с ним учились ездить на велосипеде. Летом 1894 года наши — мама и Елизаровы — сняли дачу около станции Люблино. Дачу сняли вместе с сослуживцем Марка — Буланже. Это был типичный толстовец; например, он с трудом отказывался от папирос, говоря, что не курит, т. е. ни табака, ни папирос не покупал, но чужие курил. Помню, приходил и говорил: «Дмитрий Ильич, дайте папиросу — ужасно зубы болят». Играли толстовцы в картишки, в винт или преферанс, толковали о греховности жизни, что все люди плохи, что только один Лев Николаевич Толстой истину указывает, а больше никто, что политика и социалисты — все это чепуха.

Тогда на этой даче жили Мария Александровна Ульянова, Анна Ильинична и Марк Елизаровы, я и Маня.

Туда летом приехал Владимир Ильич из Петербурга. Зиму 1893/94 года пробыл он в Петербурге, а на лето, так как его очень звала мать, приехал к нам и прожил с нами на даче около месяца.

По-видимому, это был не первый приезд Владимира Ильича к нам в Москву, так как, кажется, в начале 1894 года он вместе с Анной Ильиничной и Марком Елизаровым был на той вечеринке, где был Веве [1].

[1] Имеется в виду В. П. Воронцов — русский экономист, один из идеологов либерального народничества 80 — 90-х годов

В Люблине Владимир Ильич научился ездить на велосипеде. Я выбрал дорожку, которая шла под уклон шагов на 100, и решил его учить. Там же научился Буланже, и потом Владимир Ильич стал учиться и скоро научился. Иногда мы ездили в окрестностях на велосипеде, но так как велосипед был один на двоих и оди́н ехал, а другой шел, то чаще ходили гулять с палками, без велосипеда. Часто ходили к Москве-реке — там, где Перерва.

Помню один наш разговор. Как-то мы идем, и я говорю Владимиру Ильичу:

— У нас очень много товарищей, старых, известных нам, почему не взяться и не создать террористической организации? — Это у меня еще народовольческая отрыжка была.

Владимир Ильич быстро остановился на ходу:

— А для чего это нужно? Предположим, удалось бы покушение, удалось бы убить царя, а какое это имеет значение?

— Как какое значение — оказало бы громадное влияние на общество.

— На какое общество? Какое ты общество имеешь в виду? Это то общество либеральное, которое играет в картишки и кушает севрюгу под хреном и мечтает о куцей конституции? Это общество ты имеешь в виду? Это общество не должно тебя интересовать, оно нам не интересно, мы должны думать о рабочем человеке, о рабочем общественном мнении. Вот Карл Маркс в Западной Европе стал во главе рабочего класса именно потому, что рабочие — это самый революционный элемент капиталистического строя.

Больше уж я об этом и не заикался.

Внизу на даче у Буланже была пишущая машинка «ремингтон», и, когда Владимир Ильич привез с собой «Эрфуртскую программу» Каутского и комментарии к ней и перевел программу на русский язык, я пошел вниз и начал печатать ее на машинке, печатал для себя, просто так.

А Владимир Ильич спрашивает:

— Ты вниз ходил, там печатал? Это неудобно, я тебе программы больше не дам.

— Почему неудобно?

XIX века. 9 (21) января 1894 года Ленин выступил на нелегальном собрании в Москве против Воронцова с уничтожающей критикой его реакционных взглядов.— *О. У.*

— Люди посторонние, чужие нам, а ты печатаешь; видно, что программа социал-демократической партии. Это неконспиративно. Если можно взять машинку сюда, тогда давай, но туда, вниз, я не дам.

Я притащил машинку наверх, и ночью, помню, мы долго не ложились, и Владимир Ильич начал щелкать на этой машинке. Он старался быстро писать, я говорю: «Напутаешь».

— Ничего, напутаю — исправим. Печатать — так надо быстро, а то лучше я буду писать пером.

* * *

Когда мы переехали с дачи, то поселились на квартире около Курского вокзала в Яковлевском переулке, рядом с Казенным,— в доме Бажанова, и там жили всю зиму 1894/95 года. Жили в том же составе — Елизаровых двое и нас трое: мать, Мария Ильинична и я. Мария Ильинична еще училась в это время в гимназии.

Зимой 1895 года мы получили письмо от Володи, что он болен, доктор говорит, что воспаление легких,— сперва был грипп, а потом гриппозное воспаление одного легкого. Мать ездила в Питер, и Владимир Ильич вскоре поправился — у него легко прошла эта болезнь.

В апреле 1895 года он приехал к нам в Москву, на квартиру Бажанова.

Здесь он остановился и здесь же встретился с Лалаянцем — его бывшим самарским товарищем, участником марксистского кружка, который отбыл год тюремного наказания в Крестовской тюрьме.

Тут Владимир Ильич рассказывал нам относительно третьего тома «Капитала», который прочитал по-немецки — русского перевода еще не было. Помню, тогда еще пришел к нам Масленников из Московского комитета — товарищ Анны Ильиничны, и он рассказывал нам о стремлении капиталистического общества к равной норме прибыли и о ренте, о так называемой дифференциальной ренте.

Это было как раз после выхода книги Бельтова [1], все мы прочли или начали читать первый том «Капитала» и с большим интересом слушали его рассказ о содержании третьего тома.

[1] Имеется в виду книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная в 1895 году под псевдонимом «Н. Бельтов».— *О. У.*

* * *

Летом 1895 года мы жили на даче — опять в том же составе — на станции Бутово по Курской железной дороге, 29 верст от Москвы.

В это лето Владимир Ильич ездил вполне легальным образом, по паспорту, за границу, где он виделся с Плехановым и членами группы «Освобождение труда», и привез с собой исторически известный чемодан с двойным дном с нелегальной литературой. Хотя он здорово рисковал, но считал необходимым привести с собой литературу; он считал, что всякий, кто ездит за границу, должен так или иначе привезти с собой нелегальную литературу.

Когда Владимир Ильич вернулся из-за границы, он был у нас на даче в Бутове, и мы с Марией Ильиничной ездили с ним в Москву и провожали его на Николаевском вокзале в Питер.

Помню, что мы сидели на Страстном бульваре и ели простоквашу и Владимир Ильич сказал:

— Видишь этого человека?

— Вижу. А что?

— У него нижняя часть лица удивительно Плеханова напоминает.

Владимир Ильич, такой строгий к себе, всегда других людей, как Плеханова, выдвигал. Он придавал особое значение роли Плеханова, считал, что он первый теоретик марксизма в России.

Зиму 1895/96 года мы жили в доме Лоськова в Мансуровском переулке. Я тогда учился на третьем курсе университета.

В эту зиму, в декабре, мы узнали, что арестован Владимир Ильич и отвезен на Шпалерную в дом предварительного заключения.

Сперва мать, а затем и Анна Ильинична поехали в Петербург организовать передачу ему продуктов и, главное, книг. Анна Ильинична организовала передачу ему статистических материалов для работы «Развитие капитализма в России».

Летом 1896 года я давал уроки в Смоленской губернии, а мама и сестры (Анна Ильинична и Мария Ильинична) жили в Финляндии на даче, где-то у Белоострова, для того чтобы быть ближе к Питеру, к Владимиру Ильичу, так как он продолжал сидеть, и они организовывали ему передачи.

Осенью я приехал в Питер на пару дней и ходил на свидание к Владимиру Ильичу в дом предварительного заключения. Свидание было за двойной решеткой, между решетками стоял или ходил надзиратель, который запрещал говорить на иностранных языках и следил, чтобы никаких передач не было. На меня это произвело сильное впечатление, и я в первый раз нюхнул тюрьмы, и первое впечатление, конечно, было очень тяжелое.

Затем мы жили втроем — Марк, Мария Ильинична и я — на квартире Мишке на Смоленской-Садовой в Москве. Помню, раз мы пошли сниматься, причем Марк взял с собой свою собаку — у него был сенбернар Фрида. Мы снимались в домашних костюмах, несмотря на возражения фотографа,— я был в расстегнутой тужурке, в косоворотке, а Марк даже не надел воротничка. Снялись в таком небрежном виде, и собаку сняли. Эту карточку послали Владимиру Ильичу в тюрьму; он был очень доволен, говорил, что это не официальный снимок, а как бы хорошая домашняя фотография. Марк и Мария Ильинична очень хорошо вышли.

В ожидании приезда мамы и Анны Ильиничны из Питера мы сняли квартиру на Собачьей площадке, в доме Романовского; на этой квартире мы жили довольно долго. Это была зима 1896/97 года. В начале 1897 года закончилось сидение Владимира Ильича, он был выпущен в феврале 1897 года, и ему нужно было ехать в Сибирь. Владимир Ильич получил разрешение проехать через Москву и в Москве остановиться; он тогда просрочил, лишних два-три дня захватил, и Зубатов постарался в конце концов его выгнать.

Жил он у нас, на Собачьей площадке, и ходил каждый день с утра в Румянцевский музей, теперешнюю Ленинскую библиотеку, потому что хотел использовать материал для работы «Развитие капитализма в России». Он брал с собой Марию Ильиничну, чтобы она ему помогала делать выписки.

Эта работа (как бы блестящая диссертация) — самостоятельный большой труд, анализ, исследование создания внутреннего рынка при капитализме. Владимир Ильич говорил, что когда пришли и сказали ему собирать вещи, освободили из дома предварительного заключения, то первая мысль была — не дали мне закончить работу. Он наладился, а теперь неизвестно, где в ссылке работать. Когда Владимир Ильич проезжал через Мо-

скву, известно было, что он едет в Енисейскую губернию, должен попасть к красноярскому губернатору. Там где-то в районе Красноярска была частная библиотека у какого-то купца [1], которую он использовал.

Наши проводили его до Тулы; мне что-то (не помню сейчас что) препятствовало выехать, поехали мама, Елизаровы — Марк и Анна Ильинична — и Маня, доехали до Тулы и в грустном и печальном настроении вернулись домой.

Летом 1897 года я должен был ехать в Кокушкино по поручению матери, чтобы устроить финансовые дела: когда отец матери, А. Д. Бланк [2], умер, его имение разделили между дочерьми.

Зимой 1897/98 года мы опять жили в той же квартире на Собачьей площадке, и в ноябре 1897 года, уже ко мне, явились с обыском. В 1896/97 году я начал революционную деятельность в рабочих кружках.

Обычно, когда ждешь обыска, готовишься, а тут вышло совсем неожиданно.

У нас была прихожая, и из прихожей сразу дверь в мою комнату, направо была дверь в столовую, а за столовой жили все наши.

Наша домашняя работница стояла на дворе у дверей квартиры, дверь была не заперта; ее один, в штатском, спросил, дома ли я, и сразу же вбежал наверх, а за ним шла полиция. Работница даже не успела меня предупредить. Они вошли прямо ко мне в комнату, я так рот и разинул, увидев полицию.

У меня там, где иконы висят, в этом месте, висел череп — я был медиком. Полицейский говорит: «Прикажете снять череп, ваше благородие?» — «Да, посмотри, хотя там, вероятно, ничего нет». Я говорю: «Вы у мертвых в голове ищете революционные мысли». Затем нашли мешок с чем-то металлическим, а там были студенческие пуговицы. «А, до серьезного добрались — там

---

[1] Имеется в виду домашняя библиотека купца коллекционера-библиофила Г. В. Юдина (1840—1912), которая насчитывала около 80 000 книг. В. И. Ленин пользовался книгами этой библиотеки во время своего пребывания в Красноярске, по дороге в ссылку.— *О. У.*

[2] *А. Д. Бланк* (1799—1870) — отец Марии Александровны Ульяновой, по образованию врач; служил в Петербурге, в Смоленской губернии, на Урале, был передовым человеком своего времени.— *О. У.*

шрифт, вероятно»,— быстро открывает мешок, а там — пуговицы.

Меня отправили в тюрьму — это было 7 ноября,— и до августа 1898 года, около десяти месяцев, я сидел в «Таганке»; сначала же был в тверском участке. Там я получил первое боевое крещение: сидел в одиночной камере, на которой было написано: «Государственный секретный преступник».

Вот в основном весь московский период нашей жизни.

19 мая 1938 г., Горки

ЕЩЕ О МОСКОВСКОМ ПЕРИОДЕ

В августе 1893 года мы всей семьей (Мария Александровна, Владимир Ильич, Анна Ильинична, Мария Ильинична и я) двинулись на пароходе из Самары в Нижний. Владимир Ильич — чтобы ехать оттуда по железной дороге в Питер, мы все остальные — в Москву, чтобы там обосноваться. В Нижнем Владимир Ильич сделал остановку, чтобы повидаться, как он говорил, с некоторыми товарищами (с Розановым, Скворцовым и другими). По приезде в Москву мы устроились сначала в двух меблированных комнатах в Большом Палашевском переулке в районе Бронных улиц. Я оформлял свое положение в университете, Мария Ильинична, не кончившая еще гимназии в Самаре, поступила в московскую гимназию на Маросейке в один из старших классов. Затем осенью приехал в Москву муж старшей сестры Марк Тимофеевич Елизаров, устроившийся в качестве счетовода в управлении Московско-Курской железной дороги. Тогда он вместе с моей матерью сняли квартиру на Покровке, дом Купца Фролова, во дворе флигель. Месяца через два эту квартиру заменили другой (Вознесенский тупик со Старой Басманной улицы, второй этаж), дом неизвестен. С этой квартиры в 1894 году мы переехали на дачу — станция Люблино Московско-Курской железной дороги, поселок Кузьминки. Елизаров ежедневно ездил в город на службу, а мать, сестры и я проводили время на даче. Мать очень просила Владимира Ильича также приехать из Питера и отдохнуть летом на лоне природы. Помнится, в июне он приехал с изрядным запасом книг и, как всегда, засаживался с утра до обеда за работу. После обеда обычно гуляли, а по вечерам он также систематически работал.

Мы занимали помещение во втором этаже деревянного дома, а в нижнем жил сослуживец Марка с семьей; у него снимали комнаты еще двое, служившие на железной дороге, вернее, в управлении Московско-Курской железной дороги. По возвращении со службы эта публика или занималась разговорами и спорами, или сидела за картами.

Часто после обеда брат звал меня гулять. Он любил предпринимать большие прогулки за несколько верст и шагать быстро. В этом отношении я не отставал от него. Обычно мы вели отрывочные незначительные разговоры. Мне хорошо запомнился следующий разговор: я высказал сомнение в революционности и значительности работы в рабочих кружках. От этой работы хотя и можно ждать плодов, но только очень не скоро, к тому же царский режим слишком мешает вести такую работу, которая требует систематичности и продолжительности. Параллельно с этим я считал нужным возобновить методы народовольцев, в частности террор [1].

---

[1] Этот разговор Дмитрия Ильича с Владимиром Ильичем полностью приведен в стенограмме «Семья Ульяновых в Москве» (см. наст. издание, стр. 71).— *О. У.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ

...В начале 1900 года Владимир Ильич возвращался из Сибири после трех лет ссылки, которую отбывал в селе Шушенском, Минусинского уезда, Енисейской губернии. Возвращался он один, без Надежды Константиновны, у которой еще не окончился срок ссылки. Она доехала с Владимиром Ильичем до Уфы и осталась там отбывать гласный надзор полиции.

Получив извещение о времени выезда Владимира Ильича, я встретил его в 50 верстах от Москвы, в Подольске, где тогда жил. Нашел его в вагоне третьего класса дальнего поезда; по всему видно было, что публика ехала из холодных стран — меховые шубы, дохи, сибирские шапки с наушниками, валенки, бурки и т. д. были разбросаны по вагону. Владимир Ильич выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после предварилки. Прежде всего он расспросил про семейных, про здоровье матери, стал спрашивать о новостях, но скоро выяснилось, что он гораздо богаче меня новостями, несмотря на то что ехал из ссылки, а я жил под Москвой.

Затем разговор перешел к наделавшей в то время много шуму книге немецкого социал-демократа Э. Бернштейна — самого откровенного и беззастенчивого тогда ревизиониста и оппортуниста. Владимир Ильич жестоко критиковал и ругал, конечно, этого Бернштейна и говорил, что это — очень опасное искажение Маркса и с ним поэтому необходима самая решительная и беспощадная борьба. Попутно он обрушился на наших русских оппортунистов, на так называемый «экономизм», на органы этого направления — «Рабочее дело» и «Рабочую мысль».

Когда по прибытии в Москву мы ехали с Владимиром Ильичем на извозчике к своим, на Бахметьевскую

улицу [1], я был счастлив и горд тем, что я на полтора часа раньше других его встретил и что я «привезу» его к ним.

Владимиру Ильичу было предоставлено право выбрать себе для жительства любой город, кроме столиц, университетских городов и, кажется, фабрично-заводских центров. Он остановился на Пскове. Псков, где он никогда не бывал и никого там не имел, был выбран, по-видимому, только благодаря его близости к Петербургу, который в то время, конечно, был центром внимания Ильича. Из Пскова легче можно было производить наезды в Питер, следить за ходом рабочего движения, сноситься с непосредственно работающими товарищами и влиять на движение. У него готов был план уехать за границу, чтобы осуществлять свою цель — руководство рабочим и революционным движением в России. Он решил... создать за границей печатный орган, руководящий движением, провозглашавший, что пролетариат должен быть *гегемоном* надвигающейся русской революции.

И вот один или два раза Владимиру Ильичу удалось благополучно съездить туда и видеться с кем надо. Но в последний свой приезд он попался опять в руки полиции.

Вместе с Мартовым, который был тогда единомышленником Владимира Ильича, они отправились в Питер. Прибыть на Варшавский вокзал, т. е. ехать прямо, казалось им опасным. Они решили замести следы и приехать с другого вокзала, где их не ждут шпики. Проехали из Пскова до Гатчины, оттуда повернули по боковой линии на бывшее Царское Село, там опять пересели в другой поезд и благополучно, казалось, прибыли в Питер. На другой день утром, когда Владимир Ильич вышел из квартиры, где ночевал, его внезапно схватили, как он рассказывал потом, «за руки, один — за правую, другой — за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы». Посадили на извозчика и привезли в градоначальство; там, конечно, обыскали, но ничего не нашли. Отвели тут

---

[1] На Бахметьевской улице, куда мы приехали, жили во втором этаже небольшого домика Мария Александровна, Марк Елизаров и Мария Ильинична; где была тогда Анна Ильинична — не помню.— *Прим. Д. И. Ульянова.*

же в камеру. Вызывают на допрос: «Зачем приехали? Вам ведь известно, что в столицу вам запрещен въезд?» Далее: «И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?»

При градоначальстве сидеть было очень скверно, не сравнить с предварилкой. «Инсекты не дают покоя ни днем, ни ночью,— рассказывал Владимир Ильич,— и вообще грязь невозможная, а кроме того, ночью шум, ругань; как раз около камеры усаживаются каждую ночь в карты играть городовые, шпики и пр...»

Хорошо, что сидение здесь продолжалось не более двух недель[1]. Владимир Ильич очень беспокоился, чтобы у него не отобрали заграничного паспорта, который был уже в кармане, а с этим паспортом был связан дальнейший план действий: ехать за границу и приступить к изданию большой политической газеты — будущей «Искры», которая должна стать органом революционной социал-демократии в противовес «экономизму» и пр., которая должна тесно связаться с местами и стать центром собирания и организации партии пролетариата.

По освобождении Владимир Ильич поехал в Подольск, где мы жили с матерью. Его сопровождал от самого градоначальства полицейский чиновник, который и доставил Владимира Ильича по назначению — прямо к исправнику Подольского уезда. Исправник, некий Перфильев, старый чинодрал, любивший при случае метнуть гром и молнию, но трус по существу, потребовал у Владимира Ильича документы. Тот предъявил свой заграничный паспорт. Перелистав и просмотрев его, исправник положил документ к себе в письменный стол и сказал: «Теперь вы можете идти, а паспорт останется у меня». Самое страшное для Владимира Ильича случилось: у него отобрали заграничный паспорт, и кто отобрал? Какой-то уездный исправник! «Документ мне нужен,— сказал Владимир Ильич,— возвратите его мне». Исправник величественно ответил: «Вы слышали: документ останется у меня, а вы можете идти». Владимир Ильич протестовал и заявил, что он не уйдет, пока не получит обратно паспорт. Исправник стоял на

---

[1] В. И. Ленин был в заключении с 21 по 31 мая 1900 года (по старому стилю).— *О. У.*

своем. Тогда Владимир Ильич повернулся к выходу и заявил: «В таком случае я принужден жаловаться на ваше незаконное действие в департамент полиции» — и вышел. Исправник струсил, последняя фраза произвела свое действие. Он вскричал: «Послушайте, г. Ульянов, вернитесь назад! Вот ваш паспорт, возьмите его».

Владимира Ильича ждали дома с нетерпением. Как только он перешагнул порог, он внес с собой живость и веселье. Начал рассказывать о своих последних злоключениях, и прежде всего об этом «старом плуте и дураке» — исправнике. Он был еще возбужден после этой схватки: «Хотел отобрать у меня заграничный паспорт, старый дурак, так я его та́к напугал департаментом полиции...» — и Владимир Ильич весело захохотал.

* * *

...По освобождении Владимир Ильич наметил дальнейший путь такой: сначала в Подольск к матери, затем в Уфу к жене, затем за границу. В Подольск он приехал с сопровождавшим его из Питера полицейским чиновником. Этот чин решил доставить Ильича по назначению — прямо к исправнику Подольского уезда.

Мы ждали Владимира Ильича дома. Поезд давно пришел, а его все нет. Не знали, что он попал к исправнику и там задержался. Наконец подъезжает извозчик, и Владимир Ильич является. Сначала рассказывает последние события — схватку с исправником и смеется без конца...

Попутно он рассказал о случае в Сибири. Исправник вызывает его к себе, не приглашает садиться и начинает что-то говорить величественным тоном. Владимир Ильич берет стул, садится и заявляет, что он теперь слушает. Исправник выпячивает глаза перед такой «дерзостью», бледнеет, но тем не менее проглатывает пилюлю, успокоившись, продолжает...

Жили у Кедровой на краю города. Мы часто ходили тогда на прогулку в Дубровицы, версты 3—4 от Подольска, при слиянии Пахры с другой речушкой. Отправились с Владимиром Ильичем туда же. С нами был какой-то старый социал-демократ. Я поспорил с ним, говорю, что надо вести и антирелигиозную пропаганду, если... «Вот это неверно, этого вопроса не нужно совершенно касаться». Обращаемся к арбитру — авторитету

Владимира Ильича. «Рабочим нужно говорить всю правду. Напирать на антирелигиозную пропаганду не стоит, главное — объяснять связь экономической эксплуатации с политическим бесправием...»

Говорят, что характер человека обнаруживается в игре. Помню в то время нашу игру в крокет в саду у Кедровой. Позвали как-то Владимира Ильича, он согласился и начался бой в шесть шаров, трое против трех. В нашей партии играли: Владимир Ильич, я и одна девица. Владимир Ильич хорошо рассчитывал в игре:

— Сейчас вы будете играть, потом шар противника такой-то, потом такой-то, потом...

Он хотел все охватить, (точно) уяснить, иметь план борьбы. В крокет многие плохо рассчитывают, больше придавая значение технике, хорошему меткому удару. Но вот промах, и положение сразу ухудшается. Владимир Ильич часто говорил:

— Не надо рисковать без толку! Нужно рассчитать...

Расчет у него был великолепный. Часто за игрой его можно было видеть созывающим своих партнеров и горячо и в то же время в должной мере конспиративно доказывающим, что надо делать. Тут у него была система своего рода, рискованных предприятий он не одобрял, разве только в отчаянных положениях. Очередь была за нашей девицей, ей предстояло проходить дужку с хорошей позиции. Она уже собралась проходить, как внезапно ее остановил Владимир Ильич:

— Что вы хотите делать?

— Проходить дужку, что же мне еще делать!

— А дальше что? Что толку, что вы пройдете, после вас играет такой-то, потом такой-то... Нет, вы не должны проходить, вы там только поможете противнику. Вы должны идти обратно к тому нашему шару, при помощи вашего шара он сейчас может выйти в разбойники и разгромить противника.

Девица стала артачиться, Владимир Ильич подозвал меня, я вполне поддержал его, и мы заставили ее подчиниться большинству голосов!.. План Владимира Ильича блестяще оправдался, и мы выиграли партию. При этом, когда наш «разбойник» начал «громить» противника, Владимир Ильич принимал в этом живейшее участие:

— Этого можно не в столь отдаленные места, это не опасный шар, а вот того необходимо как можно дальше

в отдаленнейшие места, лучше в ту сторону и посильней сколько можно!..

Когда этот «опасный» шар летел (далеко) в ссылку, Владимир Ильич радовался, но сейчас же вновь делал озабоченный вид и говорил: а как лучше сейчас? где выгоднее встать разбойнику — там или здесь? и т. д. Владимир Ильич никогда не играл бесстрастно, он лучше совсем бы не стал играть, он вносил в игру всю свою живость, веселье, страсть, азарт борьбы. Когда кто-нибудь из партнеров мазал на близком расстоянии и этим разрушал ближайший план, он, смеясь, махал рукой:

— Рассчитали-то хорошо, ну посмотрим, что будет дальше.

Даже в трудных, почти безнадежных положениях он никогда не отчаивался, а продолжал строить всевозможные комбинации.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О II СЪЕЗДЕ РСДРП

ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Летом 1903 года я перешел нелегально границу около Кишинева для участия на II съезде партии. Я ехал рано, недели за две до срока, чтобы проехать в Женеву, где жил Владимир Ильич, и повидаться с ним до съезда на свободе...

Владимира Ильича и Надежды Константиновны не оказалось дома, и меня встретила Елизавета Васильевна Крупская [1] — мать Надежды Константиновны. Оказалось, что они по случаю воскресенья с утра ушли на прогулку в горы. Елизавета Васильевна сообщила мне, что они каждое воскресенье уходят или уезжают за город на целый день.

Они занимали втроем целый домик, который был построен по английскому типу — внизу комнаты две побольше, наверху три маленькие комнатки, или клетушки. Владимир Ильич занимал одну из них, Надежда Константиновна — другую, а третья была предоставлена мне.

Пока я дожидался возвращения их с прогулки, глаза мои разбегались от обилия всякой нелегальной литературы...

После возвращения Владимира Ильича и Надежды Константиновны с прогулки я был засыпан вопросами о делах в России, о делегатах на съезд, о том, как я добрался. О делах они оказались лучше меня осведомлены. Узнав, как я плутал по Женеве, Владимир Ильич смеялся надо мной вдоволь.

Разговор с Владимиром Ильичем. Я говорил, зачем было спешить со съездом, ведь ЦО (Центральный орган партии) у нас жизнью сложился, а ЦК нет пока. Не офи-

[1] *Е. В. Крупская* (1842—1915) жила вместе с Надеждой Константиновной и Владимиром Ильичем в ссылке в Сибири и в эмиграции, помогала им в революционной работе.— *О. У.*

циального ЦК, а такой организации, которая играла бы роль такового, как признанного местами авторитетного органа. Съезд не может, говорил я, создать голосованием такой организации, нужно было подождать, пока таковая, более или менее сносная, сложится в России. ОК (организационный комитет) не мог быть превращен в ЦК, так как этот ОК был создан по принципу представительства (организация «Искры», Питерский комитет, «Южный рабочий»).

Владимир Ильич ответил, что ждать, пока образуется удовлетворительный ЦК сам собою, нельзя... русские условия... провалы... Дело необходимо оформить. А при этом попутно и очень осторожно познакомил меня с некоторыми шероховатостями в редакции ЦО...

ВСТРЕЧА В ЖЕНЕВЕ

Наконец около двух часов дня я приехал в Женеву и отправился искать квартиру Владимира Ильича, которая находилась на окраине города в рабочем поселке. Вместо каких-нибудь двадцати минут для знающего человека я потратил, должно быть, не менее двух часов на розыски, объясняясь с большим трудом по-французски с прохожими. Очень часто я абсолютно не понимал, что они говорили, и шел по направлению, куда они показывали пальцем или головой. Таким образом, топчась то в одну, то в другую сторону со своими пожитками (корзиной, связанной веревкой, и подушкой в грязной парусиновой наволочке), я наконец набрел на тот номер дома, который был нужен. Дома была одна Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны...

Уже стемнело, когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной усталые вернулись с прогулки. (У меня осталось впечатление, что Надежда Константиновна не очень охотно участвовала в воскресных прогулках и делала это исключительно для Владимира Ильича. Во всяком случае, в следующее воскресенье мы отправились с Владимиром Ильичем вдвоем, а Надежда Константиновна, по-видимому, была очень рада, что взамен ее нашелся другой компаньон и она могла на весь день зарыться в свои бумаги и книги. Она остается себе верна и до сего дня — вытащить ее в Горки страшно трудно, она предпочитает провести воскресенье в

своем кабинете за письменным столом. При жизни Владимира Ильича она ездила в Горки только для него.)

Владимир Ильич предоставил мне наверху маленькую комнату, где я наслаждался среди груды всякой нелегальщины. Я мог спокойно — не так, как в тогдашней царской России,— читать и «Революционную Россию» эсеров, и «Звезду», и «Искру», и прежние издания «Группы освобождения труда».

Зная прежнюю любовь брата к шахматам, я предложил ему как-то сыграть. Он согласился, но оказалось, что шахмат у него нет.

— Как же нет, ведь мама тебе послала папины шахматы?

Наш отец сам выточил из пальмы на токарном станке эти шахматы, мы все в них много играли и любили их. Мама послала их за границу Владимиру Ильичу, но они где-то затерялись. Поэтому неправа Анна Ильинична, что эти шахматы пропали во время переезда Владимира Ильича в Россию в 1905 году, их не было у него и в 1903 году, когда я жил у него в Женеве [1].

Отправились в город, исходили несколько кофеен, прежде чем нашли в какой-то шахматы. Расставляя фигуры, Владимир Ильич сказал:

— Надо что-то выпить, так неудобно сидеть только за шахматами. Ты чего хочешь, кофе или пиво?

Я ответил, что предпочитаю une canette Munich, т. е. кружку мюнхенского пива. Он заказал кельнерше стакан черного кофе и кружку мюнхенского пива, после чего взглянул на меня с лукавой улыбкой — мое, мол, питье лучше для серьезной партии... Выиграл я и, конечно, ликовал, так как Владимиру Ильичу обычно я проигрывал. Моя тренировка в Самаре с хорошими шахматистами, и особенно с А. Н. Хардиным, помогла. Владимир Ильич, когда мы шли домой, твердил:

— Реванш, завтра же реванш.

В субботу он заявил:

— Я разбужу тебя завтра в 6 часов, сядем на поезд и отправимся на Доль.

Доль — это хорошая гора, около версты над уровнем моря, шли мы на нее почти целый день, остановившись

[1] У Дмитрия Ильича в рукописи, по-видимому, допущена неточность (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 308, 508).— *О. У.*

лишь в одной кофейне, чтобы выпить по стакану кофе и немного закусить. В разговоре я, между прочим, сказал, что съезд созван рано, что «у нас сложился ЦО, а ЦК нет, его выбрать нельзя, надо бы подождать, когда он реально будет существовать». Владимир Ильич напал на меня и в несколько минут доказал, что ждать с созывом съезда невозможно, так как в России образовался целый ряд центров, в том числе «Южный рабочий», весьма ненадежный, с «рабочедельческим» (правым) уклоном.

Признаться, на этот раз он меня не переубедил, я считал, что «выбрать» ЦК нельзя, раз его не существует реально...

Перед вечером мы сидели на вершине Доля и любовались открывшимся видом.

НА СЪЕЗДЕ[1]

Чтобы иметь ясное представление о втором съезде партии, надо прежде всего знать ту обстановку, в которой он созывался.

Социал-демократические течения начали появляться в 80-х годах, когда за границей во главе с Плехановым организовалась группа «Освобождение труда». Она выставила чисто марксистскую декларацию, но имела слабую связь с Россией. Один-два раза в год этой группой выпускался журнал «Социал-демократ». Читался этот журнал одиночками, в массы он не проникал. В 90-х годах появляется наконец первая социал-демократическая революционная организация в России, в Петербурге — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в которую входил и которую возглавлял товарищ Ленин. «Союз борьбы» ставил перед собой следующие задачи: политическое развитие рабочего класса; экономическую борьбу, превращая ее в политическую; всякий протест, всякое выступление, стачку связывать со свержением царизма.

Политические работники — революционеры — в те времена быстро убирались полицией в тюрьмы. «Союз

[1] Выступление Дмитрия Ильича на торжественном заседании партийного актива г. Тулы 7 августа 1928 года, посвященном 25-летию II съезда партии.— *О. У.*

борьбы» также проваливался несколько раз. Состав организации постоянно менялся. Туда стали проникать шаткие элементы, стремящиеся смягчить те требования, которые выставлял «Союз борьбы», заменяя революционные лозунги чисто экономическими требованиями. Особенно развилась эта новая форма движения, названная впоследствии «экономизмом», с 1897 года. Вдохновитель этого движения Бернштейн заявлял: «Движение — все, цель — ничто», что означало только экономические местные требования. Каждая организация, каждый город мог выставлять свои собственные требования и добиваться их осуществления своими силами. Отпадала необходимость связи одного города с другим. И как следствие этого — начались разброд и шатания в самой организации. Владимир Ильич конец 90-х годов пробыл в ссылке. Вернулся он в 1900 году. Я встретился с ним тогда одним из первых. И первым его вопросом было: «Какая ведется борьба с оппортунизмом? Этот развал недопустим, с ним надо покончить».

Тогда в целях борьбы с оппортунизмом и было решено издавать общерусскую газету. А чтобы сделать состав ее редакции более постоянным и устойчивым, чтобы оградить редакцию от преследований со стороны жандармерии, решили издавать газету за границей совместно с группой «Освобождение труда». Но для того, чтобы газета достигала своей цели, надобно было наладить связь с местами, с рабочими, от которых можно было бы получать корреспонденции для газеты и распределять газету. Этой работой мы и занялись в первую очередь. Ленин писал об «Искре» в то время: «Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор» [1].

Задачами «Искры» стало очищение партии от оппортунизма, ревизионизма. В 1900 году Ленин уехал за границу, и в Швейцарии стала выпускаться «Искра» [2]. Под знаменем «Искры» соединились для борьбы против «экономизма» группа «Освобождение труда» и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В России стали организовываться в то время кружки содействия «Искре». Мне пришлось для этого проделать большую

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 11.— *Ред.*

[2] «Искра» сначала издавалась в Германии, потом в Англии и позднее в Швейцарии.— *О. У.*

работу. За короткое время я побывал в двух-трех партийных комитетах.

В 1903 году я приехал в Тулу. Здесь во главе комитета партии был Платон Васильевич Луначарский (брат Анатолия Васильевича). Комитет был вполне искровский. В Туле меня вместе с тов. Степановым выбрали делегатом на второй съезд РСДРП. Ехать легально за границу мне нечего было и думать. И вот, через целую сеть явок я добрался до Кишинева, оттуда меня проводили в одно местечко, находившееся верстах в десяти от австрийской границы. Там в небольшом домике я ждал с 10 часов утра до 10 часов вечера. И наконец, ночью, на телеге провожатый повез меня дальше. Версты за две от границы оставили мы телегу и пошли пешком. Пробирались по кустам без дороги. Вдруг послышался топот... Мы залегли. Спустившись к речке, пошли вброд. Течение было такое быстрое, что провожатый все время держал меня за руку. За речкой начались пшеничные поля, и мы пропутешествовали по этим полям всю ночь. Наконец, провожатый привел меня в какую-то хибарку вблизи железнодорожной станции и сказал, что через два часа я могу садиться на поезд. Так я очутился за границей.

В Женеве я поселился у Владимира Ильича и с головой окунулся в «нелегальщину». Каких политических книг только не было здесь у Владимира Ильича!

В часы отдыха, гуляя с Владимиром Ильичем по горам, мы много разговаривали. Из этих разговоров я впервые узнал, что в редакции «Искры» далеко не все благополучно, что между Лениным и Плехановым по целому ряду вопросов постоянно возникают споры, так что иногда дело доходит чуть не до рызрыва. Особенно большие расхождения наметились тогда между Лениным и Плехановым по проекту программы партии, в частности о роли крестьянства в революции.

Большие расхождения между Лениным и другими членами редакции «Искры» выявились также в вопросах тактики, об отношении к либералам. И надо было ожидать, что на съезде все эти разногласия выльются в открытое расхождение, ведущее за собою раскол. Так оно и вышло.

Первым вопросом на съезде стоял вопрос о Бунде. Бунд хотел входить в партию в виде федерации. Против этого были все искровцы. И бундовцы провалились.

По вопросу о программе партии значительных споров не было, кроме аграрной части ее. Так, например, один делегат из Николаева говорил: «Зачем нам аграрная программа?»

Много споров было и относительно состава редакции «Искры». Ленин предлагал, чтобы редакция состояла не более чем из трех человек.

В общем, чтобы проследить раскол, происшедший на втором съезде, необходимо изучить не только самый съезд, но и положение в партии до него.

После окончания съезда я с партийными поручениями уехал в Киев. В Тулу мне обратно попасть не пришлось. На съезде идейно победили большевики. Но вскоре Плеханов перешел к меньшевикам, и Ленин ушел из «Искры». То́ время было очень тяжелым для Ленина. Особенно огорчила измена Плеханова. Но основная группа большевиков твердо заняла ленинскую позицию. Кто был прав — большевики или меньшевики — показала история. А в то время, я помню, в России говорили: «Ка́к мог Ленин повздорить с Мартовым? Надо было уступить».

Меньшевики вскоре же после второго съезда стали оппортунистами. А семнадцатый год принес им окончательную политическую смерть.

Все принципы, выдвигаемые Лениным, оказались правильными не только для России и для нашей партии, но и для всемирного революционного движения.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

В августе 1903 года я со съезда, перейдя нелегально границу, приехал в Киев, где в это время жил Глеб Максимилианович Кржижановский, выбранный в числе трех в ЦК (Кржижановский, Ленгник и Носков). Мне предстояло информировать его о съезде и о происшедшем расколе между «искровцами».

Товарищи, оставшиеся в России, могли ждать всяких сюрпризов в результате съезда, но не раскола между «искровцами» и в особенности расхождения между Лениным и Мартовым. Это буквально ошеломляло всех всюду, где мне приходилось делать доклады о II съезде. С одной стороны, ошеломляло, с другой — вызывало чувство, близкое к возмущению.

Столько сил было потрачено на объединение партии, столько сил было положено, чтобы это объединение прошло под знаменем и лозунгами «Искры» против «рабочедельцев» и вообще «экономистов», и вдруг такой пассаж: раскол, где Ленин оказался против Мартова и Мартов против Ленина. Два имени, с которыми была связана теснейшим образом вся программа «Искры», были для громадного большинства чем-то единым! К тому же близкие друзья со времени петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»! С момента окончания ссылки в 1900 году оба работают в тесном контакте над созданием общерусской политической газеты за границей, над организацией «Искры» (в России), оба ведут решительную и беспощадную борьбу с уклоном «экономизма».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ГОРКАХ

I[1]

Владимир Ильич приехал в Горки в первый раз в 1918 году осенью, после ранения. 30 августа 1918 года правая эсерка Каплан стреляла в него, и он после этого лежал месяц — полтора дома в Кремле. Сначала его состояние было серьезным, но в больнице он не был. После покушения он лежал дома, а потом отыскали ему это помещение. До революции Горки были имением А. А. Рейнбота и Морозовой. Рейнбот в свое время был московским градоначальником, у него было имение, и он жил в нем с Морозовой — какая это Морозова, я не знаю. Все имение припадлежало им.

Владимир Ильич сначала отдыхал здесь некоторое время, может быть, месяца полтора, а потом врачи разрешили ему переехать в Москву. После этого он приезжал в Горки только по выходным дням; вообще говоря, в 1918 году выходных дней не было, значит — по воскресным дням и по праздникам.

Что к этому периоду следует отнести? Так ничего как будто не вспоминается. Приезжали Мария Ильинична, Надежда Константиновна. Мария Ильинична особенно хорошо знала этот период жизни в Горках.

Первое время, когда Владимир Ильич переехал в Горки, не могу сказать, в какой комнате он жил, но вообще он избрал самую маленькую комнату наверху, ту, которую вы видели. Все они тогда жили наверху, а внизу жила охрана Владимира Ильича.

Но этот период 1918 года надо оставить под знаком вопроса — как скажет Надежда Константиновна,— я в это время отсутствовал и приехал только год спустя.

Я приехал в Горки впервые в 1919 году в начале июля; вернулся из Крыма в Москву.

[1] Стенограмма беседы с Дмитрием Ильичем.— *О. У.*

Когда я приехал в Москву, поехал к Владимиру Ильичу в Кремль, прошел к нему в кабинет. Он работал в известном сейчас всем кабинете в здании Совнаркома. В Музее В. И. Ленина есть его макет. Этот кабинет отошел в область истории, там никто из последующих председателей Совнаркома не работал; этот кабинет так и сохранился. Там у Владимира Ильича была библиотека русских классиков.

Владимир Ильич сказал, что я буду жить у него в Кремле в комнате Надежды Константиновны, которая в это время была в агитпоездке на Волге. Он сказал — это было дня три до субботы: «В субботу поедем на дачу, покажу очень хорошие места». И в субботу мы приехали в Горки. Это было числа 10—12 июля 1919 года, когда я впервые приехал сюда. Владимир Ильич показал мне дом, балконы, террасы — тут ведь четыре террасы, четыре больших балкона с каждой стороны. Об этих террасах я буду говорить отдельно.

Когда мы приехали, было еще светло, и мы отправились играть в городки. Играли мы в районе расположения дач, где впоследствии был санаторий. Место, где была площадка, находится между первой и второй дачей. Владимир Ильич тогда любил играть в городки, но вообще он играл неважно.

Помню, наша команда стала брать верх над его командой. Кроме него играли еще двое, в числе их был В. Г. Сорин[1], который, как известно, близорук и ходит в очках, а другой товарищ в компании Владимира Ильича был хромой. Владимир Ильич говорит, обращаясь к Сорину: «Ну, бейте как следует. Они на полдистанции бьют, а мы на всю дистанцию. Выбейте что-нибудь». Тогда Сорин берет палку, бросает и не попадает. Владимир Ильич говорит: «Что же вы как плохо?» «Владимир Ильич, я же плохо вижу, я близорукий»,— отвечает Сорин и показывает на очки. Владимир Ильич обращается к нам: «Черт знает кого вы мне дали — одного хромого, другого слепого». Наша команда в этот раз выиграла.

В этой игре нужна тренировка; насколько у Владимира Ильича была эта тренировка, не знаю, но выделять его игру трудно.

[1] *В. Г. Сорин* (1893—1944) в 20-х годах был членом Московского губкома партии, позднее — сотрудником ИМЭЛ.— *О. У.*

В первую ночь ночевали в доме здесь, Владимир Ильич спал у себя в комнате. Я лег спать в другой комнате. Картины тогда висели так же.

Рано утром встал и, боясь разбудить его, взял сапоги и прошел в столовую в носках. Там надел сапоги и пошел гулять.

В то время охрана Владимира Ильича размещалась внизу, занимала весь нижний этаж, и в большом зале, где пальмы стоят, там тоже помещалась охрана. Телефон тогда находился в той же комнате, где и сейчас телефон,— в комнате при раздевалке. Когда установили телефон, точно не помню, но телефон-автомат, как мы называли его, или вертушка, как он сейчас называется, уже существовал. С самого начала, когда только создали эту внутреннюю телефонную сеть, так сейчас же был установлен аппарат в Горках, потому что Владимир Ильич избегал оставаться без телефона; он не ездил на дачу, если не было связи с центром, с Москвой.

Об этом воскресном дне я не помню подробностей, помню только, что мы много гуляли. Кажется, в следующий выходной день мы, Владимир Ильич, я и кто-то из охраны, попробовали пойти на охоту, т. е. взяли ружья. Вышли через парк в лес, но ничего не нашли, так как не знали совершенно мест. Надо было искать тетеревов; позднее мы уже узнали, где здесь водятся тетерева. Помню, Владимир Ильич спросил у одного крестьянина из деревни Сияново, такого благообразного старика с седой бородой и в очках: «Хотим тетеревов найти, поохотиться».— «Где же вы ищете тетеревов? Это не тут. Нужно пройти на Горелый пень — это в лесу». Надо было перейти поле и пройти в лес.

Но в этот сезон мы не знали еще, где тетерева, и удачно не охотились, не видели даже птицы.

У Владимира Ильича была двустволка, дробовое оружие. Он ходил обычно в синей косоворотке и в какой-нибудь пиджаке. Я был одет примерно так же.

В первый раз, когда мы ходили в лес, сапог не было ни у кого. Потом у Владимира Ильича появились какие-то сапоги. Помню, что Владимир Ильич обратил внимание на то, что у меня нет сапог, и сказал Абраму Беленькому [1], который тогда работал в ВЧК у Ф. Э. Дзер-

[1] *А. Я. Беленький* (1883—1941) — член партии с 1902 года. После Октябрьской революции работал в органах ВЧК. С 1919 по 1924 год был начальником охраны Владимира Ильича.— *О. У.*

жинского: «Товарищ Беленький, надо сделать Дмитрию Ильичу сапоги охотничьи». И уже в августе, когда я за утками ходил, у меня были хорошие охотничьи сапоги.

В последующие разы, когда мы приезжали в Горки, Надежда Константиновна уже вернулась из своей поездки; Владимир Ильич жил в своей комнате, Надежда Константиновна в своей.

Примерно в это же время Владимир Ильич показал мне устройство замков здешних балконов. Обычно, если вы хотите открыть дверь, вы нажимаете ручку вниз, между тем здесь, для того чтобы открыть дверь, нужно ручку поднять кверху. Но все всегда нажимают вниз и этим замыкают себе выход. А как будто замок тот же самый. Кроме того, ключ поворачивается не направо, а обратно — налево. Владимир Ильич мне говорит: «Ну, открой балкон». Я начинаю открывать, т. е. делаю шиворот-навыворот. Он смеется: «Не можешь открыть балкон!» Когда секрет мне был раскрыт, я уже знал, как открывать дверь. Владимир Ильич смеялся и говорил, что Рейнбот, который здесь жил, выдумал такую хитрость для того, чтобы не могли застигнуть его врасплох. Кроме того, между домом и кухней был подземный ход...

Вскоре я начал ловить рыбу на маленьком пруду; тут были удочки Рейнбота, и я начал ловить карасей. Когда я приезжал в Горки, видел, что караси плавают, правда мелочь, но большими стаями. Думаю, значит, должны быть и большие караси, но когда стал удить первый раз, то поймал пиявку и лягушку. Все очень смеялись — тут нет рыбы! Но я устроил прикорм (мне раньше приходилось ловить рыбу) и наловил однажды утром десятка полтора больших карасей. К завтраку были готовы жареные караси. Владимир Ильич спросил: «Где это ты наловил? На маленьком пруду?! Интересно, я думал, что там только лягушки и пиявки».

Сам он не любил этого занятия, пробовал раз или два, но неудачно. Он не любил рыбной ловли удочкой вообще. В детстве тоже не любил и никогда не ловил рыбу. У Анны Ильиничны в ее воспоминаниях написано, что он бегал на реку с удочками; по-моему, это не точно. Может быть, с кем-нибудь из мальчиков, которые были одних лет с ним или даже постарше, но со мной он никогда не ходил. Когда я уже достиг такого

возраста, что мог сам ловить рыбу, то у Володи не оказалось ни крючков, ни удочек; привязывать он не любил и относился к этому презрительно даже в детстве.

Он как-то здесь пробовал удить. Пришел раз, когда я сидел у пруда, и говорит: «Дай удочку, я попробую». Я ему дал. Он поймал маленького карасика: «Сто̀ит из-за этого сидеть!» Я говорю, что надо ловить рыбу ранним утром или вечером, тогда чаще бывают крупные. Но он бросил удочку.

Лодки на пруду не было, был только плот, сбитый из бревен, и на этом плоту мы иногда катались, отталкиваясь шестами. Помню, что я пробовал глубину — везде 3—3,5 метра. Довольно глубокий был пруд, но давно не чистился, и дно покрылось илом. Позднее появилась лодочка маленькая, но на ней Владимир Ильич не ездил. Это была такая неустойчивая лодочка, только молодежь рисковала садиться в нее. Да и ездить было негде, только крутишься на одном месте.

Однажды на большом пруду устроили рыбную ловлю, и Владимир Ильич поехал посмотреть. Беленький достал большой бредень, и несколько человек ловили, но ловля была очень плохая — попались только мелкие карасики. Бредень тащили волоком, Владимир Ильич наблюдал за этим и сказал: «Ну, печальный результат у вас, товарищ Беленький, вытащили таких карасиков, на жаркое не хватит».

Я удочкой ловил в маленьком пруду гораздо больше карасей и крупнее. Тащат волоком несколько взрослых мужчин, а результат — десятка полтора карасиков.

Первые годы — 1918, 1919 и 1920-й — забора вокруг парка не было; забор появился в 1922 году, когда Владимир Ильич уже заболел. Тогда забором был обнесен весь парк, сперва с северо-восточной стороны, потом он был продолжен до пруда, и весь участок был огорожен. Кое-где были устроены калитки и будки для дежурных; одна будка была около ворот.

Раньше белых грибов было много. Еще не был огорожен парк, и хотя сюда мало кто ходил, но все-таки некоторые старики и старушки заходили и, пользуясь случаем, собирали в парке грибы.

Владимир Ильич любил собирать грибы, но мало собирал. Главным образом любила грибы собирать Мария

Семья Ульяновых. Симбирск. 1879 год.
Родители: Мария Александровна и Илья Николаевич.
Дети: стоят (слева направо) — Ольга, Александр, Анна;
сидят — Мария (на коленях у матери), Дмитрий, Владимир.

Дмитрий Ильич (студент 4-го курса Московского университета) и Мария Ильинична Ульяновы, Марк Тимофеевич Елизаров (справа). Москва. 1896 год.

Симбирские большевики в период революции 1905 года.
Сидят (слева направо): Д. И. Ульянов, С. П. Медведева-Руднева, М. И. Лопатинская-Соловьева, А. А. Георгиевский, Ю. А. Кролюницкий, З. П. Соловьев.
Стоят (слева направо): В. В. Рябиков, В. В. Орлов, П. Д. Винокуров, Б. А. Кабанов.

В. И. Ленин в президиуме I конгресса Коминтерна в Кремле. 1919 год.

В. И. Ленин. 1920 год.

Д. И. Ульянов в Горках. Середина 20-х годов
(публикуется впервые).

Н. К. Крупская, Д. И. Ульянов и М. И. Ульянова. Кремль, 1936 год *(публикуется впервые)*.

Д. И. Ульянов голосует на выборах в Верховный Совет СССР. Кремль, декабрь 1937 года *(кинокадр)*.

Письмо В. И. Ленина Д. И. Ульянову 20 июня 1899 года.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.
17/XI 1920
№ [redacted]

Телеграфным
учреждениям
РСФСР
Укр. С. С. Р.
и Крыма

Прошу разрешать подавать
моему брату Дмитрию
Ильичу Ульянову, посылать
мне телеграммы как открытые,
так и шифрованные.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин).

Телеграмма В. И. Ленина 17 ноября 1920 года.

Ильинична, отчасти Анна Ильинична и изредка Надежда Константиновна. Иногда Владимир Ильич, гуляя вместе с Надеждой Константиновной, находил несколько белых грибов.

В одну из весен в парке стали проводить чистку, против чего я протестовал. Я говорил, что надо только листья сметать и ничего больше, но позднее, кажется в 1935 или в 1936 году, взялись энергично чистить парк, причем чистили железными граблями, и после этого летом 1937 года грибов почти совсем не было. Я тогда дал строгий наказ директору — железными граблями листья не убирать, не драть почву, потому что грибница как раз под листьями и заводится. У нас была популярная книжка по ботанике профессора Галенкина о грибах. Он писал о строении грибниц, и достаточно было прочесть, чтобы понять, что этими железными граблями сдирается верхний слой почвы, где находится грибница...

Раньше, когда Владимир Ильич был здоров, он часто находил белые грибы в лесу на охоте и давал кому-нибудь нести. Очень часто кто-нибудь из охраны нес на спине рюкзак, и все подходили и бросали туда дичь или белые грибы; обыкновенно меньше было дичи, чем грибов, а вернее сказать, только грибы и были.

Сейчас очень трудно найти грибные места, потому что лес сильно вырубили. Эти места совершенно изменились с тех пор, как я помню.

Владимир Ильич любил больше всего эту дачу (Горки). В начале болезни Владимира Ильича ему подыскивали дачу под Москвой. Совсем недолго он жил в других местах — Горки-2 и Горки-3, но больше всего Владимир Ильич любил Горки, любил именно это место, любил самый дом. Нравилось ему и высокое расположение дома, эти широкие открывающиеся перед ним горизонты. Ему очень нравился вид на запад; тут виден влево город Подольск, сейчас он загорожен деревьями, а когда пройдете вниз по дорожке к большой сосне, то там виден железнодорожный мост и виден Подольск. Он вообще любил живописные места с широким горизонтом; здесь есть открытые высокие места, которые ему нравились.

Особенно любил Владимир Ильич дорожку к большой сосне, куда во время болезни он ездил кататься. Парк здесь очень глухой, производит впечатление мрачного, в нем очень много тени, мало открытых мест. Поэтому во время болезни он предпочитал ездить к большой сосне. Дорожка ведет к прудам, оттуда открывается прекрасный вид на Подольск — на птичий полет километров десять в юго-западном направлении, а дорогами, конечно, дальше. Подольск стоит на той же реке Пахре, которая протекает и здесь.

Летом 1919, 1920 и 1921 годов Владимир Ильич любил ходить купаться на Пахру. Обыкновенно он приходил и говорил мне перед обедом или вечером: «Пойдем купаться», или же я звал его купаться.

Он шел в косоворотке, без пояса, одетый совершенно по-дачному. Мы направлялись на Пахру (это прямо на юг, туда можно пройти или проехать). Обыкновенно с нами шел кто-нибудь из охраны. Они обязаны были сопровождать Владимира Ильича, но им было приказано, чтобы они скрывались, под носом не болтались: он не любил этого и мог отправить их обратно. Впечатление получалось такое, что мы идем вдвоем купаться. Сначала приходили мы, потом охранники. Иногда мы брали лодку, так как берег на этой стороне илистый, а на той стороне хороший песчаный пляж, переезжали на тот берег — мы с Владимиром Ильичем и иногда с нами Беленький — и там купались.

Я всегда брал с собой полотенце. Помню, один раз взял два полотенца, видя, что у Владимира Ильича нет полотенца. Говорю ему: «Я для тебя принес». «Зачем же полотенце?» — спрашивает он. «Обтираться, вытереть голову, лицо».— «Нет, так лучше, свежесть дольше остается». Он не признавал полотенец и прямо на мокрое тело надевал рубаху.

На Пахре была лодка, но Владимир Ильич не любил кататься на лодке. Вспоминаю поездки с Марией Ильиничной, иногда и Владимир Ильич ездил с нами, но вообще он этим не увлекался.

Когда я приехал из Крыма в 1919 году, у меня был довольно широкий ременный пояс и ремешок с петелькой, а за поясом был браунинг. Я так и ходил в Кремле первые дни — все время при мне было оружие, причем не спрятанное, а открытое, торчал браунинг не по военному образцу, а за поясом.

Так и ходил купаться с Владимиром Ильичем. Иногда, бывало, думаешь: может быть, никого из охраны нет, а если вдруг выскочит кто-нибудь...

Бывало, нет-нет да и проверяешь этот браунинг или пробуешь им стрелять.

Владимир Ильич оружия не носил; у него был револьвер, тоже браунинг, черный, без кобуры.

В 1924 году после смерти я взял его револьвер и держал при себе, своего уже не было, и никакого разрешения на право держания оружия я не имел. Но во время моей болезни Мария Ильинична взяла револьвер. Может быть, он был в вещах Марии Ильиничны — она ведь умерла внезапно,— и только Надежда Константиновна может знать, где браунинг Владимира Ильича. Я пытался его найти, спросил жену [1], где браунинг Владимира Ильича. Она ответила, что Мария Ильинична убрала его к себе и сказала, что Мите он больше не понадобится. А я сказал: «Ведь это браунинг Владимира Ильича».

Помню, как-то я спросил Владимира Ильича (это было в Москве): «У тебя есть револьвер?» «Есть»,— говорит. «А где?» Он посмотрел в письменном столе, оказалось, что браунинг лежит там, но в неопрятном состоянии, так как Владимир Ильич с оружием мало обращался. Я взял его револьвер и привел в надлежащий порядок, кажется, дал кому-то из охраны.

Этот револьвер всегда лежал в ящике его письменного стола, и он, как правило, никогда и никуда его не брал. Номера его револьвера я не помню, а документов никаких не было.

Охотничье свидетельство у меня было, а брал ли я его для Владимира Ильича — не помню.

Это были такие годы (1922—1923) — какие тут права! Многие считали — в наших руках власть, а еще на револьвер спрашивать разрешение; только позднее стали «приводить в православную веру» людей, что на оружие надо иметь специальное разрешение, удостоверение, а в те годы бывало так, что сегодня — револьвер, а завтра притащут, может быть, и гранату. Охрана тогда ходила с гранатами и с винтовками, все это было на учете, но мы в то время этому учету не подчинялись. Я помню, еще в Крыму во время гражданской войны у меня стоял пулемет в той комнате, где был кабинет

[1] Александру Федоровну Ульянову (1883—1956).— *О. У.*

и спальня, даже было два пулемета — один небольшой, а другой большущий. Когда ездил на машине, я устанавливал пулемет. Один раз попробовал стрелять, оказалось, что пулемет не стреляет — одну пулю посылает, а лента не двигается. Обращаюсь к коменданту: «Что же ты смотришь? А что, если белые?! Пойдешь под арест».

Потом, конечно, пулемет исправили, но взыскание на коменданта пришлось наложить для порядка. Возможность нападения белых была, и я был в полном убеждении, что у нас есть пулемет, а он, оказывается, не стрелял.

Вспоминается мне один случай, связанный с игрой в городки. Когда играют в городки, напрягается широкий мускул спины. Как-то раз в Москве по возвращении из Горок я вижу, что Владимир Ильич принимает какие-то пилюли. «Что ты принимаешь?» — «У меня что-то с желудком. Обух[1] прописал таблетки принимать».— «А зачем?» — «Да вот боли в животе».

Я посмотрел ему язык, осмотрел его, спросил насчет желудка, потом вижу, что боли у него в области спины и живота. Такие боли бывают после игры в городки без тренировки — мышцы резко напрягаются и начинают болеть. «При чем тут желудок,— говорю я,— это у тебя от городков. У меня то же самое бывает». «Нет,— отвечает,— я говорил с Обухом». Владимир Ильич позвонил еще раз Обуху: «Владимир Александрович, брат говорит, что это — мышечная боль от игры в городки».— «Да, может быть, мышечная». На этом все и кончилось, все оказалось мышечной болью. Бывает, что когда врач по телефону лечит, он толком и не знает, где у человека болит.

Когда Владимир Ильич отдыхал, то, главным образом, ходил на прогулки, а работал он обычно по утрам.

После завтрака он выходил на балкон — который так и называли Володиным балконом,— балкон на северной стороне, теневой. Солнца туда попадает очень мало. Он велел поставить туда простой деревянный столик и та-

[1] *В. А. Обух* (1870—1934) — видный деятель советского здравоохранения. В 1919—1929 годы возглавлял Мосздравотдел.— *О. У.*

буретку, садился там, и иногда интенсивная, усидчивая работа была именно на этом балконе. Скажешь: «Пойдем погулять или на охоту».— «Я, знаешь, сейчас не могу, у меня срочная работа, я пишу тезисы». Пишет тезисы к определенному заседанию ЦК, Политбюро и т. п. На этом северном балконе, отгороженный от солнца, он сидит и пишет, причем еще с гимназических лет у него сохранилась привычка: когда он пишет пером или карандашом и ему что-нибудь нужно сделать, он берет карандаш губами. Кажется, такая же привычка была у отца, но в этом я не уверен, а у Владимира Ильича определенно была. Когда ему были нужны руки, он клал карандаш не на стол, как мы обыкновенно делаем, а обязательно брал — и не только карандаш, но и ручку — как-то особенно между губами.

Стол на балконе был простой, деревянный, на четырех ножках; может быть, он сохранился, но едва ли.

Здесь в Горках Владимир Ильич на велосипеде совсем не ездил, не то что в былые годы. В теннис мы не играли: в годы нашей молодости это была игра аристократическая. Бывали городки и велосипед, но тенниса я совершенно не знаю. В крокет мы играли, и в детстве Владимир Ильич играл и потом продолжал играть. Когда мы были десять дней в Подольске, то там мы играли в крокет. Но увлекался крокетом Владимир Ильич, будучи мальчиком. Когда отец купил крокет, то он, сестра Оля и другие — все играли в крокет в Ульяновске на дворе. Этого я касаюсь немного в описании детских игр в майском номере журнала «Красная новь». Об этом в воспоминаниях Марии Ильиничны и Анны Ильиничны ничего нет. Мария Ильинична говорила, что была у нас в детстве еще игра, тоже шумная; она писала, что Владимир Ильич любил шумные игры. Это не всегда было так. Была, например, игра в индейцев, и они шушукались с сестрой, играли тихо; он был почти ровесником Ольги Ильиничны, а я на четыре года моложе. Детских лет Владимира Ильича я не помню, я был совсем маленьким, хотя, по-видимому, мои воспоминания доходят до 3—4-летнего возраста. Если взять этот снимок[1], то Владимиру Ильичу здесь лет десять,

[1] Дмитрий Ильич имеет в виду фотографию всей семьи Ульяновых, сделанную в г. Симбирске в 1879 году.— *О. У.*

а мне шесть; четыре года в таком возрасте — это разница громадная.

Затем Дмитрий Ильич рисует план парка и расположения комнат в большом доме и объясняет:

Тут балкон, на котором занимался Владимир Ильич, а с южной стороны — такой же балкон Надежды Константиновны; вот дверь, где замок с секретом, а тут подземный ход.

Террасы расположены со всех сторон дома.

Здесь столовая, в которой мы обычно завтракали, обедали и ужинали. Определенного места у Владимира Ильича не было, а внизу во время болезни Владимира Ильича у него было определенное кресло, на котором никто никогда не сидел.

Товарищ Стаклис[1] покажет вам лавочку, на которой любил сидеть Владимир Ильич и часто сидел с Надеждой Константиновной.

Тут раньше была каменная калитка, через которую мы ходили на охоту. Здесь проходит прямая дорога, и сейчас же за дорогой — овраг и лес.

Машина для Владимира Ильича обычно подавалась всегда здесь[2], а теперь машины подъезжают с противоположной стороны.

Владимир Ильич говорил с вечера, что завтра он выезжает без четверти десять или в полдесятого. За 5—10 минут Гиль[3] подавал машину, и Владимир Ильич точно, как часы, выходил вниз и садился в машину. Бывало, Анна Ильинична задерживается: человек немножко копотный. Владимир Ильич спрашивает: «Кого нет?» — «Анны Ильиничны нет».— «Где она? Скажите Анне Ильиничне, что мы сейчас едем». За ней бегут, и она приходит.

Он очень спокоен, смеется, но сам всегда очень точен, хоть часы проверяй. И раз ты едешь с ним, старайся к этому моменту быть готовым, чтобы не заставлять его сидеть в машине и ждать.

13 мая 1938 г., Горки

---

[1] *Карл Стаклис* (ум. в 1942 г.) — сотрудник охраны Владимира Ильича. После смерти Ленина — комендант Большого дома в Горках.— *О. У.*

[2] Дмитрий Ильич имеет в виду фасад Большого дома.— *О. У.*

[3] *С. К. Гиль* (1888—1966) — шофер Владимира Ильича с 1917 по 1924 год.— *О. У.*

II [1]

Вопрос. Не можете ли вы рассказать о периоде после ранения Владимира Ильича в 1918 году?

Ответ. Это время надо разделить на два периода. Первый период — до болезни Владимира Ильича и второй период — во время болезни.

Он приехал сюда в 1918 году после ранения его на заводе «Михельсон» эсеркой Каплан. Тогда, после некоторого хирургического лечения в Москве, ему искали дачное помещение и остановились на этой даче, принадлежавшей ранее Морозовой и Рейнботу.

Владимир Ильич приехал сюда осенью, приблизительно в сентябре 1918 года, расположился он тогда наверху во втором этаже, в той комнате, которую вы, вероятно, видели. С ним приехали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Надежда Константиновна поселилась рядом с его комнатой, Мария Ильинична — в другой половине дома, тоже наверху. Столовая была в той комнате, которой я сейчас пользуюсь как столовой. Здесь внизу, в частности в этой комнате и других, расположилась охрана из ВЧК. Я помню время, когда здесь стояли койки, как нары, товарищи тут спали; потом это была комната команды для них, начальник назначал их на дежурство, ставил наружную охрану, при Владимире Ильиче и т. д. Тут есть комната, где жил товарищ Покалн, назначенный ВЧК, и он лично неотступно находился при Владимире Ильиче; он был начальником всей охраны.

Лечение тогда было такое: одно время делали ванны для руки, где было прострелено плечо; но главным образом Владимира Ильича привезли сюда для того, чтобы он мог пользоваться чистым воздухом, природой вне Москвы.

Я приехал сюда летом 1919 года. Я был тогда на фронте гражданской войны на юге. Приехал сюда и застал Владимира Ильича в Москве в своем кабинете в Совнаркоме. Там я первый раз с ним встретился, и он сказал мне, где поселиться и что под выходной день — а тогда выходные дни были в воскресенье,— в субботу, мы поедем на дачу. Он сказал: «Я тебе по-

[1] Из ответов Дмитрия Ильича на вопросы участников экскурсии в Центральном музее В. И. Ленина (печатается с некоторыми сокращениями).— *О. У.*

кажу хорошую дачу, мне она очень нравится, место высокое, по-моему, малярии там нет и комаров мало». Так он охарактеризовал Горки.

Я приехал 8 июля, а числа 9—10-го мы отправились сюда на машине. Шоссе было щебневое, конечно, не сравнить с тем, что сейчас. Сейчас шоссе гудронировано.

Вез нас в первый раз шофер Гиль, он почти всегда возил Владимира Ильича. Машина была французской системы «Долнебель-Виль», открытая коляска. Мест в ней было вместе с шофером на семь человек. Владимир Ильич обычно садился не с шофером, а сзади. Там было два передних места, на одно он садился сам, на другое — человек, бывший тогда в охране, или я. Сзади садились Надежда Константиновна, Мария Ильинична и кто-нибудь, кто ехал вместе с ним из ближайших товарищей, которые приезжали сюда довольно часто.

Я говорил, что дорога была тогда щебневая, избитая, старая; тогда и год был такой, что не до шоссе было, не говоря уже про технику. Сейчас дороги делают машины, катки хорошие. Шоссе было такое, что на этой машине здорово трясло, бросало.

Дорогу Владимир Ильич переносил хорошо. После Москвы, после 5—6 дней работы, когда он, бывало, очутится в машине, он наслаждался свежим воздухом, природой, полями, лесами. Очень часто он говорил (он любил быструю езду): «Скажи Гилю, чего он едет так, что перед каждой курицей реверанс делает»,— а тот действительно осторожно ездил. Шоферу с хорошей репутацией, довольно квалифицированному, давить кур иногда бывало грех, а Владимир Ильич говорил: «Чего он каждой курице реверанс делает, скажи, чтобы он ехал скорее». Помню, счетчик показывает 60 километров в час, я говорю: «Владимир Ильич просит поскорее ехать», а шофер отвечает: «Чего же скорее, 60 километров в час, вы видите. Я боюсь за шины, летом они лопаются, от солнца нагреваются, а тут еще нагрев от хода. Полопаются шины». Иногда он из «милости» прибавлял ходу, с 60 километров дойдет до 80-ти. Я не помню у него большей скорости в те времена...

Когда я приехал сюда, я поселился в той же комнате, в которой я сейчас живу, наверху; там, где сейчас у меня кровать, стоял какой-то диван, там я и устроился рядом с комнатой Владимира Ильича.

У меня тогда было увлечение: удочки устроил и карасей ловил на маленьком прудике, в пределах этого парка. Владимир Ильич не любил рыбной ловли удочкой, его не интересовало это слишком пассивное занятие: сидеть и смотреть, клюнет или не клюнет, а потом поймать карасика. Стоит ли из-за этого ловить! Он и раньше не увлекался рыбной ловлей удочкой, даже в детстве не помню; никогда у него не было ни крючков, ни удочек. Он больше любил охоту, движение, побродить по лесу. Ему доставляло больше удовольствия пострелять из ружья, он еще в сибирской ссылке развлекался охотой. Охотником, знающим дело, он не был никогда. Это я вспоминаю по охоте в Самарской губернии. Таким он и остался до последнего времени. Кто-то из охотников писал, что, когда они были на охоте, там, где стоял Владимир Ильич, вышла лиса и сразу убежала. «Что же вы не стреляли, Владимир Ильич?» Тот ответил якобы: «Она очень хорошая, красивая, жалко стрелять». Насколько это верно, не знаю. Я знаю, что на охоте, там, где нужно было стрелять, он добросовестнейшим образом стрелял. Попадет не попадет, но стрелял добросовестнейшим образом...

Вопрос. Ограда была разобрана в период гражданской войны или позже?

Ответ. Эта ограда была до революции при Рейнботе. Тут была надпись: «Посторонним лицам вход воспрещается». При Владимире Ильиче и Надежде Константиновне никаких ограничений не было, кто хотел, тот приходил в парк, кто с платочком, кто с корзиночкой грибы собирать. Вначале никакого запрета не было. Позднее проход в парк несколько ограничили, так как Мария Ильинична в особенности, а также и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной любили собирать грибы. Однако со стороны Владимира Ильича никакой инициативы не было, чтобы запрещать пользоваться парком кому бы то ни было...

Вопрос. Вы сказали, что возвратились с фронта летом 1919 года. Владимир Ильич был в Москве. Значит, он с осени 1918 года жил в Горках?

Ответ. Я сказал, что я вернулся летом 1919 года. Потом уточнил, что приехал первый раз в Москву 8 июля, увиделся с Владимиром Ильичем и через пару

дней приехал сюда в Горки. В 1918 году он жил здесь. На зимнее время переезжал в Москву, а на лето приезжал всем семейством сюда.

Вопрос. Может быть, вы нам расскажете насчет «вездеходов»?

Ответ. Это так называемые автосани; зимой это шасси заменялось. Здесь и летом проехать было трудно, а зимой невозможно, и вот завели автосани, т. е. специальный автомобиль. Передние колеса ставились в прорезь лыж. Благодаря этим лыжам колеса не проваливались в глубокий снег, лыжи скользили по снегу, а задние колеса действовали как обыкновенные ведущие колеса.

В зимнее время мы ездили сюда в Горки и за Горки на этих автосанях, причем Владимир Ильич, бывало, говорит шоферу: «Вы что, дорогу ищете, вы без дороги поезжайте. Направо сугроб — поезжайте сюда». А тот отвечает: «Я ямы боюсь». Владимир Ильич: «Направляйте туда прямо в яму. Что вы по дорожкам едете? Эти автосани должны ходить по снегу, по степи, по полю». Бывало, действительно яма, эти автосани спускаются в нее и вылезают как танк.

Потом этими автосанями заинтересовался товарищ Ворошилов. Как-то во время маневров Гиль подал автосани, и Ворошилов на них разъезжал по снегу. По рассказу шофера, он говорил: «Это интересная вещь для нас в военном деле». Товарищ Ворошилов ездил на них так же, как и Владимир Ильич: «Ты поезжай не по дорогам, а напрямик полем, по снегу». Он обыкновенно сам выезжал на них. В гараже особого назначения Кремля было двое автосаней; одни держались для Владимира Ильича, а на вторых выезжали М. И. Калинин и некоторые другие товарищи...

РОМАН О СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

Исключительно ответственную и благодарную задачу поставила перед собой Мариэтта Шагинян. Она решила создать роман, нарисовать образ Владимира Ильича в его детские и юношеские годы и охарактеризовать ту семейную и социальную обстановку, в которой он вырос.

В романе при описании душевных переживаний и поступков действующих лиц, которые в данном случае являются реальными историческими людьми, необходимы предположения и допущения более или менее произвольные, и в романе их не может не быть. Между тем всякие такие предположения и допущения обязательно являются в той или иной степени вымышленными, а значит, в известной степени неточными в смысле исторической правды.

Поэтому, чтобы избежать этих неточностей, этих отклонений от исторической правды, казалось бы, следовало предпочесть образной просто описательную форму изложения, где автору дается возможность строже придерживаться фактов и меньше прибегать к фантазии.

Так казалось бы. Но М. Шагинян не стала на этот путь. Она не просто фиксировала исторические факты о семье Ульяновых, а воплотила их в художественные образы. Тем не менее она не исказила исторических фактов. Этому значительно помогло и то, что товарищ Шагинян предоставила нам — мне и Надежде Константиновне — возможность познакомиться с первой книгой романа «Билет по истории» [1] в рукописи, до ее напечатания, и мы предварительно обменялись с ней мнениями, внеся некоторые коррективы и фактические исправ-

---

[1] См. первую книжку журнала «Красная новь» за 1938 год.— *Прим. Д. И. Ульянова.*

ления. Это обстоятельство позволило автору романа внести соответствующие изменения в роман, благодаря чему изложение первой части значительно выиграло.

Первая книга романа М. Шагинян озаглавлена: «Семья Ульяновых». События в ней доведены до рождения Ильича. Перед читателем встают живые, исторически правдивые образы, книга вводит его в круг интересов и чаяний, какими жила семья Ульяновых. Автором очень хорошо обрисован пензенский период, общая политическая характеристика его, учительство Ильи Николаевича в дворянском институте и его первое знакомство и сближение с Марией Александровной.

«Заставить забыть все вокруг и слушать урок — было огромное, трудное искусство. Физику Илье Николаевичу оно удавалось не только потому, что он любил свой предмет и увлекался, когда говорил о нем. Не только потому, что говорил он очень просто и понятно... А удавалось оно физику из-за редчайшей его деликатности к человеку.

Деликатность и такт — свойства трудные и более редкие, чем талант. Их нельзя представить или разыграть, не сорвавшись. Их нужно иметь, и тогда они скажутся сами собой в тысяче пустяков... Илье Николаевичу было свойственно почти физически чувствовать чужое бытие — характер, натуру, настроение ученика,— чувствовать с подлинным внутренним равенством, главным условием деликатности... И в классе тотчас почувствовали, что в каждом из них он видит и уважает равного себе человека».

Глубоко правильно! *Это свойство было полностью унаследовано от отца Владимиром Ильичем и в значительной степени содействовало успеху его дела.*

В нижегородском периоде также вполне правильно обрисовано стремление Ильи Николаевича в Симбирск, тяга его в деревню, к крестьянству, для того чтобы «учить его, учить, вывести его из темноты к свету».

У Ильи Николаевича была глубокая вера в народ, в скрытые в нем силы. Это хорошо выявлено в романе, в рассказах Ильи Николаевича Марии Александровне о русских талантах-самородках (Мякишев, Кулибин).

«И подумай, ведь этот народ был насильственно скован самодержавием... Сколько же талантов он даст освобожденный!» Он увлекается занятиями со взрослыми на землемерно-таксаторских курсах в Нижнем.

«Маша, это прямо какая-то особенная порода людей пошла,— хватают теорему с полслова и сейчас же в практику; вот я теперь на опыте замечаю, какая разница детям преподавать и взрослым. А главное — работы, работы в деревне! Эх, надо бы нам с тобой тоже в деревню». «Но сейчас и на уроке в гимназии не тот Илья Николаевич. Он думает о таксаторах. Вспоминает бородатые лица, окающие волжские простонародные голоса, большие руки на партах, вопросы о самом жизненном,— запах земли, древний запах земли вдруг мерещится ему в пыльном классе, и опять странное необузданное желание уехать, сняться с места мучает Илью Николаевича».

Не боится Илья Николаевич трудностей в работе, его не смущает и то, что служба в Симбирске будет правительственная, ибо он готовился и на этой работе быть полезным народу. «Да ведь служба эта — министерская? Ты заранее не очень идеализируй. Все-таки сейчас ты педагог, а там будешь чиновником,— говорит Мария Александровна.— Я душу в нее вложу,— отвечает Илья Николаевич».

«Илья Николаевич страстно хотел ехать. Живой человек не мог не хотеть ехать, когда все двигалось и менялось вокруг,— за таксаторами пошли в деревню фельдшера, учителя, врачи; заработало земство. По всей стране поднималась волна интереса к народу... Молодежь тянулась в деревню. Учить народ, изъездить большие пространства, дышать воздухом деревенских просторов — от одной этой мысли он чувствовал, как молодеет в нем кровь...»

«Как только стало известно место его нового назначения — Симбирск, он стал прочитывать о Симбирске все, что под руку попадало...

И где ни встретит в обществе человека из тех мест, непременно подсядет к нему и прислушается... Попался ему и настоящий купец-симбиряк, его Илья Николаевич завел к себе в опустелую квартиру поить чаем и чуть не шесть часов выспрашивал подряд, что там и как».

Эта особенность Ильи Николаевича разузнать все досконально о том ближайшем новом, что его ждет, была свойственна в полной мере и Владимиру Ильичу. Что можно — прочитать, где можно — расспросить живых людей о тех местах, куда предстояло ехать. И это было весьма характерно для него.

Таким образом, можно сказать, что картина жизни родителей Владимира Ильича в Пензе и в Нижнем в общем нарисована в романе правильно. Будем надеяться, что и симбирский период, по-видимому основной в романе, будет нарисован не хуже.

Необходимо внести две фактические поправки: в романе старшая дочка Веретенниковых названа Катюшей, на самом деле ее звали Любочка. В другом месте читаем: «К ноябрю 1864 года Мария Александровна почувствовала себя неважно... Она ждала через месяц ребенка». Фактически же Анна Ильинична родилась в середине августа 1864 года.

В целом же появление этого романа нужно приветствовать как попытку показать ту среду, в которой рос, воспитывался и формировался Владимир Ильич.

КАК НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОВАРИЩЕ ЛЕНИНЕ

Около месяца тому назад я совершенно случайно познакомился с книгой Н. Веретенникова «Володя Ульянов» (Изд-во ЦК ВЛКСМ, Москва, 1939 год).

В этой книге детские годы Володи в деревне Кокушкине бывшей Казанской губернии, где наша семья иногда проживала по лéтам, описаны довольно правильно, но, с другой стороны, есть и грубые извращения истины.

Как ни странно, но Изд-во ЦК ВЛКСМ не нашло возможным познакомить меня с рукописью или даже посоветоваться со мной, выпуская эту книгу.

Например, на стр. 6 автор, описывая детскую игру в солдатики в г. Симбирске, утверждает, что у Володи была армия английская («он тогда увлекался англичанами»). Совершенно неверно, чтобы Володя когда-либо увлекался англичанами. Этого никогда не было. Англичане, как известно, в те годы (80-е годы XIX столетия) ни с кем открыто не воевали, разве только с порабощенными ими колониальными народами, вроде Индии. Такая война, лишенная всякой идеи, всякого героизма, не могла ни в какой степени интересовать 10-летнего мальчика. Сам характер игры («за большим столом», «стреляли горохом») изображен совершенно ложно, как будто прямо выдуман.

В детские годы в Симбирске у нас была в большом ходу игра в солдатики, которой научил нас старший брат Саша. Разновременно играли Саша, Аня, Володя, Оля и я. Игра не требовала даже элементарных сведений по военной тактике, была очень проста, напоминая собою простые детские кегли. Каждый играющий выставлял на полу в ряд десять — пятнадцать фигурок солдат (по условию). Играли поочередно, сбивая солдатиков

маленьким резиновым мячом. Сбитые фигурки должны были заменяться новыми.

Помню, что у Саши были итальянские бойцы под командой свободолюбивого Гарибальди. У Ани и Оли — испанские стрелки. У Володи — армия североамериканская Авраама Линкольна из гражданской войны в США демократического Севера с рабовладельческим Югом [1]. Володя тогда очень увлекался идеей освобождения негров от рабства. Повесть Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» была у него и у Оли настольной книгой. Оба они зачитывались детским журналом «Детское чтение», который выписывал отец. Полная драматизма и героизма борьба негров увлекала их обоих так же, как теперешних ребят борьба Чапаева и других народных героев с белыми.

Прекрасный в то время журнал «Детское чтение» давал очень много материала о гражданской войне в Северной Америке [2] (см. статью Н. Крупской «Детство и ранняя юность Ильича». «Большевик», 1938, № 12, стр. 69). Товарищ Крупская утверждает, что эти воспоминания она слышала от самого Ильича за время их совместной жизни, и все в нашей семье в Симбирске, включая отца и мать, хорошо знали об этом увлечении Володи.

В Казани, в городской квартире Веретенниковых, жили нахлебники — гимназистики младших классов, которые также играли в бумажные солдатики. Там действительно пользовались не резиновым мячом, а горохом или чем-то в этом роде для сбивания фигурок. Там были в практике и всякие мошенства, вроде прикалывания солдат кнопками или гвоздиками. Н. Веретенников наблюдал эту игру, и в своем описании он перепутал их игру в Казани с игрой Володи. В Симбирске же никаких мошенств ни у кого в игре не было, тем более у Володи, который всегда играл честно до щепетильности и требовал этого от других.

---

[1] В игре не нужно было, чтобы противник обязательно соответствовал исторически, поэтому американцы могли драться с итальянцами, русскими и т. п.— *Прим. Д. И. Ульянова.*

[2] В детских журналах того времени еще много писалось об Америке (как известно, с 1861 по 1865 год шла борьба северных штатов с южными за уничтожение рабства негров).— *Прим. Д. И. Ульянова.*

В воспоминаниях его сверстников (М. Ф. Кузнецова, Нефедьева) определенно подчеркивается, что у Ульяновых жульничать в игре нельзя, играют честно. О том же пишет тот же Веретенников, описывая игру в крокет Володи с Олей: «Они ввели строгие правила этой игры, чтоб нельзя было мошенничать».

Так небрежно писать воспоминания о Ленине нельзя. Будущему биографу этого великого человека будет очень трудно отбрасывать этот мусор от действительно правдивых фактов.

Вся беда Веретенникова в том, что он совершенно не знает симбирского периода жизни Володи. Ему неизвестна та литература, которой увлекался Володя. В годы Кокушкина Володя увлекался Гоголем и Тургеневым, что правильно отображено у автора, а в Симбирске, в раннем детстве, Володя всецело увлекался литературой об освобождении негров от рабства, как о том говорилось выше.

К той же категории передержек и выдумок о Володе нужно отнести так называемую «колыбельную песенку», которую «тетя Маша» пела над колыбелью Володи (см. стр. 21). В самом деле, автор утверждает, «что Анна Ильинична» вспомнила о ней, и «кто-то мы» общими усилиями ее воспроизвели. Стихи этой песни очень вычурны и по форме и по содержанию. Считаю долгом протестовать против них как против факта, взятого из детства Ильича. Анна Ильинична сама в своих воспоминаниях нигде ни звуком не упоминает о них, несмотря на то что под старость она много декламировала разных стихотворений и что память на них у нее была действительно колоссальная, как совершенно правильно указывает Надежда Константиновна в цитированной выше статье из «Большевика» («Большевик», 1938, № 12, стр. 69).

Мария Ильинична в своей незаконченной работе о матери тоже ни звуком не обмолвилась об этой песенке и об этих стихах. Очевидно, все это надумано и воспроизведено post factum, потому что ребенок, которому они предназначались, был будущий Ленин.

Самое лучшее место в книжке Веретенникова — это глава под заглавием «Страшная сказка», в которой рассказывается, как двоюродные братья в Кокушкине дразнили некоего мальчика Петю и довели его чуть ли не до слез. Тогда Володя резко оборвал их, сказав: «Так

шутить нельзя. Мы зря это выдумали. Эту издевательскую игру надо прекратить» (стр. 19). И, обратившись к Пете, он стал успокаивать его.

Вот это действительно очень характерно для Ильича. Я вспоминаю из своего детства по крайней мере целый ряд аналогичных фактов как по отношению лично к себе, так и к другим.

14 марта 1940 г., Горки

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В ответ на Ваше письмо от 22 марта с. г. по поводу рукописи М. Шагинян «Володя Ульянов», которую она привезла мне в Горки с просьбой внести необходимые изменения и замечания, считаю долгом сообщить Вам, что названная рукопись меня совсем не удовлетворила, так как не дает правдивого образа Владимира Ильича в школьные годы. В описании семейной обстановки отсутствуют характерные особенности данной семьи.

Совершенно не указано, в чем и как сказалось влияние на Володю отца, матери и старшего брата Александра. Между тем это влияние было громадно. Просветительная деятельность отца в деревне совершенно обойдена. Взят очень неудачно только самый последний период его деятельности перед смертью, период пессимистический и совсем не характерный для него.

Илья Николаевич был оптимистом, страстно любил дело народного образования. Во всем и всегда чувствовалось его увлечение работой, его любовь к народу, его заботы о нем, о школах, об учителях. Всю семью, можно сказать, вдохновляло и воодушевляло создаваемое им дело. Заостряло внимание всех детей на мужике, крестьянине, на тяжелой доле его, на тяжелой доле вообще всех трудящихся.

Это — основное, самое главное в семье Ульяновых. Без учета этого влияния отца на детей нельзя вообще понять эту семью. Нельзя понять, почему за старшим сыном, сложившим двадцатилетним юношей свою голову на эшафоте, следующий сын Владимир с большей вдумчивостью и с большей обстоятельностью решительно встал на революционный путь, сделавшись впоследствии гением революции.

Вспоминаю себя мальчиком, когда отец, вернувшись из объезда губернии, часами рассказывает нам о школьниках — крестьянских ребятах, об их простых непосредственных ответах на экзаменах в присутствии его, как директора. Эти чисто школьные рассказы тесно переплетаются с общими условиями быта крестьянских детей, с извечной нуждой народа. Работая дальше в этом направлении, наши детские мысли настраивались определенно на гражданские, а потом и революционные мотивы.

Чрезвычайно ценно и характерно указание Анны Ильиничны, как папа сам указал Саше на стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда» и «Песня Еремушке». Нельзя допустить, чтобы такие или аналогичные указания папа не давал другим детям, и в частности Володе.

С другой стороны, нельзя не коснуться влияния на Володю старшего брата Александра, с которым он прожил бок о бок ряд лет и которого очень любил.

Совершенно неверно также изображать Владимира Ильича в 1887 году в роли какого-то вожака студенческого движения. Уже и в те годы Ильич вовсе не придавал такого важного значения студенческому движению, по существу совершенно стихийному и неклассовому. Он уже тогда искал правильных путей в революционном движении, и студенческие беспорядки не могли заслонить перед ним этого самого главного дела. На это указывает совершенно определенно такой момент, как выбор Ильичем факультета. Он избрал юридический факультет, что удивило его сверстников Н. И. Веретенникова и одноклассника М. Ф. Кузнецова, потому что они считали, что на юридический факультет идут карьеристы. Они не поняли тогда, что на юридический факультет идут не только карьеристы, но и революционеры, люди, ставящие перед собой задачу изучения современного буржуазного общества, борьбу с которым они поставили целью своей жизни.

ПЕРЕПИСКА

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ

29/VI 96 г.

МАНЕ

Ты писала мне, что начала принимать железо,— прекрасно!

Купайся ежедневно в море! На таких условиях начинаю с тобой переписку.

Я живу, во-первых, не в Калужской губернии, а в Смоленской [1], но Калужская губ. видна с балкона, а река Угра служит границей. Река эта, как я уже писал, большая, больше Кинеля [2],— глубокая и быстрая (ее нельзя запрудить); когда я в первый раз пошел купаться (на реке купальня), то решил, конечно, переплыть реку, однако на середине струсил и повернул назад — очень быстрое течение, так что плыть прямо наперерез нельзя, надо брать кверху, что, конечно, труднее. Теперь я учусь плавать понемногу, вдоль берега. Пробовал раз ловить рыбу в реке — ловится быстро, но только мелкая рыба.

Мои ученики [3] не ловят рыбу, они предпочитают торчать в конторе, на птичьем дворе — вообще больше по хозяйству.

Относительно их способностей еще не могу сказать ничего — однако, надеюсь, дело пойдет. Сегодня мой старший ученик именинник, поэтому с утра все ем пироги! (До сих пор писал до обеда — сейчас пообедал, обед состоял из кучи блюд, закончился мороженым и плодами! ...Старший ученик сообщил, что, если я не по-

---

[1] По существующему административному делению — в Калужской области.

[2] Река Кинель — в Оренбургской и Куйбышевской областях, правый приток р. Самары.

[3] Дмитрий Ильич был репетитором детей Д. Е. Богданова на ст. Мятлево (ныне — Медынский р-н, Калужской области).

еду в церковь — меня на том свете за язык повесят; но я так сыт, что не боюсь того света,— ведь сытым чего бояться!)

Ты пишешь о Бестужевских курсах, что тебе очень хочется туда поступить — я думаю, что тебе виднее самой, что же касается московских курсов, то, конечно, это совсем не то [1].

Как Володя? Поклон ему [2]. Скажи ему, что Митя живет в деревне, ест пироги и что его тащат уже в церковь!

В самом деле, мой сеньор чуть ли не прежде всего осведомился, люблю ли я богу молиться; я ему ответил, что в веселой компании иногда отчего же и не помолиться,— и он теперь тащит меня сегодня ко всенощной в школу, куда только что привезли соответствующие декорации. Очевидно, присутствие «учителя» сообщит им бóльшую святость — я два раза отказывался, но мой сеньор, кажется, хочет настоять на своем во что бы то ни стало!

На 28-ое папаша назначил первый урок, дети просили, чтобы с 1-го июля, поэтому вечером на самом бойком месте в доме появилось нечто вроде прокламации: «Начиноем [3] 1-го».

Однако ей не придали никакого значения, и первый урок происходил, хотя только 2 часа, при протестах. Эти протесты однако до известной степени мне на руку (в следующем письме напишу почему).

Адрес: ст. МЯТЛЕВО, Сызрано-Вяземской ж. д., Дмитрию Егоровичу Богданову, для передачи.

Дмитрий

29 июня 1896 г.

Послано со ст. Мятлево в Белоостров, под Петербургом.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917». М., Политиздат, 1969, стр. 69—70.

---

[1] Мария Ильинична подавала 2 прошения на физико-химическое отделение математического факультета Высших (Бестужевских) женских курсов в Петербурге, но поступила на Высшие женские курсы в Москве осенью 1896 г.

[2] М. И. Ульянова жила под Петербургом и навещала В. И. Ленина, находившегося в это время в Доме предварительного заключения.

[3] Объявление написано ребятами. Допущенную ошибку Дмитрий Ильич подчеркнул.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

IV/9. 98 г.

Дорогая мамочка!

Не писал давно тебе вследствие праздников, но и от Вас давно не получал писем.

Посланные мне к празднику книги: Гербеля[1], Гуго[2] и Мейера[3], а также карточки получил, равно и 10 р. денег.

Как проводили Вы праздники, как разрешается вопрос о даче и о поездке, теперь уж пора решать, и я не понимаю Аню, которая писала, что желает подольше прожить в Москве; по-моему, только и вопроса тут никакого быть не может — Вам пора собираться и двигаться в путь, а Марк переедет на дачу[4].

А весна уже наступила, я и то чувствую это.

Прочел Сенкевича «Семью Поланецких»[5] с большим удовольствием — очень хорошая вещь. Я соскучился по музыке, можешь себе представить, я сам никак этого не ожидал... Жизнь какая-то каменная, жалко, что самому нельзя превратиться в камень.

---

[1] *Гербель Н. В.* (1827—1883) — русский поэт, переводчик, издатель. Ему принадлежит перевод с древнерусского «Слово о полку Игореве».

[2] Возможно, имеется в виду *Гуго Густав* (1764—1844) — автор «юридической энциклопедии», профессор Геттингенского университета.

[3] *Мейер Эдуард* (1855—1930) — немецкий буржуазный историк древнего мира.

[4] Со второй половины мая 1898 г. Ульяновы жили в Подольске под Москвой.

[5] *Сенкевич Генрик* (1846—1916) — видный польский писатель. В романе «Семья Поланецких» (1895) описывает жизнь буржуазных предпринимателей, их мелкие, эгоистические интересы.

По-немецки читаю то Marlitta[1], то Senkievicha[2], Фауста можно на русском языке прислать. По истории, уже и не знаю, чего просить — пришлите Соловьева[3] — Историю России — том 18 или 16-й, одним словом, тот, где начинается царствование Петра I, с общим очерком допетровского времени, затем Градовского[4] «Государственное право Европейских держав». Издание 1895 г. По естествознанию, как я уже просил, Брэма[5]: приматы, новое издание; или Эспинаса[6] и Леббока[7] — «Социальная жизнь животных».

Пальто получил перед праздниками, поэтому шубу отправляю обратно, а также книги: Сенкевича, Тэта[8] и 3 тома Шекспира.

Карточками я был очень доволен. Марк Тимофеевич вышел недурно, но можно бы лучше; отчасти тоже смотрит начальником, а с другой стороны, как будто бы хочет засмеяться или весел неизвестно почему; смотрит как будто бы на ухо или на нос, но не в глаза, зато техника превосходна. В общем снят хорошо[9]. Маминой карточкой, конечно, недоволен, ибо ждал, что и она сымется у Мебиуса[10]; а эта старинная симбирская карточка меня не удовлетворяет[11].

---

[1] *Марлитт Евгения* (Е. Ион) (1825—1887) — популярная немецкая писательница, автор ряда романов развлекательного чтения.

[2] Так Дмитрий Ильич написал: «Сенкевича».

[3] *Соловьев С. М.* (1820—1879) — видный русский буржуазный историк.

[4] *Градовский А. Д.* (1841—1889) — русский юрист; государствовед и историк права, профессор Петербургского университета.

[5] *Брэм Альфред Эдмунд* (1829—1884) — немецкий зоолог, автор популярной книги «Жизнь животных» (1863—1869).

[6] *Эспинас Альфред* (1844—1922) — французский философ и социолог. Один из первых во Франции распространял эволюционную теорию Ч. Дарвина и Г. Спенсера.

[7] *Лёббок* (Löbbok) *Джон* — естествоиспытатель. Известен, как популяризатор дарвинизма.

[8] У Дмитрия Ильича, по-видимому, описка. Речь идет о Тэне. *Тэн Ипполит Адольф* (1828—1893) — один из выдающихся самобытных мыслителей Франции, философ, историк, теоретик искусства и литературы.

[9] Речь идет о фотографии М. Т. Елизарова 1898 г., имеющейся на хранении в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (см. ф. 395, оп. 1, ед. хр. 108).

[10] Мария Александровна исполнила желание Дмитрия Ильича и сфотографировалась у Ю. Мебиуса в 1898 г.

[11] Речь идет о симбирской карточке М. А. Ульяновой, сделанной в фотографии Б. Р. Бик (см. ф. 395, оп. 1, ед. хр. 13).

Меня уж если переснимать, то нужно с профильной группы[1], во всяком случае пусть А. Г.[2] даст мне свою карточку, пана Казимира, профессора хирургии обязательно (Аркепи) и еще 2—3, буде пожелают поменяться со мной карточками. Передайте А. Г., что указанные 3 карточки он должен достать мне во что бы то ни стало, а я уж снимусь, когда выйду и приду в нормальное состояние. До свидания.

Целую тебя, мамочка, и желаю всяческих благ.

Твой *Дмитрий У.*

Поклон Марку, Ане, Мане и знакомым.

9 апреля 1898 г.

Послано из Таганской тюрьмы в Москву.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 71—72.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

IV/16. 98 г.

Получил от тебя книги: Пыпина[3], Струве[4], Шиппеля[5] и Милля[6]. Вчера целый день читал Лермонтова — перечел почти все; некоторые рисунки очень хорошие, но, например, у Демона какая-то небрежная мазня. Здесь картинки доставляют удовольствие.

[1] Ульянов Д. И. имеет в виду групповую (профильную) фотографию его, М. И. Ульяновой и М. Т. Елизарова, сделанную в Москве в 1896 г. в фотоателье Бычкова и Жданова (см. ф. 395, оп. 1, ед. хр. 136).

[2] *А. Г.* — Андрей Гаврилович Русанов — студент медицинского факультета Московского университета, друг Д. И. Ульянова.— *О. У.*

[3] *Пыпин А. Н.* (1833—1904) — литературовед, профессор Петербургского университета.

[4] *Струве П. Б.* (1870—1944) — русский буржуазный экономист, философ, главный представитель «легального марксизма». По характеристике В. И. Ленина: «начал с оппортунизма, с «критики Маркса», а докатился в несколько лет до контрреволюционного буржуазного национал-либерализма» (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 330).

[5] *Шиппель Макс* (1859—1928) — один из видных представителей ревизионизма в немецкой социал-демократии.

[6] *Милль Джемс* (1773—1836) — известный английский мыслитель, вульгарный буржуазный экономист, публицист и философ.

Письма, про которое ты говорила на свидании, я еще не получал; последнее от тебя и мамы от 8-го апреля.

Рохау[1] не особенно хорошая книга, и я читаю ее, чтобы познакомиться с событиями до вступления на престол Наполеона III; к тому же издание 66-го года. Прочел «На ясном берегу» Сенкевича, оказывается, это нечто вроде продолжения «Семьи Поланецких»[2] — художник Свирский, который до 45 лет никак не мог найти себе подходящей жены (благодарного сердца), наконец причалил к ясному берегу, совершенно случайно натолкнувшись в Ницце на свою соотечественницу, бедную девушку с благодарным сердцем. С Мейером я согласен только в одном, что историческое развитие Запада в средние века (экономическое) нельзя рассматривать как продолжение истории Рима; что же касается народного хозяйства, существовавшего якобы в Греции и Риме, то я скорей склоняюсь к мнению К. Бюхера[3], ибо и сильно развитая торговля еще ничего не показывает: Венеция, большие немецкие города, Новгород на Руси вели громадную торговлю, а господствующим оставалось замкнутое натуральное хозяйство. Это мое согласие и несогласие может показаться противоречием, но здесь не место развивать свои взгляды.

Вчера прочел биографию Лермонтова, недурно бы прислать (если есть изд. Павленкова)[4] биографии Белинского и Добролюбова. У Павленкова же есть отдельной книжкой «Литература и Жизнь» Михайловского[5], профессора Герцена[6] — физиология души, Ломброзо[7] — гениальность и помешательство, Эспинаса — Социальная жизнь животных, выбери получше и поновей

---

[1] *Рохау Август Людвиг* (1810—1873) — немецкий историк, автор ряда исторических исследований.

[2] См. примечание на стр. 121.

[3] *Бюхер Карл* — выдающийся немецкий экономист.

[4] *Павленков Ф. Ф.* (1839—1900) — русский прогрессивный книгоиздатель.

[5] См. примечание на стр. 42.

[6] *Герцен А. А.* (1839—1906) — сын А. И. Герцена, физиолог. Приобрел известность своими исследованиями о задерживающих центрах мозга. Дмитрий Ильич имеет в виду работу А. А. Герцена «Общая физиология души» (1890).

[7] *Ломброзо Чезаре* (1835—1909) — итальянский психиатр и криминалист, родоначальник крайне реакционного, так называемого антропологического направления в буржуазном уголовном праве.

издание, а то у Дерягиной[1] есть такая ветошь, что избави бог. Вообще же у меня сейчас книг достаточно вполне. Затем я просил Соловьева — «История России» — Петр I.

Ты рассказываешь мне о комарах, я сейчас тоскую по ним! Комары, положим, причиняют много беспокойства, но при всем желании в данную минуту я не могу представить его, хотя легко переношусь мыслью в охотничью обстановку.

Марк серьезно собирается на Кавказ, или так же как в Америку[2]; — пускай едет на велосипеде, держу пари, что похудеет.

Желаю тебе всех благ.

Твой *Дмитрий Ульянов*

Целую маму, поклон Марку, Мане, твоей приятельнице, всем докторам настоящим и будущим и другим знакомым.

16 апреля 1898 г.

Послано из Таганской тюрьмы в Москву.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 73—74.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

31/VIII 98.

Сейчас получил, Анечка, ваше письмо с Марком от 27-го — меня еще все удивляют незамазанные письма[3].

Ты спрашиваешь, как я устроился и как живу. Все бы ничего, да неприятно неопределенное положение: знай я, что в Подольске жить не удастся, я бы отыскивал себе здесь урок, написал бы Богданову, у него, может быть, есть здесь знакомства среди купечества, отправился бы к некоему Ч., у которого здесь якобы масса знакомств, и т. д.; или уехал бы в Саратов или Пензу

[1] Возможно, это фамилия издательницы или владелицы книжного склада.

[2] М. Т. Елизаров хотел поехать в Америку, чтобы ознакомиться с условиями производства и быта американских рабочих. Это его намерение не осуществилось.

[3] Дмитрий Ильич имеет в виду следы жандармской цензуры на письмах, которые он получал в Таганскую тюрьму.

(или Калугу), где без сомнения легче найти заработок, да и города в других отношениях лучше. Тула не нравится мне: крайне грязный, отсутствие мостовых и фонарей во многих местах, болотистый климат, пропасть собак... торгашеский, неинтеллигентный; публичная библиотека, по словам доктора, плохая, кабинет для чтения только для подписчиков; театр... когда я увидел его в первый раз, то невольно рассмеялся: если бы мне не сказали, что это городской театр, то я принял бы его за балаган, в лучшем случае за цирк; «скоморох» в Москве несравненно лучше! Городские деньги, которых без сомнения хватило бы на полное обновление города, в течение нескольких лет плывут в карманы кабатчиков и купцов, заседающих в думе; и даже местные жители из купцов, торговцев, приказчиков отзываются о ней: «грабиловка какая-то...» Везде этот русский дух «самобытный» «зады твердит и лжет за двух и грабит за семерых»... Бахвалиться только умеем, да бранить и насмехаться над Западной Европой, а сами живем, как свиньи. После Таганки вся эта грязь и мерзость так и бросается в глаза!..

Кроме неопределенности положения, еще более даже неприятная вещь — это одиночество: юридически, так сказать, меня пустили к людям, а фактически — «я вновь один», каждый вечер почти сижу у доктора, надоел им должно быть страшно. Вследствие мерзкой погоды, стоявшей до сегодняшнего дня, нельзя было совершенно гулять; вчера отправился в Кремлевский сад слушать музыку, несмотря на то, что музыка плохая (играют все незнакомое, какое-нибудь «пробуждение льва» и т. п. ерунда),— я просидел часа 3! Не знаю уж, пробудился ли лев (может быть после моего ухода), но я никаких зверей, кроме обезьян, в саду не встречал... Сегодня, пользуясь хорошим днем, с утра отправился за город, нашел парк на горе, который хотя сам по себе дрянцо, но вид из него хороший: видна вся Тула, расположенная частью в болоте, частью на пригорках, по окрестностям заводы, фабрики, железнодорожные мастерские, а дальше поля и леса верст на 10, на 15... Кстати, когда я ехал сюда из Подольска, то до Серпухова не ложился спать, а стоял все на площадке и любовался; когда я был еще в 79-ом номере [1], то думал, что

[1] Дмитрий Ильич имеет в виду камеру Бутырской тюрьмы.

с особенным удовольствием доеду до Подольска... Помнишь, как мы ехали? Для меня весь этот вечер 20 августа [1] представляется чем-то не бывшим в действительности; как мы ехали до Щербинки, до встречи с нашими, я не помню ровно ничего, язык мой, помнится, вертелся, но больше ничего. Я после даже психологически объяснил себе это вполне объективно.

Прочел вчера Т. Барановского [2] — доклад в В. Э. О. [3] и критику на него В. В. [4] и Яроцкого [5]. Доклад недурной и ловко поддевает Карышева [6] и Н — она [7], у бедного Карышева оказались промышленные заведения, помещающиеся в крестьянской избе, собственник этого заведения — крестьянин, он же фабрикант и он же рабочий; а в таблице стоит: «Промышленное заведение с одним рабочим!» В другом месте на одного «кустаря» работают 500 человек рабочих (хозяйский материал, но средства производства принадлежат рабочему — продукт «кустарю»).

Объясняются эти статистические данные довольно просто: в 1-м случае профессору Карышеву хотелось наделать побольше «мелких промышленных заведений», а во 2-ом — набрать побольше любезных его профессорскому сердцу самостоятельных производителей. В. В. в своем возражении Туган-Барановскому рассказывает про «замедление темпа» капиталистического развития в России и тому подобную ерунду (теперь уж это прямо апология отечественной индустрии и протекцио-

[1] День освобождения Дмитрия Ильича из тюрьмы. 21 августа 1898 года Мария Александровна об этом сообщила телеграммой В. И. Ленину в Шушенское (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 99).

[2] *Туган-Барановский* М. И. (1865—1919) — русский буржуазный экономист, в 90-х годах — видный представитель «легального марксизма».

[3] Вольное экономическое общество — одно из старейших в мире и первое в России экономическое общество. Учреждено в Петербурге в 1765 году в целях «распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений».

[4] См. примечание на стр. 70—71.

[5] *Яроцкий В. Г.* — экономист, приват-доцент Петербургского университета по кафедре политэкономии.

[6] *Карышев Н. А.* (1855—1905) — русский экономист и статистик.

[7] *Даниельсон Н. Ф.* (Николай — он) (1844—1918) — русский литератор-экономист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX в. Переводил 2 и 3 тома «Капитала» К. Маркса.

низма и, что особенно скверно для представителей науки — бессознательная! сначала «хотели» устранить капитализм и боролись (?!) с ним, а теперь неоцененные современниками и отброшенные в сторону историческим движением поют в унисон с теми, против кого воевали). Насколько хладнокровно пишет В. В., настолько же бесится Яроцкий: диаграмма у Туган-Барановского неизвестно почему «лубочная», он (Яроцкий) «занимается тонким анализом, а г. Туган-Барановский малюет лубочные картины»... все дело в том, что Туган-Барановский проглядел у Карышева какой-то пустяк и профессор Яроцкий вне себя от восторга!..

Дописываю вечером: сейчас вернулся от доктора, он нравится мне все более и более; особенно нравится мне в нем энергичный, живой характер, только закалившийся в его многочисленных путешествиях; живут они очень плохо, ибо он работает даром — ему предложили уйти, но он пожелал остаться и работать пока бесплатно; бумаги официальной все нет, он собирается на днях опять поговорить лично с заведующим. Если бы и доктора не было в Туле, я был бы в полном одиночестве; теперь, однако, скоро должен выясниться вопрос, где мне быть.

Хозяева мои уже узнали, что я за господин, однако ввиду крайне высокой платы (10 рублей) за комнату, очевидно, игнорируют все остальное, боятся только, как бы я не сбежал, и больше моего, кажется, желают, чтобы я «поступил на место». Здесь комнату можно снять рублей за 5—8, а я совсем разучился торговаться и хватил лишнего. Но за 10 р. мне готовят также и обед,— я покупаю только мясо и хлеб, остальное устраивается без моего участия, и я пока не имею основания быть недовольным. Желаю тебе и Марку всего лучшего.

Твой *Дмитрий*

Не пишите в открытках про Подольск и про выбор города — письма приходят ко мне часто в мое отсутствие. Мой адрес: Серебрянская улица, д. Маркова. Получили ли вы мое закрытое письмо?

31 августа 1898 г.

Послано из Тулы в Подольск.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 76—78

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. и М. Т. ЕЛИЗАРОВЫМ *

5/IX — 98 г.

Поздравляю Аню с ангелом, а Марка с именинницей! Сегодня утром ко мне приехали мама с Маней. Остановятся они в номере, а пока мы сидим в моей комнате — к сожалению погода прескверная, идет дождь, и гулять нельзя.

Письмо ваше с Аней, написанное карандашом, получил и отвечал уже на него Ане...

Ко мне теперь собираются сюда разные гости из Москвы, но я надеюсь, что, может быть, сам могу отправиться в Подольск.

Писать пока не о чем.

Желаю Вам похудеть и иных благ, а Аня пускай не думает совсем про меня и про наших, а больше ест винограда и гуляет.

Ваш *Дмитрий*

5 сентября 1898 г.

Послано из Тулы в Крым.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 80.

М. А. УЛЬЯНОВА — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ *

5/IX — 98.

Дорогая Анечка!

Прибыли мы нынче очень рано, в 4 ч., кажется, в Тулу, подремали — я поспала даже — часа 3 в дамской комнате и потом поехали будить Митю. Подъезжаем, спрашиваем вышедшую на звонок нам прислугу, встал ли Д. И.? Говорит нет. Вижу: окно его закрыто ставней, открыла я ее и постучала ему в окно, а Маня между тем обежала кругом и стала стучать ему в дверь. Он ужасно удивился этому шуму и долго не мог понять, в чем дело.

Комната его дрянь, красная цена ей 6 р. даже в Москве. Вместо кровати два деревянных ящика, и на них несколько досок. Ход через тесную кухоньку. И кормят его плохо... (Это неверно! Д. И. [1])

* Письма, отмеченные *, даются с сокращениями.— *Ред.*

[1] Приписка Д. И. Ульянова.

...Ожила немного надежда теперь, не посмотрят ли благосклоннее на наши прошения [1].

...А все не отвечают ни Мите, ни мне!

Вероятно, ты получила уже теперь все письма мои, одно из них с письмом от Вл.[2] и 2 книги к нему.— Все боюсь я: не затерялись бы они.

...Сколько прогостим здесь, не знаю. Ходили мы утром гулять и выбрали себе номер, вечером проводит нас Митя туда, а завтра утром приедет к нам. Если погода будет сносная — погуляем, а потом будет он у нас обедать, а сегодня обедали у него привозными припасами.

Скучает он здесь очень, читает мало и ждет не дождется хорошей вести из Петербурга.

Скоро день твоего ангела, дорогая Аня, и я поздравляю тебя, крепко обнимаю и желаю здоровья. Марку шлю большой поклон и поздравляю с дорогой именинницей! Когда-то получу я теперь письмо от тебя, разве Мите напишешь, а письма твои к нам пролежат, пожалуй, несколько дней в Подольске!..

Еще раз целую тебя крепко, дорогая. Будь здорова и не беспокойся, прошу тебя, о нас. Мы совершенно здоровы и теперь живем гораздо лучше, чем на даче.

Твоя *мама*

5 сентября 1898 г.

Послано из Тулы в Крым.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 80—81.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ *

XI/1 98 г.

...Теперь ты, наверное, перешла уже к качественному анализу или нет?

Начинала ли заниматься с микроскопом? Пиши мне, как и чем теперь занимаешься практически, что читаешь и какие лекции слушаешь; много ли понимаешь?

---

[1] Мария Александровна и Дмитрий Ильич посылали прошения в Петербург, чтобы Д. И. Ульянову разрешили окончить учебу в университете.— *О. У.*

[2] Речь идет о письме Владимира Ильича из с. Шушенского от 16 августа 1898 года М. А. Ульяновой и А. И. Елизаровой (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 97—99).

Если тебе нужно будет какую-нибудь русскую книгу по естественным наукам — пиши, я куплю и вышлю.

У нас премерзкая погода: дождь, грязь... Пахра два раза замерзала, а теперь снова растаяла. Собираюсь все-таки купить себе коньки и кататься.

Играешь ли ты на рояле или решила бросить,— играй! (Помнишь: учись, учись — выучишься...)

Листок дописан, и je finis. Всех благ!

Твой *Дмитрий*

1 ноября 1898 г.

Послано из Подольска в Брюссель.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 84—85.

В. И. ЛЕНИН — М. А. и Д. И. УЛЬЯНОВЫМ

28/XI. 98.

Получил твое и Митино письмо от 9. XI, дорогая мамочка.

Насчет телеграмм сюда надо иметь в виду, что наш почтарь бывает в Минусе по понедельникам и четвергам утром. Значит, телеграфировать надо по утрам в воскресенье и среду,— тогда я получу телеграмму утром во вторник и пятницу (это наши почтовые дни, местные шушенские «праздники»)[1].

От Маняши было одно письмо, мы ей ответили, но еще не получили ее письма.

Очень и очень рад, что тебе нравится в Подольске. Жаль, конечно, что Марку приходится жить одному.

К Анюте еще имею просьбу: прибавить к числу выписываемых журналов «Труды императорского Вольного экономического общества», цена три рубля в год (6 книг) с доставкой. Если только выходит еще этот журнал.

Если подписываться на журналы будете через Вольфа, то у него есть уже мой адрес: я получаю от него «Известия».

Твой *В. У.*

---

[1] Адрес для телеграмм: Минусинск Ульянову Шушенское.

Привет всем нашим.

Е. В. шлет всем привет.

Кончил половину своей книги и убедился, что вся будет скорее короче, чем длиннее предположенного.

Мите

Насчет охоты моей ты осведомлен неточно. Кто это тебе рассказывает? Не Анюта ли впадает в некоторые хронологические ошибки, выдавая старые мифы о зайцах за новые известия. Зайцев здесь я бил осенью порядком,— на островах Енисея их масса, так что нам они быстро надоели. Проминский набил их несколько десятков, собирая шкурки на шубу.

Конечно, на тетеревов и куропаток охота интереснее, но только трудна она. Молодых тетерок в июле я еще пострелял немного, а теперь за ними ездят на лошади с винтовками: пешего охотника зимой тетерева не подпускают (за самыми редкими исключениями). На куропаток нужна (осенью) хорошая собака,— моя же Дженни либо молода еще, либо плоха. Зимой куропаток больше ловят в «морды», вентера и петли [1].

Теперь у нас явилось новое развлечение — каток, который отвлекает сильно от охоты.

Будущее лето надеюсь поохотиться побольше,— работы будет меньше, собака попривыкнет, затем последнее (надеюсь) лето в Сибири.

Жму руку. *В. У.*

Послано из с. Шушенского в Подольск.
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 55, стр. 113—114.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ

6/XII — 98.

Итак, Маня, ты получила Кука [2] и желаешь заниматься химией, по-моему, бросать ее не стоит; хотя подходит ли тебе Кук, отчего не пишешь?

---

[1] Прошлый год я еще убил несколько куропаток (хотя очень мало), а нынче ровно ничего.

[2] *Кук Д. П.*— американский химик, автор книги «Новая химия» (М., Сытин, 1897).— *О. У.*

У нас все по-старому. Зомбарта [1] мы прочли, так что теперь я жду от тебя чего-нибудь. На днях напишу тебе побольше. Работы я себе все еще не нашел, положение мое все то же.

Желаю всего лучшего.

Твой *Дмитрий*

(Тороплюсь.)

6 декабря 1898 г.

Послано из Подольска в Брюссель.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 91.

---

[1] *Зомбарт Вернер* — немецкий буржуазный экономист, один из идеологов германского империализма.— *О. У.*

1899 год

В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ

26/I. 99.

Получил твое письмо по ружейной части и спешу ответить, не дожидаясь обещанного прейскуранта. Дело в том, что у меня есть прейскурант оружейного магазина И. Шенбрунера (Старый Газетный переулок, между Тверской и Никитской, д. Толмачева), присланный мне прошлой зимой Марком. В этом прейскуранте особенно подходящими мне показались централки Авг. Франкотта[1] в Люттихе — стр. 6—7 (45—55 р., чокбор — кстати, верно ли, что «чок» увеличивает кучность и резкость боя, как заявляет прейскурант и как я слышал от охотников? Если правда, то это, должно быть, очень удобная вещь,— калибр 12 и 16, вес около $7^{1}/_{2}$ ф.) — и еще стр. 22, легкие ружья той же фирмы ($6^{1}/_{2}$ ф., ствол не 17, а $14^{1}/_{2}$ вершков, тоже чок-бор, 65 р., калибр 12)[2]. Ты спрашиваешь о калибре и весе.

---

[1] Ружье центр. двуствольное (№ 303 841 льежской фабрики «Франкотт») было куплено мною в конце 1898 года в Москве (в магазине Шенбрунера на Кузнецком мосту) по поручению Владимира Ильича. Заплатил я за него 55 рублей; такая примерно цена (50) была указана им. (Досадная «раковина» в левом стволе была замазана вазелином или другим жиром. После пристрелки в Подольске я ее обнаружил, к своему ужасу. Знакомый охотник сказал, что это особенного значения не имеет, что магазин не возьмет обратно и что цена небольшая.)

Приобретая затем все необходимое к нему, я заказал деревянный ящик, упаковал покупку, выставив «ценная» на 70 р.— столько действительно стоила покупка с пересылкой в село Шушенское. С этим ружьем Ильич охотился в Сибири на зайцев, дупелей и пр.

По возвращении в начале 1900 года в Россию Владимир Ильич привез ружье с собой и передал мне.— *Прим. Д. И. Ульянова.*

[2] Есть и подешевле: 42 р. (стр. 10), 35 р. (стр. 14, рисунок № 18, без чок-бор). Коли бьет хорошо и вообще надежное ружье, то и это ладно. Я за отделкой совсем не гонюсь. 12 калибр великоват; пожалуй, 16 — лучше.

У меня был калибр 12, и остались патроны (медные) этого калибра (фабрики Е. Торбек; платил я 12 коп. за штуку); величина отверстия: [1]

Впрочем, вероятно, патроны придется взять новые (25 штук достаточно, я думаю, медных), ибо патроны должны вполне точно подходить к ружью. Так что выбери уже калибр и вес сам: это не так важно, лишь бы бой был хорош (разумеется, при прочих равных условиях, легкое ружье предпочтительно; может быть, и в самом деле лучше стволы «поздоровее» — прошустовать можно в крайнем случае, и не так легко сломается или погнется. Я-то избаловался с легонькой берданкой!). Особенно меня заинтересовало объявление Шенбрунера об условиях продажи ружей: «выбор по бою делает сам покупатель, присутствуя при пробе ружей, или магазин» (стр. 3), и об особой плате за пробу — ни слова! Уж, конечно, магазину нельзя доверить выбора и необходимо испробовать самому и взять мерку [2] и пробные листы. Только странно, что пробуют «на 50 аршин» (стр. 3. NB)! Что за дьявольщина,— да какую же это дичь можно на 17 сажен бить? Я пробовал всегда свое ружье на 25—30 сажен. Впрочем, может быть, это зависело от моей неопытности. Если ты «созовешь консилиум» (ого!), так уже все, наверное, будет взвешено. Крайне удивило меня, что пересылку ружья Шенбрунер считает по весу 35 фунтов (sic! стр. 108 — «в отдаленность»). Ведь это безобразие — $17^1/_2$ руб.! Вес ружья $7^1/_2$ ф., значит 4 руб., на ящик (ты пишешь) около 2 руб.,— так и выходит около 7 руб., как я тебе писал и как мне в Минусе говорили. Не лучше ли самому заказать ящик и послать? Машинку для набивания патронов — самую простую (у меня в 1 р. 75: для выбивания пистонов простое шило в конце палочки. По прейскуранту Шенбрунера, стр. 75, рис. № 133, «простые здешние» — 1 р. 75). Ягдташа не нужно (когда убью, так уж принесу и на простой веревке!), патронташ у меня есть — солдатский ящик (кожаный) на 12 патронов, а остальные 8—9 в карман; погон тоже есть — только колечко для него лучше вставить в магазине, буде это делается. Как это ты пишешь: «пистоны соответствующего калибра»?? ведь пистоны одинаковых размеров для

[1] Здесь В. И. Лениным карандашом нарисован кружок.— *Ред.*

[2] мерку очень удобно бы взять, если в магазине пристреливают ружье, а то с этой меркой больно возни много.

всех централок? Выдавливаю наверху мерку своего пистона[1]; если не одинаковы,— надо прислать, конечно, сот пять, а то и больше: здесь кроме таких, как у меня, не найти.

Насчет пыжей — я употребляю просто бумагу газетную и считал покупку их ненужной роскошью. Если это неверно, т. е. если пыжи важны для боя; и если стоят они, действительно, недорого (как ты пишешь),— тогда пришли либо пыжей, либо высечку для пыжей (в прейскуранте, стр. 92—75 коп.; я слышал, что это — удобная вещь. Напиши, если ты употребляешь ее, какой берешь картон). Чехла покупать особо не стоит,— у меня остался простой, старый, данный мне в магазине (красноярском) при ружье[2]. О металлических щетках мне говорил один товарищ, что они очень полезны.

Ну, кажется, все? Если подержанное ружье испытанного боя и без всяких дефектов в стволе, то, конечно, стоит взять. Пошли ружье на имя Елизаветы Васильевны. Торопиться особенно нет надобности, т. е. чтобы к 1. III, ладно и к концу марта.

Очень и очень рад, что твое дело принимает благоприятный оборот и что воскресают надежды на университет. Ошибку в начале II § IV главы (стр. 346) ты отметил совершенно верно, спасибо за это. Надо $41{.}_3$ миллиона четвертей, а не $14{.}_3$[3]. У меня в 1-ом черновике было верно, а во втором черновике я описался и не заметил нелепости. *Пожалуйста, пошли эту поправку тотчас же.* Насчет «рациональности» в словах Каблукова поправки не нужно, по-моему; бесспорно, что Каблуков разумеет здесь «резонность», а не техническую рациональность, но ведь *и я тоже* понимаю здесь под рациональностью резонность, а не техническую рациональность. Смысл моей насмешки тот, что довод Каблукова состоит в тавтологии, ибо народники считают натуральное хозяйство «резонным». Вправе ли читатель понимать «рациональность» во втором случае иначе, чем

---

[1] Здесь В. И. Лениным проведена стрелка и на полях нарисован карандашом кружок по размеру пистона.— *Ред.*

[2] Будет ли годен чехол от одностволки? Впрочем, дешевле, я думаю, будет сшить здесь, а в магазинах лупят больно дорого.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 252.— *Ред.*

в первом (т. е. в словах Каблукова иначе, чем в моих словах той же тирады)? [1]

Плантаций табачных считалось действительно 75—95—650 тысяч (т. е. 75 000—95 000—650 000) [2].

На коньках я катаюсь с превеликим усердием. Глеб показал мне в Минусе разные штуки (он хорошо катается), и я учусь им так ретиво, что однажды зашиб руку и не мог дня два писать. Старое уменье все же не забывается. А моцион этот куда лучше зимней охоты, когда вязнешь, бывало, выше колен в снегу, портишь ружье и... дичь-то видишь редко!

Жму руку. *В. У.*

Послано из с. Шушенского в Подольск.
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 6.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 55, стр. 130—133.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ

8/III. 99 г.

Давно собирался, Маня, написать тебе. Получила ли ты наше общее письмо от 28-го февраля? и нравятся ли тебе такие винегретные письма?

Получил я от тебя как-то: «Не весь я твой»... музыка якобы Чайковского, и до сих пор не понимаю, зачем ты послала мне этот романс. Сказку твою читали в прошлое воскресенье все вместе, у нас была М. В. [3] — сказка понравилась всем, теперь мама ее переписывает.

Аня выписывает новый журнал «Начало», и мы получили на днях первую книжку, читаем кое-что вместе, вчера прочли, например, Рубакина «Митрошкино жертвоприношение» [4], из воспоминаний голодного года —

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 252.— *Ред.*

[2] Там же, стр. 297.— *Ред.*

[3] Зворыкина М. В.

[4] В первой книге журнала «Начало» № 1—2, январь — февраль 1899 года, напечатан рассказ Н. Рубакина «Митрошкино жертвоприношение. Из рассказов о голодном годе».

Рубакин Н. А. (1862—1946) — русский библиограф и писатель, автор многочисленных работ по библиографии, истории книжного дела в России, научно-популярных очерков по географии и естественным наукам, методических пособий по самообразованию.

очень сильная вещь, в нашей литературе таких мало. Там есть еще несколько интересных статей, но прочел я пока лишь немногие.

Вопрос относительно лета все еще остается невыясненным, хотя мы давно уже ходим и ищем, наводим справки, рассуждаем и спорим меж собой. С одной стороны, как будто мама хочет ехать к Володе, с другой — как будто она не поедет... Вчера ездили с Марком на ст. Лопасня — верст 70 от Москвы по Курской дороге, говорят, что там прекрасная местность — вода, лес, воздух, как в раю, поют птицы, благоухают цветы и т. д., но мне тем не менее дачный вопрос начинает уже надоедать, хотя я и жду лета с нетерпением, ибо мне кажется, что давно уже не было лета.

Недавно как-то М. В. и А. Н.[1] спросили меня, скоро ли ты приедешь, и очень опечалились, узнав, что ты приедешь только в мае (а не к пасхе). М. В., кажется, больше всех ждет тебя, отчего ты мало ей пишешь? У нее теперь новое горе — приехал брат совсем больной; один врач сказал, что у него чахотка, но М. В. не хочет верить пока, хотя это, кажется, правда; во всяком случае, она приуныла, и тебе следует приободрить ее. Она все жалеет, что ей совсем нет времени читать; и правда — утро занято на службе, вечер — то лекции, то нужно путешествовать к сестре за тридевять земель, то еще куда-нибудь.

Я звал к нам и А. Н.— она не была с тех пор, как ты уехала,— обещалась приехать как-нибудь вместе с М. В.

Сейчас буду писать Володе и отправлять ему охотничьи принадлежности, а потому пока до следующего раза; пиши, как живешь и что поделываешь. Не был ли я прав тогда, когда скептически смотрел на твой выбор естественного факультета, или, может быть, только в этом году тебе не удалось вследствие недостаточного знания французского языка? Хотя ведь общее знакомство с естественными науками тоже необходимо... Всего лучшего.

Твой *Дмитрий*

8 марта 1899 г.

Послано из Подольска в Брюссель.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 99—100.

---

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ [1]

24/V. 99 г.

Давно собирался я, дорогой Лёля, написать тебе и узнать, за что и каким образом тебя выслали из Москвы второй раз, правда ли, что ты сидел под стражей? [2] Каково теперь твое положение и отношение к Университету?

Затем у меня есть к тебе просьба, состоящая в следующем. Мне хотелось бы получить место фельдшера на лето и главным образом на всю зиму, при больнице — если сносные условия, но лучше на самостоятельный пункт (в каком-нибудь селе или деревне). Может быть, *если только это тебя не затруднит* — ты переговоришь с Кудрявцевым [3] (санитарный врач г. Симбирска): укажи ему, что д-р Шидловский [4] рекомендовал ему меня, когда Кудрявцев составлял лечебно-продовольственные отряды [5]; если в отряд меня принять было нельзя, то другое место он может дать мне, даже если я буду под гласным надзором (мне, по всей видимости, будет год надзора. В Департаменте полиции сказали, что в Университет нельзя принять, но что можно держать экстерном экзамены).

Мне хотелось бы иметь медицинскую работу, чтобы позаняться практически (поэтому я и думаю о фельдшерском месте); но я, может быть, взял бы работу и не медицинскую, если бы она хорошо оплачивалась (тогда я мог бы скопить себе денег, чтобы два-три месяца совсем не служить, а только готовиться).

Что касается того, что я буду под надзором, то нужно сказать, что меня пустят и в Симбирск и в другой

---

[1] *Алексей Иванович Яковлев* (1878—1951) — видный советский историк, член-корреспондент АН СССР.— *О. У.*

[2] А. И. Яковлева арестовывали и дважды высылали из Москвы за участие в революционных выступлениях студентов. В 1899 г. он был арестован как один из организаторов антиправительственного выступления студентов. Об этом упоминают в своих письмах А. И. Елизарова и М. А. Ульянова (см. «Переписку семьи Ульяновых», стр. 98 и 104).

[3] *Кудрявцев* — близкий знакомый семьи Ульяновых, активный участник революционного движения.

[4] *Шидловский* — врач, близкий знакомый семьи Ульяновых.

[5] Лечебно-продовольственные отряды создавались для оказания помощи крестьянам голодающих районов Поволжья и центральных губерний России.

какой-нибудь провинциальный город, если я пожелаю. Даже сказали, что из Подольска не погонят (но приговора все еще нет, и раньше, чем через месяц, наверное, и не будет).

В Подольске мне ужасно не хочется оставаться, и вот я думаю, куда лучше ехать: в Симбирск, Самарскую губернию, в Пензу или еще куда-нибудь. Решил ехать туда, где прежде всего получу более или менее сносное место.

Самостоятельный фельдшерский пункт предпочитаю потому, что несравненно большему научишься (можно все-таки считать, что я проучился 4 с половиной года).

Извини, пожалуйста, Лёля, что я рассказываю тебе совершенно неинтересные вещи и беспокою тебя своей просьбой...

Может быть, увидимся нынче летом где-нибудь на Волге?..

Желаю тебе всего лучшего.

Поклон всем твоим.

Твой *Дм. Ульянов.*

Мой адрес: Подольск, Московской губернии, Городской парк, дача Вешнякова, № 3.

24 мая 1899 г.

Послано из Подольска в Симбирск.

«Ученые записки». Выпуск XL. Чебоксары, Чувашское книжное издательство, 1968, стр. 242—243.

В. И. ЛЕНИН — М. А. и Д. И. УЛЬЯНОВЫМ

20/VI. 99.

Получил я, дорогая мамочка, письмо твое от 31. V. Merci за него. Насчет статистических сборников — тверских и вятских — я, помнится, писал уже, что *посылать их мне всех не надо:* я теперь не занимаюсь этим и не думаю заниматься до конца срока ссылки. Если понадобится та или другая книга, лучше выпишу поодиночке, а то и так везти назад придется массу книг. Впрочем, вероятно, статистических сборников вы посылаете немного. Мих. Ал. пишет, что ждет теперь невесту лишь в конце лета.

Насчет перевода в Красноярск мы не думаем, чтобы стоило просить. Разговаривали как-то с Ел. Вас., которая думала просить о том, чтобы пустили и меня в Уфу нынче осенью ввиду трудности для нее и Нади зимней поездки. Если она осуществит это намерение, то я напишу тебе.

Пособие нам выдали.

Об Анатолии пишут из Ермаковского, что ему не лучше.

Ляховский, писали, служил командировочным врачом в Чите.

Очень это жаль, что у вас стоит дурная погода и не приходится как следует отдохнуть на даче. У нас июнь тоже дождливый.

Живем мы по-прежнему. Занимаюсь я теперь мало, а с предстоящим вскоре открытием охоты буду, верно, заниматься еще меньше.

Получил майскую книжку «Начала»,— урезанную изрядно. В ней, кажется, особенно интересного ничего нет. Я теряю надежду на выздоровление этого журнала. Мне писали, что Министерство внутренних дел затребовало от редакции раскрытия псевдонимов авторов статей в первой и апрельской книжках. Интересно бы знать, не было ли среди этих «раскрытых» общих наших знакомых?

Крепко целую тебя и шлю привет всем нашим.

Твой *В. У.*

Мите

№ 5 «Научного Обозрения» я видел и нашел статью Туган-Барановского в нем чудовищно глупой и вздорной: он просто произвольно внес изменение нормы прибавочной стоимости, чтобы «опровергнуть» Маркса, и предполагает абсурд: изменение производительности труда без изменения стоимости продукта. Не знаю, стоит ли писать о каждой такой вздорной статейке: пусть исполнит сначала обещание развить это пообстоятельнее. Вообще я все решительнее становлюсь противником новейшей «критической струи» в марксизме и неокантианства (породившего, между прочим, идею отделения социологических законов от экономических). Вполне прав автор «Beiträge zur Geschichte des Ma-

terialismus»[1], объявляя неокантианство реакционной теорией реакционной буржуазии и восставая против Бернштейна. Крайне заинтересовала меня новая книга Богданова («Основные элементы исторического воззрения на природу», СПБ., 1899) — я ее выписал,— на которую в майской книге «Начала» есть рецензия, написанная крайне вздорно, с важничающими фразами и с умолчанием о существе дела. Очень жалею, что я как-то пропустил объявление об этой книге, когда она вышла. Думаю, что это должна быть дельная вещь и что такую рецензию нельзя будет оставить без ответа.

Ружьем я доволен. Весной мало охотился. Теперь уже скоро начнется настоящая охота; я собираюсь нынче летом побольше поохотиться.

Жму руку. *В. У.*

Пришли мне, пожалуйста, *список* полученных мной земско-статистических сборников: т. е. заглавия и краткое содержание (таблицы или таблицы + текст, больше ничего).

Послано из с. Шушенского в Подольск.
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 8-9.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 55, стр. 155—156.

---

[1] «Очерков по истории материализма». Автором «Очерков» был Г. В. Плеханов.— *Ред.*

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ *

6/VIII.—1900 г.

Извини меня, дорогой Лёля, за мое бессовестное молчание... Это лето я живу какой-то особенной жизнью; ты не можешь себе представить, сколько времени я ждал ответа из С.-Петербурга о разрешении мне или сдавать экзамены или поступить в Университет: второй год все обещания и обещания, подал, кажется, тысячу разных прошений, и теперь узнаю, что Министерство Народного Просвещения намерено отклонить мою просьбу о зачислении меня *хоть в какой-нибудь* Университет.

Собираюсь на днях в Питер, но что можно там сделать, не имея протекции... все шансы падают, и остается незапретной, кажется, только дорога в Китай!

Когда выяснится моя судьба определенно, я напишу тебе, хотя ты, наверное, раньше этого приедешь в Москву и будешь у меня... Аня взялась переводить...

В половине августа буду ждать тебя к себе, ведь, кажется, ты писал, что будешь в Москве в это время?

Пока до свидания, желаю тебе всего лучшего, непременно удачи с поездкой за границу (что же может помешать?). Поклон мой всем вашим.

Твой *Митя.*

6 августа 1900 г.

Послано из Москвы в Симбирск.

«Ученые записки», стр. 244—245.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

18/XI. 1900 г.

Дорогая мамочка!

Сейчас получил повестку на 35 рублей — теперь мне до рождества достанет денег.

Живу по-прежнему, занятия идут своим чередом. Наконец тут кончились туманы и дожди, и наступила

зима, хотя пока почти без снега; легкий морозец, тихо — приятно пройтись.

Город наш благоустроенный — тротуары, дорожки в парке тщательно разметаются и посыпаются песком, а парк от меня в двух шагах.

Недавно получил письмо от Ани, пишет про Париж и про французов; но тебе она пишет, конечно, сама обо всем.

Как Володин адрес, мне нужно послать ему деньги, которые я взыскал-таки наконец с железной дороги за просрочку груза, все-таки 6 рублей, да потом и принципиально нечего им потакать. Тянули долго, почти пять месяцев, пришлось несколько раз напоминать им. А Маня говорила — не возвратят; теперь можно хоть починить, что они там поломали!

Я приучился-таки вставать рано, так что теперь до лекций занимаюсь часа $1^1/_2$ дома, лекции начинаются обыкновенно поздно. Оригинально тут считается время — по двум часам: городским и университетским, первые показывают петербургское время, вторые — местное на четверть часа сзади; одни профессора читают по местному, другие по петербургскому времени. Но все так запаздывают, что если прийти в аудиторию ровно в 9, когда по расписанию должна начинаться лекция, то никого, кроме сонного сторожа, не встретишь... Некоторые, например, вместо 9 начинают в одиннадцатом и вместо 11 кончают в половине 12-го, приходится напоминать, что пора кончать лекцию... В Москве и то так не запаздывают.

Получила ли Маня мое письмо? Я тогда слишком торопился и не успел сказать всего, что хотел; вышло, кажется, слишком отрывочно, может быть, не вполне понятно. Ну, напишу в другой раз.

Теперь всего лучшего.

Целую тебя, дорогая мамочка, до свидания.

Твой *Дм.*

Поклон всем нашим.

P. S. Деньги получил, danke schön!

За газеты спасибо Мане — получаю правильно.

18 ноября 1900 г.

Послано из Юрьева.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 113—114.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ

— МАНЕ —

Сегодня получил твое второе письмо, а сам все не могу написать, как-то совсем нет настроения...

Достал декабрьскую «Жизнь» [1] и прочел в ней статью Лозинского [2] о неокантианстве и рецензии на Бердяева [3] и Франка [4]. Летом надо будет прочесть Франка, у него, видимо, есть кое-что интересное. Что касается Лозинского, то, по-моему, это все-таки завирание,— нужно непременно людям какой-то вечный и непреходящий идеал, какой-то дух человечества, вечный прогресс, вечную и абсолютную правду и т. п.

По поводу того, что Фр. Энгельс сказал: «что все-таки вещь в себе разложима химически», автор заявляет, что, стало быть, он не понял, что такое вещь в себе. Это уже прямо ерунда! Чего же тут не понять: вещь сама в себе, т. е. не наше представление о ней, а она сама, вне, так сказать, нашего к ней отношения. Этот мир вещей в себе нам недоступен, мы не можем ни знать, ни понимать его, ибо под вещами мы понимаем лишь отражения этих «вещей в себе» в нашей голове! Значит, будучи человеком, a priori нельзя знать ничего в истинном (!) свете; наши познания условны и т. д. Ну, прекрасно, что же дальше?.. Дальше нужно решать вопрос, существуем ли мы действительно или нам это только кажется? Что такое человек как вещь в себе?..

---

[1] *«Жизнь»* — литературный, научный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1897 по 1901 год.

[2] *Лозинский Е. И.*— реакционный публицист и философ.

[3] *Бердяев Н. А.* (1874—1948) — реакционный философ-идеалист и мистик. В первых литературных работах стоял на позициях «легального марксизма», затем стал открытым врагом марксизма.

[4] *Франк С. Л.*— философ-идеалист и буржуазный экономист.

На самом деле, нет ни солнца, ни вращающейся вокруг него земли, ни людей — это все нам только кажется, а то, что действительно существует, мы не знаем, никогда не будем знать и не можем знать... Приятное умозаключение! Таким путем можно забраться в такие дебри, что будешь решать вопрос,— что такое веревка?.. А тем временем все будет идти своим чередом.

Поэтому мне думается, что г. Лозинский не понял Канта или превратно его понял, а свалил вину на Энгельса.

Ну, пока всего лучшего.

На днях пошлю тебе одну немецкую брошюру профессора Sohm'а [1].

Понравился ли Вяч. А.[2] Рубакин? Читала ли его М. В.? Пиши.

Твой *Д.*

22 февраля 1901 г.

Послано из Юрьева в Москву.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 119—120.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

25/VIII.1901.

Дорогая мамочка! Получила ли ты мое письмо от 21-го, которым я отвечал на твое последнее письмо? Жду ответа. Сегодня сдавал первый экзамен (общая патология) и благополучно сплавил его, теперь до 10-го сентября, вероятно, не будет экзаменов. Завтра или послезавтра напишу больше, а теперь пока всего лучшего. Привет М. В.

Твой *Д.*

25 августа 1901 г.

Послано из Юрьева в г. Подольск.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 132.

---

[1] *Зом (Sohm) Рудольф* (1841—1917) — немецкий юрист и историк права, профессор.

[2] *Левицкий В. А.* — близкий знакомый семьи Ульяновых.

6/IX.1901 г.

Поздравляю тебя, дорогая Анечка, ты ведь, кажется, 9-го именинница... Твое письмо получил и ответил уже давно; боюсь, не затерялось ли письмо, верен ли адрес? От Володи тоже ответа не получил. Желаю всего лучшего!

Привет нашим [1].

Твой *Дм.*

6 сентября 1901 г.

Послано из Юрьева в Швейцарию.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 132—133.

[1] *Имеются в виду В. И. Ленин и Н. К. Крупская.*

А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ

25/VIII.

Вот пишу тебе уже с родных мест, дорогой мой Митек. Едем мы[1] недурно, обе здоровы. От тебя в день отъезда получили наконец письмецо, были страшно рады, ибо долго без вести были.

Твое письмо, где ты писал посмотреть Кавказ и Крым описывал, мы не получили.

Приезжай лучше поскорей в Самару, очень хочется видеть тебя, а я там долго не пробуду — поеду к Марку[2]. Напиши по получении этого письма, когда кончается работа и когда думаешь выехать. Напиши на адрес Мани. Мы двигаемся очень медленно, ибо попали на товарно-пассажирский поезд. Только завтра вечером будем в Вязьме — значит не раньше среды в Самаре. Пиши скорее и приезжай скорее, дорогой,— так хочется видеться!

Я так рада русским видам, русской речи кругом — успела уже соскучиться. Точно корней под собой больше чувствуешь, точно спокойствие какое-то вливается. Все такое домашнее, свое, маленькое: маленькие деревья, маленькие коровки... серенькое небо, серенькие болотца. Были правда и другие впечатления,— менее приятные[3], но они миновали. Так до свидания, наконец, дорогой. Обе с мамой целуем тебя и жаждем видеть. Приезжай же скорее и пиши. Еще раз до свидания.

Твоя *А.*

25 августа 1902 г.

Послано из Минска (по пути из-за границы) в Холодную Балку под Одессой.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 141.

[1] Имеются в виду М. А. Ульянова и А. И. Елизарова, которые в августе 1902 года возвращались в Россию из поездки во Францию.

[2] Вернувшись из-за границы, А. И. Елизарова вскоре уехала в Томск, где М. Т. Елизаров работал в управлении Сибирской железной дороги.

[3] Намек на обыск, которому А. И. Елизарова подверглась в пограничном пункте при возвращении из-за границы в Россию.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

26.II.

Дорогая Анечка!

Вчера я послал тебе открытку со станции. Сейчас пишу опять — отчего ты не пишешь о здоровье Мани? Очень прошу тебя открытками уведомлять меня... Что говорят врачи в смысле прогноза; ради бога, пиши почаще теперь; забудь, что я ленив на письма. Уехать мне отсюда не так уж просто, тем более, что теперь громадные приемы. Если же положение будет очень серьезно — дай мне телеграмму, я, конечно, брошу все.

Как мамочка? Поправилась ли она от болезни? Буду ждать весточки от тебя.

Какая форма тифа, насколько она серьезна; у Володи, например, была легкая форма [1].

Всего лучшего, целую вас обеих.

Твой *Митя*

26 февраля 1908 г.

Послано из Липитино в Петербург.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 175.

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

30.IX.08.

Дорогая мамочка! Давно что-то не писал я тебе. Надеялся, что Маняша приедет и расскажет, но ее приезд все откладывается. Хорошо бы было, если бы она приехала во второй половине здешнего октября: мы бы тогда прокатились вместе в Италию. Я думаю тогда отдохнуть с недельку после окончания работы (которая

---

[1] В. И. Ленин болел тифом осенью 1890 года.— *О. У.*

уже подходит к концу)[1]. 11-го X я буду на три дня в Брюсселе, а потом вернусь сюда и думал бы катнуть в Италию[2]. Почему бы и Мите не приехать сюда? Надо же и ему отдохнуть после возни с больными. Право, пригласи его тоже,— мы бы великолепно погуляли вместе. Если бы затруднились из-за денег, то надо взять из тех, которые лежат на книжке у Ани. Я теперь надеюсь заработать много.

Отлично бы было погулять по итальянским озерам. Там, говорят, поздней осенью хорошо. Анюта приедет к тебе, верно, скоро, и ты тогда посылай и Маняшу и Митю.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья.

Какова осень у вас в деревне? Здесь недурна. Лето было плохое, а теперь выдаются иногда прямо летние дни.

Наши все здоровы и очень просят всем приветы передать.

Твой *В. Ульянов*

Послано из Женевы на ст. Михнево, Серпуховского уезда, Московской губ.
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 11.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 55, стр. 254—255.

Д. И. УЛЬЯНОВ — В. И. ЛЕНИНУ[3]

Липитино IX.28.908.

Дорогой Володя!

Ты зовешь меня вместе с Маней попутешествовать по Северной Италии; большое спасибо — конечно, это было бы весьма недурно, но мне не удастся. Отпуск могу взять только в ноябре и, вернее всего, поеду в Екатеринослав[4] — отпуск только на один месяц.

[1] Речь идет о книге «Материализм и эмпириокритицизм».— *Ред.*

[2] В октябре 1908 года В. И. Ленин ездил в Брюссель на заседание Международного социалистического бюро; предполагавшаяся поездка в Италию не состоялась.— *Ред.*

[3] Настоящее письмо — ответ на предыдущее письмо В. И. Ленина к Марии Александровне; дата по старому стилю.

[4] Ныне г. Днепропетровск.

В январе 909-го года мне разрешено воспользоваться трехмесячной научной командировкой — проектирую заняться в Москве бактериологией и чем-нибудь попутно еще.

Что касается всевозможных прогулок, то об этом почаще надо думать вам с Н. К. и Мане, а для меня в этом недостатка нет,— уж что другое, а гуляю-то вдоволь и с ружьем и на велосипеде. Нынешнее лето изъездил на велосипеде по своему циклометру тысячу верст, из которых %-ов 70 по проселкам. Теперь и холодно и грязновато, больше с ружьем, хотя дичи здесь мало и достается не без труда.

Крепко жму руку и желаю получше отдохнуть, привет Надежде Константиновне и Е. В.

Твой *Дм. Ул.*

28 сентября 1908 г.

Послано из Липитино в Женеву.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 181.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

20.X.908 г.

Дорогая Анечка!

Пересылаю тебе Володино письмо по его просьбе; он удивляется, что от Мани нет ответа, поедет ли она в Италию вместе с ним.

Как ваши дела с квартирой? Трудно, должно быть, найти новую?

Как здоровье мамочки, как вы живете и чувствуете себя там?

Вчера вернулся из Хатуни — там была большая интересная операция третьего дня. В четверг, или пятницу пожалуй, придется опять ехать туда на операцию, если нет, то, может быть, приеду к вам на субботу.

Напиши, не осталось ли здесь чего-нибудь из твоих вещей, что нужно захватить с собой.

Погода прекрасная, но на велосипеде бросаю ездить из-за холода.

Пока всего лучшего.

Целую мамочку.

Твой *Дм. Ул.*

20 октября 1908 г.

Послано из Липитино в Москву.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 181—182.

1909 год

В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ

Дорогой Митя! Маняша уже писала тебе о своей болезни. Хочу посоветоваться и я. Доктора нашли у нее воспаление отростка слепой кишки (аппендицит,— кажись, так?). Спросил очень хорошего здешнего хирурга. Подтвердил: аппендицит. Советует операцию. Говорят все, что безопасно и излечивает радикально.

Этот хирург (Dr. Dubouchez) всеми восхваляется. Недавно сделал операцию (ту же) жене приятеля — превосходно; чайная ложка крови; через 8 дней вставать начала. Лечебница хорошая.

Припадок сейчас несильный. Повышения температуры *нет*. Боли не очень сильные. Прошу тебя *немедленно* мне ответить: я склоняюсь к операции, но без твоего совета боюсь решить. *Отвечай немедленно*.

Что операцию сделают здесь хорошо, это несомненно. Ехать куда-либо до операции доктор не советует.

Маме не пишу, ибо боюсь напугать ее зря. Опасности никакой,— Маняша даже не лежит все время,— Анюте тоже не пишу, ибо мама может прочесть.

Напиши, пожалуйста, Марку и — через него (если можно так, чтобы не пугать маму) — Анюте. Но лучше, пожалуй, в Крым не писать вовсе, ибо они перепугаются.

Итак, жду ответа: советуют ускорить операцию здесь. Советуешь ли и ты.

Жму руку. Твой *В. Ульянов*.

Адрес: Mr. Wl. Oulianoff. 24. Rue Beaunier. 24. Франция. Paris (XIV).

Написано в конце июня — первых числах июля 1909 г. Послано на ст. Михнево, Серпуховского уезда, Московской губ.
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 11.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 55, стр. 293.

1910 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

910. I. 16.

Дорогая мамочка!

Как теперь твое здоровье? Аня написала мне по приезде в Москву, а дальше я уже не знаю, как и что,— гуляешь ли ты и поправилась ли вообще? Напиши, пожалуйста. Мое здоровье[1] гораздо лучше,— 11-го сняли повязку, теперь ноге делают массаж и ванну теплую; с 13-го начал ездить в кресле (мне прислали из Сотниково кресло на колесах), только ездить негде; вчера катался по коридору одетый. Теперь буду каждый день после обеда дышать хоть там свежим воздухом.

Вчера был товарищ, который меня лечил, нашел, что поправление идет хорошо,— скоро начну ходить с палочкой.

Аппетит и сон хороший, так вообще здоров.

От Марка получил открытку, где пишет, что остается в Саратове.

Ну пишите, как и что. Целую тебя, будь здорова. Привет нашим[2].

Твой *Дм.*

16 января 1910 г.

Послано из Липитино в Москву.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 223.

---

[1] Зимой 1910 года Д. И. Ульянов, едучи по вызову к больному, попал в аварию: он сломал ногу и вывихнул ключицу.— *О. У.*

[2] Имеются в виду М. И. Ульянова и А. И. Елизарова, которые в это время жили вместе с М. А. Ульяновой в Москве.

13/II. 1910.

Дорогой Митя! Получил довольно давно твое письмо (а потом и «Ниву» с задачкой[1]) и, к стыду моему, опоздал ответом. Как идет твое выздоровление? Надеюсь, врачи-то уже бывают осторожны и не позволяют себе браться за дела раньше полного выздоровления? Я здесь частенько думал об опасности аварий, когда на велосипеде ездил по центру Парижа, где движение дьявольское. Но в деревне, зимой вывалиться так, как ты! Должно быть, лошадь совсем бешеная и езда была бешеная тоже?

Черкни как-нибудь, вполне ли поправился. Анюта писала, что ногу надеются вылечить (вполне ли? можно ли будет ездить на велосипеде?), а плечо нет. Так ли это? Мне что-то не верится, чтобы вообще нельзя было вылечить сломанную лопатку. Надо уже основательно взяться за лечение и вылечиться до конца.

Насчет Маняши думаю, что хорошо бы ей летом отдохнуть подольше. Мама тоже про это пишет, но боится, что не вытащит ее... А следовало бы.

У нас все по-старому. Жизнь тихая. Погода стоит такая хорошая, что я собираюсь взяться опять за велосипед, благо процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля[2].

Жму крепко руку. Выздоравливай скорее и основательнее. Наши все шлют привет.

Твой *В. У.*

Послано из Парижа на ст. Михнево, Серпуховского уезда Московской губ.
Впервые напечатано в 1929 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 11.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 55, стр. 306—307.

---

[1] Речь идет о шахматной задаче Д. И. Ульянова, напечатанной в первом томе «Ежемесячных литературных и популярно-научных приложений к журналу «Нива» на 1909 г.», стр. 533.

[2] В. И. Ленин ехал на велосипеде из Жювизи (под Парижем): он ездил туда смотреть на полеты аэропланов, которыми очень интересовался. На него налетел автомобиль и «...раздавил мой велосипед,— писал он М. И. Ульяновой,— (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с ним (через адвоката)». (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 303).— *О. У.*

В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ

17. II. 10.

Дорогой Митя! Получив твою задачку[1], я чуточку «раззадорился» на шахматы,— а то было совсем, совсем все перезабыл. Не играл, кажись, год, а всего за последние годы сыграл несколько «гусарских» и полугусарских партий. Задачку твою я решил легко. Л. d8—d6. А вот в «Речи» увидел сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился (№ от 1 февраля, № 31 (1269), этюд № 195). Положение такое: белые Кр. g3. К. g1. Сл. е7 и пешки h5 и d3. Черные Кр. е3 и пешки h7, d5 и а2 (т. е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка!

Ну, как идет выздоровление? Вполне ли выправилась нога и лопатка? Скоро ли опять ходить и ездить будешь?

Жму руку. Твой *В. У.*

Послано из Парижа на ст. Михнево, Серпуховского уезда, Московской губ.
Впервые напечатано в 1931 г. в сборнике: В. И. Ленин. «Письма к родным».

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 55, стр. 308—311.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ *

Дорогая Маня!

Открытку твою получил, пишу на маму, потому что не знаю точно твоего адреса. Ты даже на велосипеде ездишь, скажи пожалуйста! Хотел бы я посмотреть, или лучше: вместе куда-нибудь проехать. Мой велосипед уже сделал более $2^1/_2$ тысяч верст,— у меня есть счетчик у колеса; в этом году около 400 верст. Ездить нога не мешает, а много ходить нельзя. Вот если бы попрактиковаться на мотоциклетке (двухколесном моторе), можно и к аэроплану приступить — там ведь очень много сходного и в моторе и в искусстве править[2]. Этой

[1] См. примечание на стр. 154.

[2] Дмитрий Ильич всегда очень интересовался авиацией: читал статьи по теории авиации, бывал на выставках и съездах воздухоплавателей; он мечтал научиться летать на самолете.— *О. У.*

весной катался как-то в Москве на автомобиле,— на шоссе к Петровскому парку, пустили верст 50—60 в час, так черт знает что — ветер как на море, так и рвет. Ну это легче, конечно, и спокойнее, чем на мотоциклете...

Ну, будь здорова, целую тебя.

Твой *Д.*

8 июля 1910 г.

Послано из Липитино в Териоки.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 230.

М. А. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

Дорогой Митя! Письмо мое застанет тебя, вероятно, дома уже... Мы живем попрежнему, и погода, как и раньше была, холодная, сырая, ужасно досадно! Волга прошла, но кажется не совсем очистилась, и легкие пароходы не решаются — как говорят — тронуться, боясь льдин; впрочем сегодня или даже вчера должен был отплыть первый легкий пароход. Марк был вчера на пристани и справлялся, ему предстояла поездка в Астрахань и он предпочел ехать по ж. д...

...Телеграмму твою получили 1-го, сидели за послеобеденным чаем, и тут же принесли письмо от Володи[1]. Он надумал переселиться с семьей на дачу или просто в деревню, подыскать такое местечко, где был бы лес, и купание, и хорошие дороги для велосипедной езды, недалеко от города; думают жить там круглый год: покойнее, здоровее, не так суетно, как в городе, и надеются, дешевле, т. к. в Париже набавляют на квартиры и жизнь дорожает...

...Крепко обнимаю и целую тебя, дорогой мой, будь здоров!

Твоя мама

Аня собирается тоже писать тебе, если никто и ничто не помешает.

Письмо написано в начале апреля 1912 г.

Послано из Саратова в Феодосию.

Публикуется впервые.

---

[1] Имеется в виду письмо В. И. Ленина к М. А. Ульяновой от 7 апреля 1912 г. (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 55, стр. 323).— *О. У.*

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ *

Саратов.
В губернское жандармское управление.
Для Марии Ильиничны Ульяновой

г. Феодосия
912. V. 16.

Дорогая Маня!

На днях получили от мамы известие о твоем и Анином аресте [1], запросили телеграммой ее, не нужен ли приезд Тони [2], ответила, что пока не надо, так как Аню обещали скоро освободить. Где ты там содержишься, в отдельной камере или в общей, и как чувствуешь себя, здорова ли и каковы условия питания? Пиши, пожалуйста.

В Москве я был на обоих съездах [3] и в общем прогулял недели три; даже уезжать не хотелось, особенно в эту паршивую Феодосию. Можешь себе представить, даже в смысле климата — вот половина мая, и здесь все еще холодно, это называется Крым...

От прочей России отличается только тем, что здесь сильнейшие ветры и пыль. Единственно — море, но теперь купальный сезон раньше как через месяц не начнется...

Крепко целую тебя и желаю от души бодрости и здоровья...

Твой *Дм. Ульянов*

Адрес мой: Феодосия, Рукавишниковская ул., д. Мельникова.

16 мая 1912 г.

Послано в саратовскую тюрьму.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 254—255.

---

[1] 7 мая 1912 г. М. И. и А. И. Ульяновы были арестованы; Анну Ильиничну вскоре освободили из тюрьмы, а Мария Ильинична, являвшаяся «центральной фигурой саратовской группы», находилась в заключении полгода; после освобождения была сослана в Вологду.— *О. У.*

[2] *А. И. Нещеретова* — первая жена Д. И. Ульянова.— *О. У.*

[3] Д. И. Ульянов был участником съезда бактериологов и эпидемиологов и совещания по санитарным и санитарно-статистическим вопросам.— *О. У.*

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ *

г. Саратов. В губернское жандармское управление, для Марии Ильиничны Ульяновой

г. Феодосия
912.VII.21.

Дорогая Маня!

Вчера получил твое письмо, пересланное мне Аней, спасибо за весточку. Ты совершенно напрасно игнорируешь мои указания насчет гимнастики, ходить по камере мало, нужно давать ежедневную систематическую работу плечевому поясу и груди, а ходьба, да еще в таком помещении, этого дать не может. А что касается до того, что это скучно, это предрассудок — нужно только первые дни себя заставить, а там постепенно это входит в потребность.

Против моей квартиры устроили этим летом 2 площадки для подвижных игр и для соколиной гимнастики. Хорошая вещь; душа радуется смотреть, что детишкам предоставляется возможность проводить по 3—4 часа за играми и гимнастикой. Играют в лаун-теннис, футбол, крокет. Я только смотрю на них в бинокль с балкона, хотя на даче у знакомых иногда и сами устраиваем партию в крокет; борьба обычно идет отчаянная, и страсти разгораются, помнишь, как у Кедровой в Подольске [1] мы играли, так же и тут, по всем правилам искусства. В шахматы почти совсем не играю, не с кем, чаще играем в преферанс, когда составляется компания.

Ты рассказываешь про какую-то утопию, попроси Аню прислать тебе «Машину времени» Уэллса, тоже утопия, только другого характера, через 800 000 лет! Вырождение человечества, солнце меркнет, люди забыли даже пользование огнем. В общем, конечно, чушь, но фантазия богатая.

Крепко целую тебя и желаю здоровья и бодрости.

Твой *Дм. Ульянов*

21 июля 1912 г.

Послано в саратовскую тюрьму.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 279.

[1] В доме Кедровой в Подольске Ульяновы жили в 1900 году.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анечка!

Давно не было писем от вас, мама писала, что вы ищете новую квартиру, поэтому я пишу на Марков адрес. Из Москвы мне писала Даша, моя липитинская прислуга, что ее вызывали в июле в жандармское и допрашивали, кто у меня бывал, какие у меня были книги, не раздавал ли я кому-нибудь книг, когда бывала Анна Ильинична, не привозила ли книг и тому подобное. Кажется, о том же допрашивали Марфу Ивановну, от нее еще не имею письма. В чем дело, не понимаю. Уже больше года как я здесь, а они меня не забывают... Всего лучшего. Пиши.

Твой *Дм.*

31 июля 1912 г.

Послано из Феодосии в Саратов.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 282.

1914 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

г. Вологда. Московская ул., д. Самарина, кв. 3. Марии Александровне г-же Ульяновой

Москва, 914.I.13.

Дорогая мамочка!

Сегодня приехал в Москву. Обстоятельства дома сложились так, что не мог выехать раньше. Завтра пойду на курсы[1], а послезавтра с утра начало занятий. Постараюсь приехать, хоть денька на 2, на масленицу.

Очень сожалею, что так вышло, но неожиданно свалилась работа по юбилейному сборнику[2], даже часть сюда привез. Комнаты еще не искал, пойду завтра с утра. Крепко целую тебя и Маню, не сердитесь, что надул вас.

Ваш *Дм. Ульянов*

Пока можно писать: Поварская ул., бактериологический кабинет д-ра Диатроптова — мне.

13 января 1914 г.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 306.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ *

15.VIII.1914.

Дорогая Анечка!

...Как теперь здоровье мамы, отсюда трудно судить о рецептах, которые ты мне посылаешь, тем более что письма идут очень долго. Надеюсь, что ты написала мне

[1] Д. И. Ульянов ездил в Москву на курсы врачей.— *О. У.*

[2] Д. И. Ульянов готовил статью: «История и настоящее положение медицинского дела в Феодосийском уезде Таврической губернии» для юбилейного земского сборника.

еще о ее здоровье, а когда получишь это письмо, может быть, она уже вполне поправится, пишите...

Очень бы хотелось верить, что известие то в Р. С.[1] оказалось неправильным, если ты что-нибудь выяснила, пожалуйста, напиши.

Крепко целую тебя, Маню и маму и желаю здоровья.

Твой *Дм. Ул.*

Адрес: Севастополь. Старшему ординатору 2-го крепостного госпиталя Д. И. Ульянову.

15 августа 1914 г.

Послано из Севастополя в Вологду.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 334—335.

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ

Вологда. Московская ул., дом Самарина
Марии Ильиничне Ульяновой

25.IX.

Дорогая Маня! На днях получил радостную весть[2] от Марка, чуть ли не на свои именины. И от вас от всех поздравление — спасибо большое. Пиши, как будете устраиваться дальше, как насчет Петрограда? Как здоровье мамы? Пиши больше. Крепко целую тебя и мамочку и Аню, если она еще у вас. Будьте здоровы.

Дмитрий Ульянов

Собираюсь скоро летать на аэроплане, если возьмут меня.

25 сентября 1914 г.

Послано из Севастополя.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 339.

[1] В буржуазной газете «Русское слово» от 8 августа 1914 года говорилось об аресте В. И. Ленина в г. Кракове.— *О. У.*

[2] Дмитрий Ильич узнал об освобождении В. И. Ленина из-под ареста в г. Новы Тарг и о выезде его из Кракова в Швейцарию.— *О. У.*

М. А. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

19 июня 1915 г.

Дорогой Митя, пишу тебе на даче, куда мы переехали из Петрограда на летние месяцы, а Марк уехал по службе на 3 месяца: в Кавказ, Владикавказ, Ростов-на-Дону и прочие места; интересная поездка, он писал нам уже из Владикавказа. Дачей мы довольны, ...есть садик, кругом все зелено, сосновый лес недалеко, собираем грибы, есть и земляника. Недалеко от дачи речка, но о купании пока не думаем, были холодные дни, но со вчерашнего дня стало теплее. От Мани получаем редко письма, что очень жаль... и грустно, отряд их перекочевывает часто, зовем ее к нам отдохнуть, всей душой буду рада, если приедет... Но ответа от нее не получили...

На днях было большое письмо от Вольдемара [1], они переехали по совету врача в другую местность более гористую, т. к. Надя опять болеет базедовой болезнью. Местность высокая: 1110 метров выше уровня моря, советуют Наде дышать горным воздухом. Устроились там хорошо — и квартира, и полный пансион, очень дешево, вполне довольны, шлют тебе привет...

...Сообщу тебе адрес нашей дачи: *Станция Лыкошино Николаевской* жел. дороги, дача Феодора Иванова [2]...

...Скажу до свидания, дорогой Митя, рада была бы повидаться с тобой!! Аня шлет тебе крепкий поцелуй. Будь здоров и пиши больше, буду очень рада, давно не имела вести от тебя.

Твоя мама

Послано из Лыкошина (под Петроградом) в Севастополь.

Публикуется впервые.

[1] В. И. Ленина.— *О. У.*

[2] Из Петрограда 4 ч. езды по ж. д. и 20 м. дойти до дачи.— *Прим. М. А. Ульяновой.*

А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

25/XII. 15 г.

Дорогой мой Митусик!

С праздником тебя, дорогой мой! Прости, что запоздавно посылаю это приветствие,— завертелась немного перед праздниками, тем более, что мама была больна: был у нее бронхит сильный, так что врач думал даже, не воспаление ли.

...С Володей переписываюсь теперь довольно часто. Он здоров и работает много; пишет, что скучает без русских газет и книг, которых видит мало. Может быть, у вас есть более интересная газета, которую ты по прочтении мог бы отправлять ему бандеролью? Если интересная, левая. Выписываю ему «Речь» и журнал какой-нибудь выпишу...

...До свидания, мой дорогой, не удастся ли весной? Пиши же, пожалуйста, ты давно нам не писал.

Целую, *Анна*

25 декабря 1915 г.

Послано из Петрограда в Севастополь.

Публикуется впервые.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ *

1916.VII.30.

Дорогая Анечка!

Удивительное дело у нас с перепиской, уже больше не буду писать на ваш дачный адрес, а только на Марка. А телеграмму о смерти мамочки[1] я так и не получил; только ту получил, что была подана 17 июля, вероятно, в ответ на мое письмо от 13 июля, где я спрашивал Марка о маминой болезни.

Жду письма от тебя более подробного о последних днях.

Мне рассказывала В. (видел ее на днях в Феодосии, куда ездил на 2 дня), что мамочка была почти все время болезни без сознания. А от тебя я, кроме открытки, ничего не получал. Пожалуйста, напиши. На днях слушал на Приморском бульваре попурри из «Травиаты». Эта музыка так мне напомнила маму, что я все время о ней думал и вспоминал, как она играла эту оперу на рояле...

Крепко целую тебя, Маню и Марка.

Твой *Дм. Ульянов*

30 июля 1916 г.

Послано из Севастополя в петроградскую тюрьму.

Печатается по книге: «Переписка семьи Ульяновых», стр. 421—422.

А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

21/VIII. 16 г.

Дорогой мой Митя!

Только вчера получила я твое письмо от 30/VII, пересланное мне сюда! Это первое известие, что я имею от

[1] Мария Александровна умерла 12 июля 1916 года.

тебя после маминой смерти. Так рада была хотя маленькой весточке от тебя! Пиши, пожалуйста, мне сюда. Хоть и туго пишется в моих теперешних условиях,— знаю по себе,— но зато еще радостнее иметь вести. Писать можно или на Марка с передачей или прямо сюда, на Охранное Отделение. Как хочешь. Сегодня как раз месяц моему заключению; но вчера я получила бумагу из Охранки, что оно продлено до окончания дела обо мне.

Обо мне ты, пожалуйста, не беспокойся. ...Не думая о том, что вот я «в тюрьме», пиши мне откровенно, что ты думаешь о маминой болезни, о возможных ошибках в лечении ее. Вообще о ней. Я буду очень рада...

...Пока до свидания, мой дорогой! Крепко обнимаю и целую тебя и прошу тебя горячо — теперь и за себя и за маму — беречь свое здоровье...

Твоя *Анна Елизарова*

21 августа 1916 г.

Послано из петроградской тюрьмы в Севастополь.

Публикуется впервые.

А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

1.IV.1917.

Дорогой мой Митек!

Послала тебе как-то открытку (в ответ на твою). Получил ли ты ее? Письма идут очень медленно...

...Вспоминаю прошлый год, когда мы видались. Вообще так грустно сегодня, когда вспомнишь прошлый год... От В-ди[1] было письмо, что никак не проехать теперь[2]. Волнуется он там и рвется сюда. Намечает один путь. Все же приедет, я думаю, в более или менее скором будущем. Переселяйся и ты тогда в Питер или Москву...

Твоя *Анна*

1 апреля 1917 г.

Послано из Петрограда в Севастополь.

Публикуется впервые.

---

[1] В. И. Ленина.— *О. У.*

[2] Анна Ильинична имеет в виду возвращение Владимира Ильича в Россию.— *О. У.*

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ

11 мая — Симферополь.

Дорогая Маня,

пользуюсь случаем, чтобы написать вам всем о моей жизни и работе здесь в Крыму.

В начале апреля я жил в Евпатории и вошел там в Ревком... В конце апреля меня перетащили в Симферополь тов. Гавен и др. Он знал меня по работе с прошлого года, и я должен был остаться в Симферополе Наркомом здравоохранения и обеспечения.

Затем приехал Ворошилов, Муранов и другие, и мы имели несколько частных организационных заседаний по составу Крымского временного Совнаркома. Вследствие болезни Гавена, приковавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастопольским и симферопольским рабочим и матросам.

Временно, за неимением лучшего, посадили меня — в ожидании сильного кандидата с севера от вас.

Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от вас и Киева сядем на мель — полное отсутствие денег и т. п.

О своем плане по курортному делу пишу Зиновию Соловьеву, на завтра созываю совещание товарищей и специалистов врачей, так что общего доклада и сметы представить пока не могу.

О делах расскажет т. Вульфсон [1].

У меня самочувствие великолепное, работа бодрит. При вашей поддержке будем налаживать курортную работу, после нескольких лет разгрома и хищений находя-

---

[1] *С. Д. Вульфсон* — Нарком продовольствия в Крымском Совнаркоме.— *О. У.*

щуюся в жалком состоянии. И устроим настоящую пролетарскую здравницу для всей Советской России, использовав все лечебные ресурсы Крыма.

Крепко целую тебя, Аню и Володю, привет и пожелание здоровья Н. К. и всем вам. Печальную весть о Марке узнал недавно[1], она как громом поразила меня.

Твой *Дмитрий*

PS Передай Володе, что в Евпатории в лучшей санатории у самого берега моря я приготовлю ему помещение, чтобы он хоть 2—3 недели мог отдохнуть, покупаться и окрепнуть. Там есть у нас все приборы для электро-гидро-механо- и гелиотерапии, и можно полечить ему руку. Тем более, что он никогда не видел нашего Черного моря. Надеюсь, что к тому времени море будет вполне наше без английских жандармов. Вероятно также Надежде Константиновне, Ане и тебе следовало бы подумать хотя бы о небольшом отдыхе, чтобы потом приняться за работу со свежими силами.

Ане напишу при первой оказии, крепко целую ее и вас всех.

Тв. *Дм.*

При первой возможности приеду в Москву, очень хотелось бы видеться...

Будь здорова, до скорого свидания.

11 мая 1919 г.

Послано из Симферополя в Москву.

Полностью публикуется впервые.

Д. И. УЛЬЯНОВ — В. И. ЛЕНИНУ *

Москва. Совнарком. Ленину

Провозглашая создание Крымской Социалистической Советской Республики, Советское Временное Рабоче-Крестьянское Правительство Крыма обращается с ком-

[1] Д. И. Ульянов узнал о том, что 10 марта 1919 года умер М. Т. Елизаров.— *О. У.*

мунистическим приветом к братским социалистическим республикам России, Украины, Венгрии, Баварии и Литвы, а также ко всему международному коммунистическому пролетариату и выражает полную решимость бороться в тесном союзе со всеми советскими республиками до полного торжества мировой коммунистической революции...

За Председателя Совета Народных Комиссаров —
Д. И. Ульянов

Печатается по книге «Борьба за Советскую власть в Крыму». Крымиздат, 1961, стр. 151.

Д. И. УЛЬЯНОВ — В. И. ЛЕНИНУ

Телеграмма

Москва, Кремль, Ульянову

14 февраля прибыли Александровск [1]. Выезжаем Мелитополь, где предполагаем вести местную работу до продвижения месту назначения. Денег взяли мало. Чрезвычайно необходимо подкрепление. Здесь всюду ощущается острая нужда в денежных знаках, что задерживает подвоз топлива, борьбу тифом. Просим наркомфин срочно выслать нам не менее ста миллионов. Все здоровы, шлем привет.

Дмитрий Ульянов

Начало февраля 1920 г.

Печатается по книге: *С. Я. Чикин.* Д. И. Ульянов. М., Изд. «Медицина», 1970, стр. 101.

[1] Ныне г. Запорожье.

МОСКВА, НАРКОМЗДРАВ, СЕМАШКО

Копия — Ленину

Телеграмма*
(По прямому проводу)

Получил декрет Совнаркома от 24 декабря[1], который разъясняет дело и укрепляет наше положение. Необходимым считаю, чтобы Вы в развитие этого декрета подчинили мне местный Губздравотдел, потому что, несмотря даже на этот декрет, они продолжают смотреть на дело с высоты своей Крымской колокольни. Это нужно сделать немедленно в самой категорической форме, иначе на каждом шагу мы будем встречать недопустимые помехи со стороны местных властей, не охватывающих вопрос в том объеме, как этого требуют интересы дела и определенное и ясное указание центра. Параллельно с этим необходимы директивы Наркомздрава с местными Крымскими органами о безусловном подчинении их интересов общим заданиям Республики... Необходимо Ваше вмешательство на основании последнего декрета от 24 декабря... Жду Вашего категорического и авторитетного вмешательства в общее дело...

5 января 1921 г.

Печатается по книге: «Ученые записки», т. VI, Кустанай, 1961, стр. 148.

Н. А. СЕМАШКО — Д. И. УЛЬЯНОВУ

Симферополь, Крымревком, копия Областкомпарт.

Прошу строжайше предложить Заведующему Здравотделом всячески помогать Управлению курортами под-

[1] Декрет Совнаркома «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» был подписан В. И. Лениным.

готовке приема, размещения, лечения прибывающих больных рабочих Москвы и Петрограда. Необходимо принять самые срочные меры, ибо больные прибудут 20 января. Нужно обеспечить автотранспортом, помещением, продовольствием, топливом согласно декрета СНК. Если заведующий здравотделом не понимает этих основных общегосударственных обязанностей перед трудящимися Республики, очень прошу назначить другого...

Наркомздрав *Семашко*

12. I. 1921 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 52, стр. 358.

В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ

Симферополь, Крымревком, для Дмитрия Ульянова

Получил копию твоей телеграммы Семашке и копию его ответа тебе. Прошу сообщить, заметно ли улучшение.

Ленин

Написано 13 января 1921 г. Впервые напечатано в 1945 г. в Ленинском сборнике XXXV.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 52, стр. 47.

З. П. СОЛОВЬЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ

Дорогой Дмитрий Ильич!

Вопрос о врангелевских складах медицинского имущества разрешен мною следующим образом. Ввиду необходимости в центре в ряде предметов и медикаментов (например, сальварсан) мною отдано распоряжение начсанчасти южфронта т. Бурштыну и председателю трофейной медицинской комиссии т. Абрамову произвести самый точный учет всего имущества и представить сюда списки. На основании этих списков мы, учитывая нужду курортного управления, решим, какая именно часть имущества может быть эвакуирована в Москву и что может быть оставлено в Крыму. Думаю, что вопрос будет решаться почти исключительно в отношении медикаментов, предметы же госпитального

оборудования, по-видимому, за редким исключением, останутся в Крыму, в распоряжении курортного управления... Сергеенко, друг Л. Н. Толстого, обращался ко мне с просьбой устроить в Крыму санаторий имени Л. Н. Толстого. Я этому сочувствую и остановился на имении Паниной «Гаспра», где Толстой долго жил и написал «Хаджи Мурат». Дом Паниной, насколько я его помню, подходит для санатория. Просьба: немедленно обследовать это дело и сообщить мне о пригодности зданий под санаторий. Думаю, что можно было бы к этому санаторию присоединить в качестве его отделения имение Юсупова в Кореизе,— это недалеко.

Вот, кажется, все.

Буду ждать ответа.

З. Соловьев

10 января 1921 г.

Послано из Москвы в Симферополь.

Публикуется впервые.

В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ

Дмитрию Ильичу Ульянову

Губкин (Главнефть) и Ломов (член Президиума ВСНХ) просят меня поддержать их просьбу, что и делаю:

Оказать содействие геологу *Мушкетову* (директору Петроградского горного института) вывезти его мать из Крыма, где она терпит большую нужду.

Если нужно, телеграфируй мне, и я дам отсюда еще телеграмму, какую нужно.

Привет!

В. Ульянов (Ленин)

Написано 6 апреля 1921 г. Впервые напечатано в 1932 г. в Ленинском сборнике XX.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, том 52, стр. 131.

М. И. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

31/X. 1930.

Дорогой Митюша!

Спасибо тебе за твое ласковое письмо, которое получила сегодня. Открытку тоже получила и написала в тот же день. Твои проекты, конечно, очень заманчивы, но, увы, не для меня. Мне надо устраиваться с работой и прочими делами — все еще темна вода во облацех — а без этого и отдых на ум не идет. А Наде, конечно, и заикаться нечего о поездке — бесполезно. Она влезла в работу вовсю, удивляюсь, как ее хватает на работу целыми днями, с утра до вечера. Кроме того, у меня все еще не кончены мои работы по Институту [1]: не закончены письма и работа для Ленинского сборника. Надо писать предисловие, держать корректуру и пр. Куда же тут поедешь?

Это хорошо, что в Кисловодске теплая погода, и вам можно пользоваться воздухом. Здесь тоже, в общем, погода недурная, хотя и бывают дождливые дни, но больше сухих и холодов еще нет.

Напиши как-нибудь Ане, а то она огорчается, что ты ей не пишешь...

Крепко целую тебя.

Твоя *М. У.*

31 октября 1930 г.

Послано из Москвы в Кисловодск.

Публикуется впервые.

---

[1] М. И. Ульянова вместе с А. И. Ульяновой-Елизаровой готовила к печати «Письма к родным» В. И. Ленина и Ленинский сборник.— *О. У.*

1935 год

М. И. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

22/X

Дорогой Митюша!

Сегодня уезжаем в Ленинград, решила выполнить желание Анички и похоронить ее на Волковом кладбище...

Теперь нас осталось только двое. Береги себя, родной, очень прошу...

Крепко целую тебя, дорогой. Пиши. Ляля здорова. Целую Шуру...

Твоя *М. У.*

22 октября 1935 г.

Послано из Москвы в Сочи. Публикуется впервые.

Н. К. КРУПСКАЯ — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

Дорогой, родной Дмитрий Ильич! Умерла наша Маняша. Не звонила Вам потому, что было очень уж тяжело, да и врачи, по обыкновению, говорили по-разному...

Теперь надо составить ее биографию, собрать все воспоминания, составить сборник. Без Вас этого нельзя сделать, Вы лучше всех, ближе всех ее знаете. Глубокая партийка, она отдавала себя всю работе, всю без остатка. Надо сохранить для истории ее образ, ее облик.

Надо все собрать; на Вас ложится сейчас большая задача. Поговорим об этом деле с Вами при свидании.

Крепко Вас обнимаю. Берегите себя.

Ваша *Н. К.*

12 июня 1937 г.

Публикуется впервые.

А. И. ЯКОВЛЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

1937—6—13.

Милый Митя,

только что узнал из газет о страшном ударе, Вас постигшем. Кончина Марьи Ильиничны подкралась с такой молниеносной быстротой, что сразу не соберешься с мыслями. Передо мной развертывается вся перспектива прожитых 50 с лишком лет: и Ваши дом и сад на Московской ул.[1], и лаборатория Александра Ильича, и

[1] В Симбирске.

страшный удар 1887 г., потом Собачья площадка, Смоленский рынок, Бахметьевская[1], Carouge в Женеве, Кремль...

Удар жесток, но и силы Вашей Ульяновской породы велики. Крепко тебя обнимаю и желаю тебе бодрости и твердости духа перенести ужасное несчастье... Да послужит Вам утешением то, что образ Марьи Ильиничны неизгладимо врезан в летопись мировой революции возле имени ее великого брата.

Крепко тебя обнимаю

Твой *Ал. Яковлев*

13 июня 1937 г.

Москва.

Публикуется впервые.

---

[1] В Москве, где жили Ульяновы.

З. П. КРЖИЖАНОВСКАЯ — Д. И. УЛЬЯНОВУ

6.IV. 38.

Дорогой Дмитрий Ильич!

Глеб Максимилианович получил запрос от Куйбышевского областного музея революции по целому ряду нужных им сведений. Мы далеко не на все вопросы можем дать ответ, и я обращаюсь к Вам за помощью и содействием. Вот основные их вопросы:

1. Не можете ли указать улицу и номер дома (или хотя бы внешнее описание этого дома и квартиры), где проживала семья Ульяновых в 1902—03 годах?

2. Где в это время работали (в каких учреждениях Самары) члены семьи Ульяновых?

3. Нельзя ли указать точно или приблизительно даты их приезда в Самару и отъезда за этот же период?

4. Не сохранились ли у Вас фото этих лет или около этого времени? Фото после снятия копий будут немедленно возвращены.

5. Не сохранилось ли у Вас каких-либо писем, документов, листовок, черновиков и пр. за этот же 1902—03 гг.?

Там есть еще ряд вопросов, относящихся уже к нам лично, а вот на эти 5 вопросов я совсем не могу ответить.

Если у Вас сохранилось в памяти что-нибудь, относящееся к этому периоду, черкните, пожалуйста, и я все это переправлю сейчас же туда. Ваше сообщение было бы крайне важно, конечно. Ведь самарцев того времени почти никого не осталось, и материалов этого периода совсем нет, а между тем время было интересное.

Жму руку. Шлю сердечный привет от себя и от Глеба. Как Вы там поживаете? Можно ли когда-нибудь навестить Вас?

З. Кржижановская

Публикуется впервые.

А. И. ЯКОВЛЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

1940—4—22

Милый Митя,

в эти дни, когда читаешь в газете воспоминания и рассуждения о Владимире Ильиче, а кругом себя слышишь непрерывно разговоры о нем, переносишься мыслью к далекому-далекому прошлому 80-х годов, о которых мы каждый раз вспоминаем с тобой при встречах.

...Много лет после страшной весны 1887 г. или, вернее, после лета этого года, когда семья Ульяновых покинула Симбирск, я проходил мимо коричневого домика на Московской улице всегда с особым, грустным чувством чего-то милого, дорогого и навсегда потерянного. Открывал калитку, смотрел на заросший гусятником двор, на покрытые ярким зеленым мохом крыши дворовых служб, на стену акаций, которыми начинался садик, выходивший на Покровскую улицу, и в котором так часто мы играли... Как неприятно меня поразило, когда однажды, через несколько лет, я увидел, что со стороны Покровской улицы происходит вырубка дальнего конца сада, проданного другому владельцу и им застраиваемого.

Семь лет моей постоянной мечтой была встреча с тобой, моей первой любовью,— ибо иначе, как влюбленностью, мое отношение к тебе и не могу назвать,— когда осенью 1894 г. я получил неожиданно от тебя из Самары первое письмо, на которое ответил с радостью, но как-то неумело, чем-то вроде притчи о том, что радуюсь возобновлению дружбы, но боюсь, достоин ли я ее. Дело в том, что тогда я уже понимал, что и по возрасту и по развитию стою гораздо ниже тебя и не могу и не хочу претендовать на то, чего я не замечал в свои 8 лет,— на *равенство* в наших отношениях. Хорошо помню, как я сочинял это письмо и так намудрил в нем,

что ты или не понял меня или, вернее, не захотел понять меня и ответил мне шутливым и добродушно-товарищеским призывом к возобновлению старой дружбы. Может быть, помнишь мою неуклюжую фразу о кафтане, из которого человек вырос, и он может ему оказаться мал...

Ваш дом, несмотря на мои детские годы, был и остался для меня школой истинной благородной светскости, состоящей в изумительной, отличавшей всю Вашу семью деликатности в личных отношениях, какого-то удивительного врожденного такта и тонкой чуткости, того природного джентльменства, редкого, конечно, везде, но редчайшего в русских условиях. Вот это, свойственное всем членам Вашей семьи, прирожденное дарование, особенно яркое в Александре Ильиче, и влекло меня, как магнит иголку, к Вашей семье тогда, когда я не имел никакого житейского опыта и 7—8-летним мальчиком мог только инстинктивно чувствовать прелесть атмосферы Вашего семейного круга, в котором меня все притягивало. От Ильи Николаевича еще шло то доброжелательно-сочувственное отношение и к деятельности моего отца [1], и к его народу, долго еще потом третировавшемуся (сколько вспоминается тому примеров!) всяческими ничтожествами со светлыми пуговицами...

В небольшом домике на Московской улице, наоборот, господствовала и выражалась в массе проявлений другая настроенность: глубокого и органического уважения ко всякому человеку и ко всякому народу, полное отсутствие отвратительной проказы русского «общества» — барской заносчивости и претенциозности. Тогда в 1880-х годах я это мог, конечно, только чувствовать инстинктом, ибо никакой другой семьи, кроме своей, я и не знал; но потом, умудренный житейским опытом многих десятилетий, я понял, что я с самого раннего детства попал в удивительный и редкий оазис высокой нравственной культуры, проникнутой высшей и благороднейшей формой природного гуманизма, украшенного образованием и школой, соединявшей и литературу, и музыку.

---

[1] *И. Я. Яковлев* (1848—1930) — известный чувашский педагог-просветитель, писатель и переводчик, друг И. Н. Ульянова.— *О. У.*

В этот... день, когда Вы вспоминаете Владимира Ильича, мне и захотелось сказать тебе, как глубоко я ценил и ценю счастье общения с Вашей семьей и, ближе всего, с тобою, так крепко и горячо мною любимым.

Много-много воспоминаний теснятся в сердце и в голове, но разве их передашь все в словах! Не говорю уже о тех бесчисленных и неоцененных формах внимания, поддержки и защиты, которыми я и мои пользовались от тебя и Вашей семьи в последний период жизни!..

Привет Александре Федоровне и Оленьке. Крепко тебя обнимаю.

Твой *А. Яковлев*

22 апреля 1940 г.

Москва.

Публикуется впервые.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ *

Ульяновск, 9.IX.1941 г.

Дорогой Лёля! Твое письмо от 29.8 получил вчера, большое спасибо тебе за него, а также за няньчанье с Олей, она очень рада книгам. Ходит ежедневно по утрам во Дворец книги в читальню и там работает. Бедняжка, я так ухватился тогда за Ульяновск, что не подумал о ней и о Казани — там бы она продолжала работать в Университете и не теряла года...

Симбирск — близкий сердцу, хотелось опять побывать в доме на Московской улице! Впечатление там очень сильное, карта Европы также висит в столовой [1]... Да и город весь — все то же, что и в 87 году,— деревянные домики, поросшие мхом в буквальном смысле слова, и медленно гниют, как бы тлеют. В таком домике расположились и мы теперь — тоже историческое место, дом бывший Прибыловского на Стрелецкой улице, покрашенный в зеленую краску. Флигеля во дворе дома уже нет, должно быть, умер естественной смертью. Теперь это не Стрелецкая улица, а *ул. 25 октября, д. № 15.* Вот тебе и адрес, по которому, надеюсь, что черкнешь как-нибудь на досуге...

Целую тебя, привет от меня и всех наших О. П. [2], Иве [3] и Оле [4].

Твой *Дм. Ульянов*

9 сентября 1941 г.

Послано из Ульяновска в Москву.

«Ученые записки». Выпуск XL, стр. 246.

[1] Эта карта была знакома А. И. Яковлеву еще с детских лет, когда он маленьким мальчиком бывал в семье Ульяновых.— *О. У.*

[2] Ольга Петровна Яковлева — жена А. И. Яковлева.— *О. У.*

[3] Иван Алексеевич Яковлев — сын А. И. Яковлева, профессор.— *О. У.*

[4] Ольга Алексеевна Яковлева — дочь А. И. Яковлева, историк.— *О. У.*

А. И. ЯКОВЛЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ *

1941, 29 сентября

Милый мой Митя,

вчера получил твое и Оличкино письмо от 9/9 — не быстро! Спасибо за описание твоих ульяновских — симбирских впечатлений. Понимаю, как тебя взволновало посещение дома на Московской улице[1]: я сам всю жизнь не мог проходить мимо этого дома без волнующих меня воспоминаний, самых сильных воспоминаний моего детства. И это через 35 лет! — последний раз я был в Ульяновске еще в 1922 г. Меня тронуло то, что ты вспомнил и карту Европы, висевшую в 1887 г., по которой я в первый раз, вероятно, сам прочитал это слово на карте. Какую надо было иметь чуткость, чтобы в Вашей семье сохранилось воспоминание от этого крошечного эпизода с чужим мальчиком, а ведь и Анна Ильинична не раз вспоминала, не так давно, этот случай в наших разговорах, а теперь вспомнил и ты. Моя мать не раз мне говорила о том, что Мария Александровна всегда с особой лаской относилась к ее детям, и особенно ко мне. Екатерина Алексеевна вспоминала это через 50 лет! С таким же добрым воспоминанием я встретился и у Владимира Ильича в 1918 г.: он сам стал вспоминать мою мать такой, какой она была в 1887 г.

Сладкая дань прошлому... Последнее время я все чаще и чаще возвращаюсь к этому прошлому и перебираю в памяти далекие дни, когда и Александр Ильич, и Владимир Ильич были для нас Сашей и Володей...

...Вашего домика № 15 не представляю себе,— где он, если идти от быв. гимназии? Анна Ильинична — и то меня стыдила за это незнание.

Крепко обнимаю.

Твой *А. Яковлев*

Послано из Москвы в Ульяновск.

Публикуется впервые.

---

[1] Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске.— *О. У.*

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ *

1941.10.10

Дорогой Лёля!

Как ты не можешь вспомнить дом, в котором мы живем, дом бывш. Прибыловского? Ты, я вижу, не вспоминаешь улицу бывш. Стрелецкую. От гимназии идешь прямо по направлению к Шатальной и как переходить последний бульварчик *перед Шатальной,* налево *ярко-зеленый домик с такими же воротами,* 2-х-этажный, деревянный. Вот и все! Если знаешь этот домик, то вспомнишь, конечно.

Очень рад, что в Москве стало спокойнее, очень желаю ото всей души тебе полного здоровья...

Крепко жму руку. Жена кланяется всем.

Твой *Дмитр. У.*

10 октября 1941 г.

Послано из Ульяновска в Москву.

«Ученые записки», стр. 247.

1942 год

Д. И УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ *

Ульяновск, ул. 25 окт., д. 15

5.V.1942 г.

Дорогой Лёля! Твое письмо от 12.4 получил — спасибо большое за него. Скверно, что ты все хвораешь. За посланные твои воспоминания о В. И.[1] — спасибо. Те твои работы, которые у тебя на ходу, пожалуйста, пришли мне. Если тебе удастся достать лишний экземпляр книги «В. И. Ленин. Краткий очерк жизни и деятельности», издание ИМЭЛ-а, пожалуйста, вышли...

...Крепко жму руку.

Твой *Дм. Ульянов*

Послано из Ульяновска в Москву. — «Ученые записки», стр. 250.

А Г. РУСАНОВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ

г Ульяновск.
Новый Венец, 8, Мед. Институт.

22.XII.42.

Дмитрий Ильич! Вам, старый мой друг, хочется узнать, что я думал и что чувствовал в доме Ульяновых — в Музее Ленина.

Наверно, это было в декабре 1893 г., т. е. без малого полвека назад, когда я впервые попал в Вашу квартиру, помнится где-то в районе Садовой и Курского вокзала. Я невольно вспоминал и сравнивал обе квартиры, когда охваченный прошлым переходил из комнаты в ком-

[1] Речь идет о воспоминаниях А. И. Яковлева «Четыре встречи с В. И. Лениным», опубликованных в «Историческом журнале» № 1—2, 1942.— *О. У.*

нату, подолгу останавливаясь перед портретами, белыми кроватками, книгами — ничего лишнего в этой простой рабочей жизни интеллигентной семьи. Но здесь ярче по сравнению с Москвой прошлое семьи; я долго, с невыразимо тяжелым чувством, стоял перед портретом Александра Ильича... И этот ужасный двор Шлиссельбурга, где так жестоко, безжалостно оборвали грязные руки молодую жизнь. Этот призрак мученика жил и тогда в Москве в душе каждого из Вас, хотя о нем и не говорили с посторонними никогда,— и я вдруг ясно осознал это, вспомнил ту острую ненависть к царизму и ко всему проклятому строю, которая вечно жила во всей Вашей семье. Помните, как нас с Вами, юношей столь различных в то время, именно это чувство связало тесной дружбой, несмотря на то, что я в те времена был мечтательный толстовец. Как остро я снова понял Марию Александровну, образ которой, полный внутренней скорби, не раз вспоминался мне потом. Ваших сестер — наши споры с Анной Ильиничной — и в них всегда тень ушедшего брата (я тогда не понимал этого). Но дом Ленина — кто бы думал тогда в Москве, во всем мире, что это и колыбель новой жизни, это и светлое будущее, это и развязка, и возмездие.

Вы помните, как я видел «Володю»: чай за скромным дубовым столом в Москве, невысокая фигура, сосредоточенный взгляд проницательных глаз, чуть заметная спокойная улыбка. У меня осталось впечатление, что и тогда уже все Вы видели в нем особенного человека. Помните, Вы сказали: «Володя приехал», понизив голос.

Дом-музей я знал хорошо и раньше; у меня в Воронеже была книжка, были и письма родным В. И., воспоминания о нем, его книги — все это, как и все книги и фотографии, мои пенаты, все это погибло в Воронеже. Мы с Лидией Александровной[1], дочерью и двумя внуками ушли в чем были...

И вот я в Ульяновске; я живу в двух шагах от дома, где родился В. И., и каждый день в госпиталь хожу мимо, вот площадь с его памятником, крутой спуск вниз, колючий садик и против него в бывшем здании когда-то какого-то духовного училища — мой госпиталь; на плечах — серая шинель с тремя шпалами. Старики

[1] Жена А. Г. Русанова.— *О. У.*

любят уходить в прошлое, часто ухожу и я и часто думаю о Вашей семье, жизни, гимназии, вспоминаю директора — помните Ваш рассказ: преступники, цареубийцы,— и твердо знаю — новое, созданное Владимиром Ильичем, победит, победило уже, и хочется видеть полный разгром фашизма своими глазами, и душою хоть и стары, а доживем.

Кем стал старый друг, узнаете из моей книги «Лечение ран», 1940 г., если попадется. Как жаль, все собирался послать, а теперь — остались экземпляры в Воронеже.

Ваш *А. Г. Русанов*

Послано из Ульяновска в Куйбышев.

Публикуется впервые.

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ *

Куйбышев, 1943.II.25.

Дорогой Лёля!

Твое письмо от 16.I.43 г. получил. Перед тем за несколько дней получил и бандероль с биографией Ньютона...

...У меня к тебе опять просьба: переехал из Воронежа в Симбирск мой университетский товарищ Русанов А. Г. Он профессор-хирург. Мединститут переведен временно в Ульяновск из Воронежа. Русанов вынужден был бросить весь свой дом на разграбление немцев и уйти пешком в чем был с женой и парой внучат... У него есть книга «Лечение ран» 1940 года, которую он собирался послать мне, но не успел. Если это московское издание Медгосиздата, то нельзя ли, чтобы выслать ему пару экземпляров ввиду постигшего его несчастья. Может быть, тебя не затруднило бы позвонить, куда нужно, я был бы тебе очень благодарен.

Пока всего хорошего, дорогой Лёля, привет твоим и тебе от наших. Крепко целую.

Твой *Дм. Ульянов*

Адрес А. Г. Русанова: г. Ульяновск, Мединститут, Новый Венец, дом № 8.

Послано из Куйбышева в Москву.

«Ученые записки», стр. 250—253.

СТАТЬИ

1905 год

Я познакомился с Зиновием Петровичем[1] весною 1905 года, когда судьба нас столкнула на одной работе в Симбирском губернском земстве. Он приехал туда раньше меня месяца на полтора и служил там в качестве санитарно-эпидемического врача. В это время — в конце 1904 года и начале 1905 года — был подъем либерального движения в России. И вот Симбирское земство решило ввести санитарных врачей с целью улучшить медицинскую обстановку в деревне, хотя в душе земцы в громадном большинстве считали, что для лечения крестьян вовсе не нужно врачей, а достаточно фельдшеров. Но под влиянием либеральных настроений они надумали ввести две должности санитарных врачей. Как раз вышло так, что Зиновию Петровичу пришлось остаться в Симбирске в качестве заместителя заведующего санитарным отделом губернии, а мне быть санитарным врачом в Симбирском уезде... Несмотря на свой молодой возраст (ему еще не было 30 лет), Зиновий Петрович прекрасно справлялся с этой большой работой. Кроме того, ему еще приходилось руководить медицинским журналом для земских врачей...

Я увидел, что Зиновий Петрович — чрезвычайно трудолюбивый человек и что он, взявшись за это дело, хочет строить его с такой же плановостью и с такой же системой, как это велось в губерниях, где институт санитарных врачей уже существовал давно и где работали люди с более высокой квалификацией, как, например, в Московской губернии. Ни одной мелочи он не оставлял без внимания, на всем сосредоточивал свои силы,

[1] *З. П. Соловьев* (1876—1928) — известный революционер, член партии с 1898 года, видный деятель советского здравоохранения.— *О. У.*

старался вовлечь в это дело всех, кого только мог. Я прямо поражался его настойчивости и трудолюбию.

Зиновий Петрович чрезвычайно любил природу и искусство. Я помню наши поездки с ним весной 1905 года на лодке по Свияге и наши разговоры. Пока не было еще непосредственной работы политического характера. Мы вели с ним различные беседы. Когда мы уезжали в эти камышевые заросли, то там, вдали от людей, я видел, как Зиновий Петрович наслаждался природой. Приходилось беседовать с ним о многом. Говорили о втором съезде партии, который был за два года перед тем, о разрыве между Лениным и Мартовым, о Плеханове, и я помню, что Зиновий Петрович был всегда на стороне большевиков, был поклонником Ленина. Я был старше его года на два. Рассказывал ему, что двадцать лет назад, т. е. в восьмидесятых годах, я мальчиком часто ездил на лодке в этих местах по Свияге со своим старшим братом Александром Ильичем Ульяновым, который, как известно, был казнен за покушение на царя Александра III. Я рассказывал ему про это дело, и у нас возникал вопрос относительно террора, его значения, о его ошибочности в том смысле, что террор выдвигает наиболее крупных и преданных революционеров и отрывает их от рабочих масс. Я тогда совершенно ясно понял, что Зиновий Петрович настоящий ленинец.

Зиновий Петрович был художником. Как он любил природу, так он любил и искусство. Мне приходилось наблюдать его отношение к музыке и живописи. Он очень любил живопись и сам писал. Я видел его полотна, написанные масляной краской, хотя он никогда не учился. Если бы он прошел определенную школу, то мог бы сделать чрезвычайно много. Но учиться не приходилось, некогда было.

Затем я помню мои посещения с ним Третьяковской галереи. С ним было очень интересно ходить, смотреть и беседовать, он учил своему пониманию искусства.

С осени 1905 года... начались всеобщие забастовки. Зиновий Петрович совершенно забрасывает свою работу по земской управе и всецело отдается революционному движению. Здесь в организации он быстро занимает одно из первых мест. Ему даются самые ответственные поручения. В Симбирске почти совершенно не было ин-

дустриальных рабочих, так как город находится в земледельческой полосе; в сельских местностях у нас господствовали социал-революционеры.

В городе наиболее организованными являлись железнодорожные рабочие, и работа среди них была сразу поручена Зиновию Петровичу. Вследствие почти полного отсутствия индустриальных рабочих, приходилось заниматься пропагандой среди молодежи, там было несколько средних учебных заведений — семинария, коммерческое училище, гимназия и проч. Среди учащихся наша организация устраивала кружки, а Зиновий Петрович вел занятия, на которых давал объяснение, каким образом нужно эту молодежь направлять, потому что она требовала ответов на большие, сложные и спорные вопросы. Ничего не понимая в политической экономии, они требовали ответа: кто правильнее разрешает аграрный вопрос — эсеры или социал-демократы?.. Когда надо было устраивать митинги, собрания и т. п., всегда чувствовался замысел Зиновия Петровича, его воля, его стремление действовать по определенному плану, его уменье правильно организовать все дело.

В те времена (в 1905 году) была весна русского либерализма, она проникла и в Симбирск, где в это время был губернатором князь Яшвиль, настоящий либерал кадетского типа. Он ставил революционерам только такое требование, чтобы собрания устраивались в закрытых помещениях, и говорил, что если те выйдут на улицу, то он не может ручаться за то, что не будет столкновения с полицией. Но в помещениях гимназии, думы он позволял нам устраивать митинги и собрания.

Я помню одну беседу с Зиновием Петровичем по этому поводу, когда наиболее экспансивно настроенные товарищи говорили, что необходимо выйти на улицу; Зиновий Петрович трезво учитывал, что у нас нет для этого никаких ресурсов, мы прекрасно знаем силы и численность черносотенцев. Они сейчас же совершат на нас нападение, а за ними нападет и полиция.

Если вспомнить, что в Симбирске почти совсем не было рабочих, то станет ясно, что всякая уличная демонстрация повела бы к ненужным жертвам, была бы совершенно нелепа в тот момент.

В партийном комитете Зиновий Петрович пользовался большим авторитетом. Наша организация... целиком была большевистской. Появился в Симбирске некий

Аладьин, который потом стал членом I Государственной думы от Симбирской губернии. Он был не то трудовик, не то меньшевик, не то кадет. Этот Аладьин был когда-то исключен из Казанского университета, жил в Англии, стал каким-то конституционалистом, совершенно далеким от русской жизни и от революции. В Государственной думе первого созыва он играл немалую роль, был одним из крупных ораторов. До выборов мы его не раз приглашали в наш партийный комитет как эсдека и вели с ним дискуссию насчет того, надо или не надо принимать участие в выборах в Государственную думу. Помню, после одного из заседаний Зиновий Петрович сказал:

— Да, с этим человеком каши не сваришь и звать его к нам незачем, совершенно не наш, чуждый нам человек.

В начале 1906 года в нашем земстве появились другие веяния, реакционеры подняли голову, как и всюду, и почти единогласно провалили нашу санитарную организацию при тайном голосовании сметы на ее содержание. Мы все оказались без места и в начале февраля 1906 года должны были покинуть Симбирск. Я должен был уехать на север, а Зиновий Петрович получил место земского врача в Саратовской губернии, где в тяжелое время реакции принимал участие в партийной работе.

В 1909 году Зиновий Петрович был сослан в Усть-Сысольск, Вологодской губернии. Здесь он первое время жил в чрезвычайно тяжелых материальных условиях, да и вообще все годы ссылки были нелегкими. Для людей со слабым характером годы ссылки были очень опасными в том смысле, что жизнь в такой глуши при полной изолированности от всего внешнего мира морально и физически калечили человека. Но Зиновий Петрович не поддался этому влиянию ссылки. Многие товарищи, очень хорошие ребята, если и не спивались, то во всяком случае занимались не всегда тем, чем надо. Зиновий Петрович работал усиленно и в ссылке. Он там занялся, между прочим, изучением бактериологии.

В те годы появился ряд новых трудов по бактериологии, и он основательно изучил их. Имея большие связи с земскими врачами разных губерний, он добился того, что ему присылали труды различных врачебных съездов, он изучал их, и на основании этого материала поместил ряд статей в «Русском враче», «Фельдшерском

вестнике» и других журналах. Некоторые из этих статей представляют и теперь большой интерес.

Вместе с этим Зиновий Петрович изучал политэкономию и историю. О своей работе и об условиях ссылки он часто писал мне из той глуши.

Кроме того, Зиновий Петрович вел практическую работу, занимался политическим воспитанием товарищей. Я слышал от одного партийного товарища, который находился в ссылке в Вологодской губернии, рассказ о том, что в Усть-Сысольске имелись такие кружки, которые охотно посещались рабочими. Этими кружками с большим успехом руководил Зиновий Петрович...

Затем я встретился с Зиновием Петровичем после Октябрьской революции, уже в 1919 году, здесь, в Москве, когда он работал в Наркомздраве. Он с увлечением рассказывал, как проходили в Москве Октябрьские дни в момент подавления сопротивления белых в Хамовническом районе. Он говорил об этом не однажды, с большим подъемом и воодушевлением, и я видел, что действительно человек дождался того, чего ждал всю жизнь.

Относительно работы его в Военно-санитарном управлении Наркомздрава скажу только, что это был замечательный, редкий организатор. Если он был требователен к другим, то в десять раз больше — к самому себе. Работая целый день в Наркомздраве, он забирал с собой домой на ночь целый портфель бумаг. Я не раз указывал, что это ему непосильно, а он обычно отвечал, что днем ему некогда и он должен все серьезные дела изучать дома. Действительно, целый день в Наркомздраве он был загружен до предела, приезжали различные представители, каждому нужно было уделить время, кроме того — различные заседания, так что ему приходилось еще много работать дома, урывая часы от сна...

Впервые опубликовано в сборнике «Зиновий Петрович Соловьев». М., 1930.

Печатается по сборнику (с некоторыми сокращениями).

ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ НАРОДНОГО ЗДОРОВЬЯ[1]

Рабоче-крестьянская революция в своем поступательном движении сметает все остатки старого строя, ломает все ненужные перегородки между людьми, разрушает до основания прогнившие учреждения. Подобно бурному весеннему потоку она сносит на своем пути все запруды и преграды. Это ее разрушительная, очистительная работа.

Но, разрушая старое, нужно теперь же создать новое; отбрасывая негодное, нужно бережно охранять здоровые ростки, нужно использовать в полной мере полезную работу прошлого, его долгий опыт и знания. Созидательная творческая работа несет с собой очень много трудностей, но из этого вывод только один: нужно не медля ни минуты дружными усилиями браться за дело.

Подобно другим сторонам жизни, и в области медицины, в деле охраны народного здоровья, многое должно быть отброшено совсем, многое пересмотрено и перестроено на новых началах.

...О различных лекарственных снадобиях и «верных способах» лечения болезней мы много раз читали в газетных объявлениях и рекламах, где эти лекарства и способы лечения восхвалялись на все лады, как самые лучшие и надежные. На самом деле только очень немногие из них хороши, большинство же восхваляемых новых лекарств, исцеляющих якобы всякие болезни,— просто обман и надувательство несчастных больных, ко-

[1] Статья написана Д. И. Ульяновым в начале 1918 г.— в первые месяцы Советской власти в Крыму. Она отражает состояние и задачи в области здравоохранения в начальный период Советского государства.— *О. У.*

торые, страдая обычно неизлечимой или трудно излечимой болезнью, хватаются за всякую соломинку и пробуют разные лекарства. Надежды больных очень редко оправдываются, лекарства обычно дают только временное облегчение, а то и совсем не помогают. Выигрывают без промаха господа изготовители патентованных лекарств, которые набивают себе карманы, пользуясь незнанием и доверчивостью народа. Тем врачам, которые стараются объяснить больным, что не стоит тратить деньги на дорогие патентованные лекарства, обыкновенно мало верят, а крестьяне часто рассуждают так: вы нам в земских больницах даете плохие лекарства, потому что бесплатно хороших и дорогих лекарств у вас нет или вы держите их только для богатых. Разные знахари поддерживают веру народа в какие-то особенные, редкие и дорогие лекарства, в заговор от некоторых болезней и прочее, и этим путем обирают больных и наживаются...

...Лечебная медицина — это далеко не все в деле охраны народного здоровья.

Там, где мы не умеем лечить, мы можем предупреждать болезни, пресекать распространение их, предохранять других от заболеваний.

Мы можем не знать, как лечат какую-нибудь болезнь, но знать причину ее появления, знать, отчего люди ею заболевают. Тогда в чем же задача врача, в чем наша задача?

В том, чтобы устранить те вредные причины, которые вызывают болезнь, предупреждать заболевания.

В противоположность лечебной медицине это будет медицина предупредительная, или общественная санитария (от латинского слова Sanitas — здоровье).

Возьмем, например, собачье бешенство: человек, укушенный бешеной собакой, заболевает также бешенством через 2—3 месяца после укуса, спасти заболевшего уже нельзя, после нескольких дней мучений он умирает.

Но предупредить развитие бешенства можно, если скоро после укуса подозрительной собаки начать делать предохранительные прививки; чем раньше начать эти прививки и правильно их делать, тем вернее, что человек не заболеет.

Самая распространенная, самая страшная болезнь — чахотка не поддается лечению, только хороший уход,

свежий воздух и хорошее питание приостанавливают болезнь...

Между тем, откуда появляется эта болезнь (чахотка, или бугорчатка легких) — мы хорошо знаем, живую заразу (бактерию) изучили при помощи микроскопа; нам известно, что чахоткой больше всего заболевают фабричные, типографские рабочие и вообще все те, кому приходится много работать в закрытых помещениях, где мало воздуха и солнечного света.

По преимуществу это болезнь бедных — рабочего класса. Лечить ее медицина пока еще не умеет, но она может хоть отчасти предупреждать заболевание чахоткой, так как знает пути распространения этой болезни.

И задача медицины в борьбе с этой страшной болезнью, уносящей ежегодно в могилу многие тысячи молодых жизней, должна состоять в предупредительных мероприятиях.

Остро-заразные болезни, как тиф брюшной, тиф сыпной, холера, оспа, скарлатина... Медицина до сих пор не знает верных средств против них; самое большее, что в некоторых случаях можно немного ослаблять болезнь и помогать больному организму справиться с болезнью при помощи хорошего содержания и ухода.

И здесь также меры предупредительные могут значительно понизить заболеваемость и спасти многие тысячи людей от гибели. Против оспы существуют всем известные предохранительные прививки; благодаря им оспа стала очень редкой болезнью, особенно за границей, где оспопрививание поставлено лучше, чем у нас, в России.

В прежнее время, когда еще не было известно оспопрививание, от этой болезни умирали ежегодно десятки тысяч человек.

Против брюшного тифа и холеры в последнее время также найдены предохранительные прививки.

В прежние войны от этих болезней умирало больше солдат, чем от пуль и снарядов; в настоящую войну, там, где правильно производились предохранительные прививки, заболеваний было гораздо меньше. Но против холеры, брюшного тифа, кровавого поноса есть другие предупредительные меры, из которых главная: снабжение населения чистой, хорошей питьевой водой, устрой-

ство хороших закрытых колодцев и устройство водопроводов.

Холера — также болезнь по преимуществу бедняков, больше всего от нее умирали крестьяне и рабочие, вследствие плохого питания и непринятия предупредительных мер.

От таких болезней, как скарлатина и сыпной тиф, если больной и поправился, обычно бывают осложнения (болезнь сердца, почек, ушей), которые остаются на всю жизнь. Предупредительные меры — это дело государства, дело самого народа, их необходимо проводить в жизнь.

Много есть и других болезней, лучшим средством против которых будут общественные санитарные мероприятия.

В России очень велика детская смертность, ни в одной стране не умирает столько детей, грудных и до пятилетнего возраста, как у нас в России. По преимуществу гибнут дети крестьян и городской бедноты, дети, за которыми нет надлежащего надзора, матери которых несут тяжелую работу, при общем недостатке в средствах и недостатке хорошего питания для детей. Для борьбы с этим страшным злом должны быть приняты такие меры, как облегчение труда или даже полное освобождение от труда кормящих женщин, устройство в деревнях и городах яслей — приютов для детей, где несколько взрослых женщин будут специально поставлены для надзора и занятий с детьми, которые будут собраны вместе, если матери их заняты. Устройство для малолетних таких яслей — приютов — важная задача Советской власти; к этому серьезному делу должны быть привлечены интеллигентные женщины с некоторой подготовкой, любящие детей и желающие служить общему делу трудящихся. Общественное воспитание детей — очередная наша задача, нужно использовать опыт и закладывать первые камни.

Существует много специально женских болезней, которые развиваются от двух главных причин: оттого, что женщины работают в последние месяцы беременности и скоро встают на работу после родов, а другая причина — это устройство выкидышей (абортов) неумелыми руками и потихоньку, скрытно. Сколько женщин всю жизнь лечатся от этих болезней, раньше увядают, преждевременно стареют и становятся неспособными

к труду! Теперь не должно быть ни рабов, ни рабынь, нужно отбросить старые буржуазные предрассудки и мещанскую мораль. Женщина-мать должна быть свободна и пользоваться охраной и заботами истинно народного государства.

Следующей задачей общественной медицины является охрана здоровья детей школьного возраста, правильное для здоровья устройство школьных зданий и классной мебели и такое ведение занятий, которое не приносило бы вреда учащимся. Плохое устройство школы очень часто вредит хрупкому детскому организму, нужен надзор врача и контроль народной власти, чтобы оберегать здоровье детей и не допускать развития заразных болезней между ними. О школе я предполагаю поговорить еще с читателем в другой раз в особой статье, так как придаю этому вопросу громадное значение.

Есть целый ряд болезней, от которых страдают рабочие различных профессий, эти болезни так и называются профессиональными. Их наблюдали и лечили некоторые фабричные и земские врачи, их так много, что в газетной статье останавливаться на них не приходится. Главной причиной этих болезней являются вредные, ядовитые вещества, употребляемые в производстве: свинец, ртуть, разные краски и т. д. Некоторые может быть помнят, как лет 5—6 назад были массовые отравления работниц и рабочих на резиновых фабриках в Москве, Петрограде и Риге; причиной отравления оказался плохо очищенный бензин, который в этом производстве употребляется в большом количестве в закрытых мастерских. Господа фабриканты резиновых изделий думали только о прибылях и дивидентах и не хотели тратить лишней копейки на устройство вентиляции (освежение воздуха в помещении) и на покупку лучшего бензина. Работниц выносили замертво из мастерских, рабочие волновались и требовали расследования этого безобразия. А господа фабриканты и царское правительство пустило клевету на социал-демократов, будто они нарочно травили работниц, чтобы вызвать беспорядки!

При новом социалистическом строе профессиональные болезни нужно свести на нет, нужно устранить все вредности в производствах, здоровье рабочего должно быть оберегаемо всеми мерами. Техники и врачи должны быть привлечены к делу и указать способы оздоровле-

ния мастерских и устранения из производств по возможности всех вредных для здоровья веществ, а также изыскать меры для предохранения рабочих от несчастных случаев.

Есть много других болезней, которые можно предупредить разумными мерами, но в газетной статье всего не перечислишь и не объяснишь.

Кроме борьбы с той или другой болезнью в отдельности, перед местной Советской властью стоит задача общеоздоровительных мероприятий, как в городах, так и в сельских местностях; это меры — по очистке городов, по водоснабжению, по надзору за выделкой и продажей пищевых продуктов и другие. Особо серьезное значение имеет для Крымского полуострова дело снабжения населения хорошей питьевой водой, так как по местным почвенным условиям воды во многих городах и селах или мало, или она плохого качества. Этот вопрос настолько важен, что на нем необходимо остановиться в особой статье.

Теперь сделаем выводы из всего сказанного:

1) В деле лечебной медицины первым и основным положением должно быть: медицинская помощь бесплатна для всех. Врачи, фельдшера, акушерки должны получать жалование соответственно своему опыту и знаниям, из средств государства или местной Советской власти. Все лечебные заведения, как общие, так и специальные, родильные дома и т. д. должны быть муниципализированы и общедоступны для всех в одинаковой степени. Лечение в них должно быть бесплатным. Устройство новых больниц должно вестись по плану, выработанному Советами соответственно действительным потребностям городского и сельского населения. Оборудование лечебниц, лечение и содержание в них больных должно быть поднято на должную высоту. Регулирование лечебного дела и контроль за ним должны принадлежать санитарным коллегиям Советской власти и общественно-санитарным врачам при них.

2) Выработка плана предупредительных и общеоздоровительных мероприятий, контроль за проведением их в жизнь, руководство борьбой с разными болезнями, надзор за фабриками, школами, яслями-приютами для малолетних и т. д. возлагаются на те же советские санитарные коллегии и на специалистов — общественных санитарных врачей при них.

3) Этим же органам Советской власти поручается организация лекций и бесед для населения по медицинским вопросам, издание популярных книжек по медицине, а также устройство подвижных показательных выставок для того, чтобы развить в народе сознательное отношение к лечебной и предупредительной медицине и сделать каждого активным участником общего дела охраны народного здоровья.

Опубликовано в газете «Таврическая правда», 9 февраля 1918 года.

Печатается по газете (с некоторыми сокращениями).

ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ

Дорогие товарищи! Молодая гвардия Ленина!

Вам предстоят в это тяжелое, трудное время великие подвиги, великие дела. Дерзайте смелее, беззаветнее в боях, на фронтах, на самоотверженной работе в тылу. Берите пример с нашего учителя — великого Ильича. Он так верил в силы молодежи, в ее незапятнанную чистую душу. Беритесь за работу по вашей склонности. Интуиция не обманет вас. Пока гитлеровцы, эти враги всего человеческого, эти ненавистные проклятые звери, в России, первой задачей нашей является истребление их всех до последнего человека или изгнание за пределы своей страны.

Вперед на врага! Уничтожить это страшное зло, и тогда наш родной Советский Союз опять расцветет как прежде, и станет еще величественнее, еще прекраснее!

В колхозах, на фабриках и заводах вступайте энергичнее в предмайское соревнование за оказание помощи фронту!

Да здравствует Ленинский комсомол!

Да здравствует великий советский народ!

Да здравствует наша победа над врагом!

С коммунистическим приветом *Дм. Ульянов.*

Приветствие предмайскому митингу комсомольцев Ульяновска. Написано весной 1943 года.

Публикуется впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ 3
ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ (биографический очерк) 5

ВОСПОМИНАНИЯ

ОБ ИЛЬЕ НИКОЛАЕВИЧЕ 27
УЛЬЯНОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ 28
Из минувшего 30
ДЕТСКИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА 34
КАК РАБОТАЛ ЛЕНИН В МОЛОДЫЕ ГОДЫ 38
О КОКУШКИНЕ 41
ИЗ САМАРСКОГО ПЕРИОДА (1889—1893 годы) . . . 43
В Алакаевке 43
Случай с купцом Арефьевым 49
ШАХМАТЫ 53
О ВЫБОРЕ ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ ФАКУЛЬТЕТА 60
ЛЮБОВЬ К МУЗЫКЕ 61
СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ В МОСКВЕ (1893—1898 годы) . . 69
Еще о московском периоде 76
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ 78
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О II СЪЕЗДЕ РСДРП 84
Поездка за границу 84
Встреча в Женеве 85
На съезде 87
После съезда 90
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ГОРКАХ 92
I 92
II 103
РОМАН О СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ 107
КАК НЕЛЬЗЯ ПИСАТЬ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОВАРИЩЕ ЛЕНИНЕ 111
В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» . . 115

ПЕРЕПИСКА

1896 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 119

1898 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ 121
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 123
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 125
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. и М. Т. ЕЛИЗАРОВЫМ . . . 129
М. А. УЛЬЯНОВА — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 129
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 130
В. И. ЛЕНИН — М. А. и Д. И. УЛЬЯНОВЫМ 131
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 132

1899 год

В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ 134
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 137
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ 139
В. И. ЛЕНИН — М. А. и Д. И. УЛЬЯНОВЫМ 140

1900 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ 143
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ 143

1901 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 145
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ 146
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 147

1902 год

А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 148

1908 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 149
В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ 149
Д. И. УЛЬЯНОВ — В. И. ЛЕНИНУ 150
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 151

1909 год

В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ 152

1910 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ 153
В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ 154
В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ 155
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 155

1912 год

М. А. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 157
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 158
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 159
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 160

1914 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ 161
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 161
Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 162

1915 год

М. А. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 163
А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 164

1916 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ 165
А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 165

1917 год

А. И. ЕЛИЗАРОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 167

1919 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — М. И. УЛЬЯНОВОЙ 168
Д. И. УЛЬЯНОВ — В. И. ЛЕНИНУ 169

1920 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — В. И. ЛЕНИНУ 171

1921 год

МОСКВА, НАРКОМЗДРАВ, СЕМАШКО 172
Н. А. СЕМАШКО — Д. И. УЛЬЯНОВУ 172
В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ 173
З. П. СОЛОВЬЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ 173
В. И. ЛЕНИН — Д. И. УЛЬЯНОВУ 174

1930 год

М. И. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 175

1935 год

М. И. УЛЬЯНОВА — Д. И. УЛЬЯНОВУ 176

1937 год

Н. К. КРУПСКАЯ — Д. И. УЛЬЯНОВУ 177
А. И. ЯКОВЛЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ 177

1938 год

З. П. КРЖИЖАНОВСКАЯ — Д. И. УЛЬЯНОВУ 179

1940 год

А. И. ЯКОВЛЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ 180

1941 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ 183
А. И. ЯКОВЛЕВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ 184
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ 185

1942 год

Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ 186
А. Г. РУСАНОВ — Д. И. УЛЬЯНОВУ 186
Д. И. УЛЬЯНОВ — А. И. ЯКОВЛЕВУ 188

СТАТЬИ

1905 ГОД 191
ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ НАРОДНОГО ЗДОРОВЬЯ 196
ОБРАЩЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ 203

Ульянов Дмитрий Ильич

ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Воспоминания, переписка, статьи

Заведующий редакцией
Н. Р. АНДРУХОВ

Редактор
В. Н. СВЕТЦОВ

Младший редактор
Д. В. КАЛЬКО

Художник
В. А. КРЮЧКОВ

Художественный редактор
Г. Д. РАСТОРГУЕВ

Технический редактор
Л. К. УЛАНОВА

Сдано в набор 26 сентября 1973 г. Подписано в печать 16 января 1974 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 11,45. Учетно-изд. л. 9,73. Тираж 100 тыс. экз. А00016. Заказ № 2837. Цена в переплете 52 коп., в обложке 49 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

49 коп.

ИПЛ